

УДК 63 (063)

ББК 4

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Донского государственного аграрного университета

Редакционный совет

Бардаков А.И. - д.п.н., профессор
Бакулов В.Д. - д.ф.н., профессор
Бунчиков О.Н. - д.э.н., профессор
Габибов А.Б. - к.сх.н., доцент
Гайдук В.И. - д.э.н., профессор
Глушко И.В. - д.ф.н., профессор
Джуха В.М. - д.э.н., профессор
Лаврухина И.М. - д.ф.н., профессор
Остапенко И.А. - к.ф.н., доцент
Островская К.З. - к. фил. н., доцент
Штофер Л.Л. - к.ф.н., доцент
Яровой А.В. - д.ф.н., доцент

Редакционная коллегия

Брик А.Д. - к. юр. н., доцент
Емельянова О.Б. - к.фил.н., доцент
Кетова Л.П. - к.ист. н., доцент
Колосова Н.Н. - к.ф.н., доцент
Шейхова М.С. - к.э.н., доцент
Чумакова Т.Н. - к.пед. н., доцент

Журнал предназначен для ученых,
преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выпуск

№ 4, 2025

Учредитель:

**Донской государственный
аграрный университет**

Главный редактор:

Чернышова Евгения Олеговна

Зам. главного редактора:

Поломошнов Андрей Федорович

Ответственный секретарь:

Воронцова Татьяна Николаевна

Выпускающий редактор:

Пойда Елена Евгеньевна

Ответственный за

английскую версию:

Поломошнов Андрей Федорович

Технический редактор:

Сергеев

Александр Александрович

Дизайн и верстка:

Сергеев

Александр Александрович

Адрес редакции:

ФГБОУ ВО «Донской ГАУ»,

346493, п. Персиановский,

Октябрьский (с) район,

Ростовская область

e-mail: dgau-web@mail.ru

SCIENTIFIC JOURNAL

Volume
№ 4, 2025

Constitutor:
Don State
Agrarian University

Editor-in-chief:
Chernyshova Evgeniya Olegovna

Managing Editor:
Polomoshnov Andrey Fedorovich

Executive Secretary:
Vorontsova Tatyana Nikolayevna

Executive editor:
Poyda Elena Evgen'evna

**English version
Executive:**
Polomoshnov Andrey Fedorovich

Technical editor:
Sergeyev
Alexander Alexandrovich

**Computer design
and make up:**
Sergeyev
Alexander Alexandrovich

**Editorial Office
Address:**

FSEI HE «Don SAU»
346493, Persianovski, Oktyabrski district,
Rostov region
e-mail: dgau-web@mail.ru

УДК 63 (063)
ББК 4

HUMANITARIAN BULLETIN

**Don State Agrarian
University**

EDITORIAL REVIEW BOARD

Bardakov A.I. - doc. pol. s., professor
Bakulov V.D. - doc. ph. s., professor
Bunchikov O.N. - doc. ec. s., professor
Gabibov A.B. - can. ag. s., associate professor
Hayduk V.I. – doc. ec. s., professor
Glushko I.V. - doc. ph. s., professor
Juha V.M. – doc. ec. s., professor
Lavruchina I.M. - doc. ph. s., professor
Ostapenko I.A. - can. ph.s., associate professor
Ostrovskaya K.Z. - can. phil.s., associate professor
Shtofer L.L. - can. ph.s., associate professor
Yarovoy A.V.- doc. ph. s., associate professor

Editorial Board

Brick A.D. - can. leg., associate professor
Emelyanova O.B. - can. phil.s., associate professor
Ketova L.P. - can. his.s., associate professor
Kolossova N.N. - can. ph.s., associate professor
Sheikhova M.S. - can. ec.s., associate professor
Chumakova T.N. - can. ped.s., associate professor

The journal is intended for scientists,
Professors, graduate students and university
students.

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENS	
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	PHILOSOPHY AND CULTURAL STUDIES	
Вдовин В.В. ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: ДОСОКРАТИКИ	Vdovin V.V. PROBLEM OF SUBJECTIVITY AND SUBJECTHOOD IN ANCIENT PHILOSOPHY: PRE-SOCRATICS	5
Емельянова О.Б. ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В КУЛЬТУРОЛОГИИ	Yemelyanova O. B. PERSONAL IDENTITY: CONCEPTUAL APPROACHES IN CULTURAL STUDIES	13
Емельянова О.Б. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ	Yemelyanova O. B. A SOCIOLOGICAL VIEW OF PERSONAL IDENTITY	17
Нестерович Е.В., Пойда А.В., Пойда Е.Е. ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК ФОРМА КУЛЬТУРНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	Nesterovich E.V., Poyda A.V., Poyda E.E. JAPANESE NATIONAL CHARACTER AS A FORM OF CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL IDENTITY	22
Эфендиев А.Ф., Воронина А.П. ПОИСКИ КОНЦЕПТА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ	Efendiev A.F., Voronina A.P. THE SEARCH FOR THE CONCEPT OF A RUSSIAN NATIONAL IDEA	29
ИСТОРИЯ	HISTORY	
Колосова Н.Н. ДЕКАБРИЗМ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	Kolosova N. N. DECEMBRISM AS A HISTORIOGRAPHICAL PHENOMENON	36
Липатов А. В. ПРОСТРАНСТВО СОВЕТСКОГО СПОРТА: К ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ I СПАРТАКИАДЫ НАРОДОВ СССР	Lipatov A. V. SPACE OF SOVIET SPORT: TO THE HISTORY OF I SPARTAKIAD OF THE PEOPLES OF THE USSR	44
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY	
Ахантьева Н.В. ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ СПО	Akhanttyeva N.V. DEMONSTRATION EXAM IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF SECONDARY EDUCATION	53
Белоусов О.Н. НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ	Belousov O.N. NATIONAL MENTALITY IN THE CONTEXT OF ETHNOPSYCHOLOGY	58
Крылова М. Н. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В РАМКАХ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ БАКАЛАВРА	Krylova M. N. PEDAGOGICAL EXPERIMENT AS PART OF A BACHELOR'S DEGREE FINAL THESIS	64
Поломошнов А.Ф. ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ: ИТОГИ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ	Polomoshnov A.F. WESTERNIZATION OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION AND SCIENCE: RESULTS AND WAYS TO OVERCOME	70
Сергушина Е.С., Кабанов О.В., Харитонов В.И. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	Sergushina E. S., Kabanov O. V., Kharitonov V.I. TRANSFORMATION OF SPECIALIST TRAINING IN THE SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM	83
Ганчина Т.А. ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН В СПО	Ganchina T.A. DEMONSTRATION EXAM IN SPO	88
Кушкимбаев К.А. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ	Kushkimbaev K. A. DIGITAL TRANSFORMATION OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE	93
ФИЛОЛОГИЯ	PHILOLOGY	
Тароватова Н.В.	Tarovatova N.V.	99

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА		A MODERN APPROACH TO TEACHING ENGLISH	
ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ		POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY	
Козлова И.В., Козлова М.А. ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНВАЛИДОВ «ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ГЛУХИХ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ		Kozlova I.V., Kozlova M.A. ALL-RUSSIAN PUBLIC ORGANIZATION OF THE DISABLED "ALL-RUSSIAN SOCIETY OF THE DEAF" IN THE SOCIAL SECURITY SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION	107
Мадалиев И.А. ПРИЧИНЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ УЗБЕКИСТАНА		Madaliev I.A. REASONS FOR LABOR MIGRATION FROM UZBEKISTAN	112
РЕФЕРАТЫ	122	ABSTRACTS	127

УДК 316.77

В.В. Вдовин

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: ДОСОКРАТИКИ

Вдовин Владислав Владимирович – аспирант Ростовского государственного экономического университета РГЭУ (РИНХ). E-mail: vvdovin989@gmail.com, +79612691181

В статье рассматривается философско-антропологический анализ категорий субъективности и субъектности в контексте философии досократиков. Особое внимание уделяется тому, как раннегреческие мыслители подходили к проблеме субъекта, самосознания человека и его отношений с космосом. Субъективность понимается не только как эпистемологическая категория, но и как онтологическое условие человеческого существования, отражающее способность человека воспринимать, интерпретировать и соотносить себя с миром. Философские размышления досократиков о природе, бытии и космосе закладывали основы понимания человека как субъекта, обладающего рефлексией и способного к самопознанию. Подчеркивается историческая и концептуальная эволюция категорий субъекта и субъективности, их трансформация от космоцентрической к проантропоцентрической перспективе.

Ключевые слова: субъективность, субъектность, досократики, античная философия, человек, онтологическое познание, философская антропология.

V.V.Vdovin

PROBLEM OF SUBJECTIVITY AND SUBJECTHOOD IN ANCIENT PHILOSOPHY: PRE-SOCRATICS

Vdovin Vladislav Vladimirovich - postgraduate student at the Rostov State University of Economics of the Russian State Economic University of Economics (RINH), E-mail: vvdovin989@gmail.com , +79612691181

The article presents a philosophical and historical analysis of the concepts of subjectivity and subjecthood in the context of Pre-Socratic philosophy. It examines how early Greek thinkers approached the problem of the subject, human self-awareness, and the individual's relationship with the cosmos. Subjectivity is understood not only as an epistemological category but also as an ontological condition of human existence, reflecting the person's capacity to perceive, interpret, and relate to the world. Pre-Socratic philosophers, through their reflections on nature, being, and the cosmos, laid the foundations for understanding the human as a subject capable of reflection and self-determination. The study emphasizes the historical and conceptual evolution of subjectivity and its transition from a cosmocentric to a proto-anthropocentric perspective.

Keywords: subjectivity, subjecthood, Pre-Socratics, ancient philosophy, human being, ontological reflection, philosophical anthropology.

Проблема субъективности и субъектности в античной философии занимает ключевое место в философской антропологии, так как именно через категорию субъекта раскрывается способ человеческого присутствия в мире, его отношение

к бытию, знанию и культуре. Досократики, изучая природу, космос и основные начала (архэ), одновременно ставили вопросы о месте человека в мире и его способности к пониманию и осмыслению бытия.

Актуальность исследования определяется необходимостью философско-исторического осмысления возникновения категорий субъекта и субъективности, а также выявления их значения для становления философской антропологии. Изучение взглядов досократиков позволяет проследить ранние формы понимания человеческого «я» в контексте космоса и природных законов. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении субъективности и субъектности как фундаментальных категорий античной мысли и в выявлении их влияния на последующее развитие философской антропологии.

Целью статьи является анализ философско-антропологических оснований субъективности и субъектности у досократиков, раскрытие их взаимосвязи с космологическими представлениями и выявление влияния на формирование ранних концепций человека как субъекта познания и бытия.

В исследовании применены сравнительно-исторический метод (для анализа эволюции понятий субъекта и субъективности в античной философии), диалектический метод (для выявления взаимосвязи космологических и антропологических взглядов), герменевтический подход (для интерпретации текстов фрагментарных источников досократиков), а также элементы философской реконструкции (для восстановления смысловых и онтологических аспектов категории субъекта).

Анализ философии досократиков показывает, что категория субъекта возникала не как центр человеческой автономии, а как соотношение человека с космосом и природой. Философы, такие как Фалес, Анаксимандр, Гераклит, рассматривали человека как часть мирового порядка, обладающего способностью к познанию и пониманию закономерностей бытия. Это предопределяет постепенное формирование субъективности как внутреннего, рефлексивного измерения человеческого опыта, которое позднее в классической философии обрело самостоятельное онтологическое и когнитивное значение.

Проблема субъективности занимает одно из центральных мест в философской антропологии и философии культуры, поскольку именно через категорию субъекта раскрывается способ человеческого присутствия в мире, его отношение к бытию, знанию, опыту и культуре. Становление субъективности неразрывно связано с эволюцией представлений о человеке — от космоцентричных и теоцентричных моделей античности и Средневековья до антропоцентрических и экзистенциальных концепций Нового времени и современности.

В истории философии понятия «субъект» и «субъективность» претерпели сложную и многослойную трансформацию. От первоначального значения *hupokeinon* у Аристотеля — как «подлежащего», онтологического основания бытия, — эти понятия постепенно приобретают значение внутреннего, личного измерения человеческого опыта, а впоследствии начинают выражать целостность самосознания, автономию и творческую активность человека. В

этом смысле развитие философии субъективности представляет собой не просто изменение терминологии, а отражает глубокие мировоззренческие сдвиги и культурные преобразования.

Для философской антропологии важно, что формирование субъективности всегда происходило в пространстве культуры. Культура не только задаёт формы выражения субъекта — язык, символ, миф, институт, — но и сама выступает условием его становления. Понять субъекта вне культурного контекста невозможно, поскольку любое самосознание человека опосредовано исторически сложившимися образами, нормами и смыслами. Следовательно, исследование онтологических и философско-теоретических оснований субъективности требует обращения к историческим формам понимания человека и его внутреннего мира.

В античной философии постепенно формировалось понимание субъективности как индивидуального восприятия и внутренних оснований бытия. Уже в учениях софистов, а затем у Сократа, Платона и Аристотеля проявляется интерес к внутреннему миру человека, к соотношению знания, истины и сознания. Однако предпосылки этого поворота были заложены значительно раньше — в философии досократиков, для которых человек ещё не противопоставлен миру, а включён в его целостный космический порядок.

Для ранних мыслителей — Фалеса, Гераклита, Парменида других представителей милетской школы — основным вопросом была природа бытия как такового (*physis*), а не индивидуальное сознание. Тем не менее именно в этих первых космологических учениях заложены предпосылки будущего понятия субъекта — через поиск первоосновы (*archē*), через различение бытия и познания, через осознание соразмерности человеческого мышления и космоса.

Учение Гераклита Эфесского (ок. 544–483 до н. э.) также занимает особое место в становлении античной мысли о субъективности. Его философия знаменует переход от натуралистического космологизма милетской школы к осмыслению внутреннего, разумного начала мира и человека. В центре его мировоззрения стоит понятие логоса (λόγος) — универсального принципа меры, соразмерности и единства противоположностей, который одновременно является законом космоса и законом человеческого мышления[1 С.560].

Гераклит, в отличие от Фалеса, не ищет материального первоэлемента. Его интерес сосредоточен на внутренней структуре бытия, на порядке, по которому все изменяется и пребывает в единстве. Известная формула «всё течёт» (*πάντα ῥεῖ*) выражает не хаотическую изменчивость, а закономерность движения, подчинённого логосу[2 С.3]. «Этот космос, — пишет Гераклит, — не создал никто из богов и людей, но он был, есть и будет вечно живым огнём, мерно возгорающимся и мерно угасающим» (фр. 30 DK). В этом афоризме концентрируется его онтологическая позиция: бытие есть процесс, но процесс упорядоченный, обладающий внутренней мерой[3 С.480].

Логос у Гераклита выступает как универсальный принцип, соединяющий мир и сознание. Он не есть лишь человеческое слово или рассуждение — это сам закон бытия, разум космоса. Однако человек, обладая разумом (*noûs*), способен приобщаться к логосу, постигать его и выражать в речи. Тем самым в философии

Гераклита впервые формируется идея соразмерности космоса и человеческого мышления: познание возможно, потому что структура сознания соответствует структуре мира[4 С.320].

Отсюда возникает фундаментальное положение: сознание не противоположно бытию, а внутренне соприсродно ему. Человек познаёт не произвольно, а в силу того, что его разум — часть всеобщего логоса. Это — одна из ранних форм онтологического основания субъективности. Гераклитов логос — это не только порядок внешнего мира, но и мера внутреннего разумного усилия человека, направленного на понимание этого порядка.

При этом философ подчёркивает, что большинство людей «живут так, как будто имеют собственное разумение» (фр. 2 DK), но в действительности не осознают всеобщего логоса[5 С.430]. Отсюда возникает противопоставление индивидуального мнения (δόξα) и универсального разума (λόγος). Человеческая субъективность у Гераклита мыслится как способность преодолеть частное восприятие и достичь сопричастности всеобщему разуму. В этом проявляется ранняя форма философской рефлексии: человек может выйти за пределы собственного мнения и обрести внутреннее согласие с порядком бытия.

Для понимания субъективности важен и антропологический аспект учения Гераклита. Душа у него определяется как нечто бесконечно глубокое: «Границ души не найдёшь, как бы ни шёл по всем путям, — столь глубока её мера» (фр. 45 DK). Это одно из первых в истории философии высказываний, в котором человеческое внутреннее представлено как бездонная и неисчерпаемая реальность. Душа у Гераклита связана с логосом: чем суше душа, тем она мудрее, ибо сухость символизирует ясность и меру разума, тогда как влажность — чувственность и неустойчивость [6 С.240]. Таким образом, душа — это микрокосм, в котором отражается космический порядок.

Гераклит тем самым задаёт парадигму внутренней сопричастности человека и мира, в которой субъект мыслится не как автономное начало, а как выражение космического разума. Однако именно через эту сопричастность возникает возможность для индивидуального осознания, для внутреннего усилия, направленного к истине. Человек у Гераклита не является источником смысла, но является тем, кто способен *воспринять* и *выразить* смысл, уже присутствующий в бытии.

Эта позиция предвосхищает многие идеи последующих философских традиций. Так, стоики воспримут у Гераклита понятие логоса как мирового разума, в котором участвует человеческий дух; неоплатоники — идею внутреннего единства бытия и мышления; а философия Нового времени вернётся к гераклитовскому мотиву активности сознания в познании мира. Алексей Фёдорович Лосев, анализируя античную диалектику в труде «История античной эстетики», справедливо отмечал, что у Гераклита впервые появляется «высшая категория смыслового тождества», когда мысль и бытие не противопоставляются, а выражают одно и то же в разных формах. По Лосеву, именно гераклитов логос положил начало философскому пониманию смысла как структуры бытия.

В контексте становления философии субъективности значение Гераклита заключается в том, что он вводит понятие внутреннего универсального закона, который делает возможным как бытие, так и мышление. В его философии человек впервые предстает как соучастник космического разума, а познание — как акт внутренней сопричастности универсальному порядку. Субъективность здесь не тождественна индивидуализму: напротив, она выражает способность человека соотнести себя с всеобщим смыслом, преодолеть частное и обрести внутреннюю меру.

Философия Парменида из Элеи (ок. 540–480 до н. э.) представляет собой один из решающих этапов в становлении античного мышления и в формировании онтологических оснований субъективности. Если Гераклит осмыслял бытие как процесс, как вечное становление, то Парменид впервые утверждает идею неизменного, цельного и самотождественного бытия, противопоставленного миру чувственного опыта. Его учение знаменует переход от натурфилософского космологизма к подлинной метафизике бытия, где впервые формулируется принцип тождества мышления и бытия — фундаментальный для всей последующей философии.

Главное произведение Парменида — поэма «О природе» (*Periphyseōs*), написанная в форме мифологического повествования, где философ выступает как путник, восходящий к богине, открывающей ему истину. Эта художественная форма имеет глубокий символический смысл: она выражает переход от мира мнений (*doxa*) к миру истины (*aletheia*). В этом переходе проявляется зарождающаяся онтологическая субъектность — способность мышления преодолеть видимость и достичь подлинного бытия.

Парменид утверждает, что «одно и то же — мыслить и быть» (*τὸ ὁρᾶν αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι*, фр. 3 DK). Это одно из самых знаменитых изречений в истории философии, задающее фундаментальную связь между мышлением и онтологией. Для Парменида бытие есть то, что существует всегда, неизменно, целостно и самодостаточно; оно не может возникнуть из небытия, потому что «небытия нет». Тем самым отрицается всякая возможность становления и изменения в подлинном смысле — ведь изменение предполагало бы переход из небытия в бытие или наоборот, что логически невозможно.

Таким образом, Парменид впервые формулирует рациональную онтологию, основанную на принципе непротиворечия. Истина, по его мысли, не может зависеть от чувственного восприятия, поскольку чувства вводят в заблуждение, показывая изменение, множественность и движение. Подлинное знание достигается только разумом (*nous*), который способен постигнуть бытие как вечное и неизменное.

Формула Парменида «мыслить и быть — одно и то же» [7 С. 286] содержит не только онтологическое, но и гносеологическое измерение. Она утверждает, что мышление не есть внешнее отражение реальности, но само есть форма бытия. Мышление возможно лишь в той мере, в какой оно сопричастно бытию; мыслить небытие невозможно, ибо в акте мышления оно тем самым становится «бытием мысли». Здесь рождается фундаментальная идея, которая в дальнейшем

станет основанием для философии субъективности: познавательная активность субъекта укоренена в онтологическом бытии[8 С. 210].

Иначе говоря, познающий субъект не отделён от бытия, а есть его внутреннее проявление. Познавая, человек не конструирует мир, а приобщается к его сущности[9 С. 600]. Тем самым в философии Парменида формируется онтологическая взаимосвязь мышления и бытия, где субъект выступает не как автономный центр, а как соучастник истины.

А. Ф. Лосев, анализируя Парменидово учение в «Истории античной эстетики», отмечал, что «впервые философия становится строгим логическим учением, где мышление и бытие совпадают не только по содержанию, но и по форме». По мысли Лосева, Парменид создал образ мира, в котором разумное мышление впервые осознаёт себя как соразмерное бытию, а истина понимается как совпадение мысли с самой структурой реальности. Это совпадение и есть исходная форма субъективности — не психологической, а онтологической, когда мысль становится бытием, а бытие — мыслью.

В поэме Парменида богиня открывает философу две дороги: путь истины (*hodóstēs alētheias*) и путь мнения (*hodóstēs dóxēs*). Первая дорога ведёт к пониманию бытия как неизменного и единого, вторая — к восприятию чувственного мира, в котором всё кажется множественным и изменчивым. Этот дуализм отражает не просто различие между онтологическими уровнями реальности, но и между двумя способами человеческого познания — чувственным и умопостигаемым.

Тем самым Парменид впервые формулирует структуру познавательного акта, в которой субъект должен отказаться от обманчивых данных чувств и обратиться к разуму как к единственному источнику истины. Это движение от *doxa* к *aletheia* — не только путь знания, но и путь внутреннего преобразования субъекта, который, отрываясь от чувственности, утверждает себя как разумное существо.

В этом отношении Парменид оказывается предшественником всей классической рационалистической традиции. Его идея интеллектуального познания истины предвосхищает как платоновское учение об идеях, так и аристотелевскую концепцию интеллекта (*nous*), для которого мыслить — значит быть в истине.

Хотя Парменид не использует термин «субъект» в современном смысле, его философия содержит предпосылки для последующего формирования этого понятия. Он показывает, что истина не находится вне человека, но постигается через акт мышления. Познание — это не эмпирическое восприятие, а внутреннее соучастие в бытии, где разум становится носителем истины. Таким образом, человек как мыслящее существо оказывается вовлечён в саму структуру бытия: его мышление имеет онтологический статус.

Здесь можно говорить о рождении метафизического субъекта — не в смысле индивидуального сознания, а как универсального принципа разумности, связывающего бытие и познание. Этот субъект ещё не автономен, он не противопоставлен миру, но уже мыслится как форма присутствия бытия в мышлении.

Именно этот момент делает Парменидову философию одним из краеугольных камней западной метафизики. В его системе заложен принцип, который впоследствии станет ядром европейской философии сознания: истина возможна, потому что мышление и бытие тождественны в своей основе. Декарт, Спиноза, Гегель и Хайдеггер по-разному интерпретировали эту идею, но все они возвращались к парменидовскому тезису как к исходной точке.

С точки зрения философской антропологии, Парменид делает решающий шаг в направлении осмысления внутреннего мира человека как области, в которой открывается истина. Отказываясь от чувственного как источника знания, он тем самым поднимает познание на уровень разума, делая внутреннее мышление главным инструментом постижения бытия. Этот шаг знаменует переход от натурфилософии к философии разума, где субъект впервые осознаётся как условие истинного знания.

Лосев справедливо указывал, что для Парменида «бытие есть не просто вещь или субстанция, а смысл, открытый разуму». В этом смысле Парменид задаёт категориальную структуру, в которой субъект неотделим от истины. Познание здесь — не отражение, а *соприсутствие*, не внешнее наблюдение, а *пребывание в бытии*. Таким образом, можно утверждать, что в его философии появляется онтологическая модель субъективности, где разум не просто познаёт мир, но и соучаствует в его бытии.

Учение Парменида из Элеи знаменует собой момент радикального сдвига в истории философии. Если Гераклит видел в мире становление и напряжённое единство противоположностей, то Парменид утверждает единство как неизменность, как абсолютную истину, доступную только разуму. Именно здесь впервые возникает идея тождества мышления и бытия — идея, которая положила начало метафизике истины и субъектности.

Для дальнейшего развития философии субъективности значение Парменида трудно переоценить. Он показал, что мышление не является субъективным мнением, а представляет собой форму бытия, что истина укоренена не в опыте, а в разуме. В этом заключается глубинная основа всей европейской традиции рационализма и философии сознания: субъект познаёт, поскольку он причастен бытию, а бытие открывается лишь через мышление.

Таким образом, досократики не рассматривали человека как автономного субъекта в новоевропейском смысле, но именно они заложили исходные предпосылки для его возникновения. От мифологического образа человека как части природы философия переходит к осмыслению мышления как формы бытия. Гераклитов логос и парменидовская тождественность мышления и бытия образуют фундаментальную линию, на которой впоследствии возникнет вопрос о внутреннем мире человека и его способности к самопознанию.

Литература

1. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Том I. — М.: Искусство, 1988. — 560 с.

2. Лебедев, А. В. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I: От Эпименида до Гераклита. — М.: Наука, 2010. — 3 с.
3. Лебедев, А. В. Фрагменты ранних греческих философов. Часть II: Парменид, Зенон, Мелисс. — М.: Наука, 2012. — 480 с.
4. Асмус, В. Ф. Античная философия. — М.: Высшая школа, 1999. — 320 с.
5. Асмус, В. Ф. Работы по античной философии. — М.: Наука, 1975. — 430 с.
6. Гусейнов, А. А. Античная этика. — М.: Мысль, 1985. — 240 с.
7. Мамардашвили, М. К. Лекции по античной философии. — М.: Логос, 2011. — 286 с.
8. Курыжков, А. И. Парменид и проблема бытия в античной онтологии. — М.: РГГУ, 2006. — 210 с.
9. Фрагменты досократиков / под ред. А. О. Маковельского. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1935. — 600 с.

References

1. Losev, A. F. Istorija antichnoj estetiki. Tom I [History of Ancient Aesthetics. Vol. I]. — Moscow: Iskusstvo, 1988. — 560 p.
2. Lebedev, A. V. Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Chast' I: OtJepimenida do Geraklita [Fragments of Early Greek Philosophers. Part I: From Epimenides to Heraclitus]. — Moscow: Nauka, 2010. — 3 p.
3. Lebedev, A. V. Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Chast' II: Parmenid, Zenon, Meliss [Fragments of Early Greek Philosophers. Part II: Parmenides, Zeno, Melissus]. — Moscow: Nauka, 2012. — 480 p.
4. Asmus, V. F. Antichnaja filosofija [Ancient Philosophy]. — Moscow: Vysshaja shkola, 1999. — 320 p.
5. Asmus, V. F. Raboty po antichnoj filosofii [Works on Ancient Philosophy]. — Moscow: Nauka, 1975. — 430 p.
6. Guseinov, A. A. Antichnaja etika [Ancient Ethics]. — Moscow: Mysl', 1985. — 240 p.
7. Mamardashvili, M. K. Lekcii po antichnoj filosofii [Lectures on Ancient Philosophy]. — Moscow: Logos, 2011. — 286 p.
8. Kuryzhkov, A. I. Parmenid i problema bytija v antichnoj ontologii [Parmenides and the Problem of Being in Ancient Ontology]. — Moscow: RGGU, 2006. — 210 p.
9. Makovelskij, A. O. (ed.). Fragmenty dosokratikov [Fragments of the Presocratics]. — Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1935. — 600 p.

О.Б. Емельянова

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В КУЛЬТУРОЛОГИИ

Емельянова Ольга Борисовна - канд. филолог. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет»

Статья посвящена изучению культурологических концепций, исследующих идентичность личности. Исследование идентичности началось с концепций античных философов, определивших черты идеального гражданина, полностью понимающего предназначённую ему обществом и государством роль. Взгляд на идентичность личности со временем менялся: от осмысления культуры отдельного человека, формирования его мифологического мышления, религиозных понятий до широкой культуры и воздействия географических, исторических причин на его идентичность. В современных научных теориях преобладает мнение о том, что культурная идентичность формирует условия культурной атрибуции и предлагает авторское прочтение иерархии её уровней: индивидуальный, организационный, институциональный уровень, межнациональный уровни. Учёные исследуют инкультурацию как процесс обретения человеком культурной компетентности: освоение ценностей, познание национальных традиций, формирование гуманитарной эрудиции.

Ключевые слова: культурологические концепции идентичности, идентичность личности, культура и идентичность, инкультурация, почвеннический взгляд на идентичность, культурная идентичность, конвергенция и дивергенция.

O. B. Yemelyanova

PERSONAL IDENTITY: CONCEPTUAL APPROACHES IN CULTURAL STUDIES

Yemelyanova Olga Borisovna - Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Socio-Humanitarian Disciplines Don State Agrarian University

The article is devoted to the study of cultural concepts exploring the identity of a person. The study of identity began with the concepts of ancient philosophers, who defined the features of an ideal citizen who fully understands the role assigned to him by society and the state. The view of personal identity has changed over time: from understanding the culture of an individual, the formation of his mythological thinking, religious concepts to broad culture and the impact of geographical and historical reasons on his identity. In modern scientific theories, the prevailing view is that cultural identity forms the conditions for cultural attribution and offers an author's interpretation of the hierarchy of its levels: individual, organizational, institutional, and interethnic levels. Scientists study inculturation as a process of acquiring cultural competence by a person: the development of values, knowledge of national traditions, and the formation of humanitarian erudition.

Keywords: cultural concepts of identity, personal identity, culture and identity, inculturation, a soil-based view of identity, cultural identity, convergence and divergence.

Культурологический подход к определению идентичности личности обладает эвристическим потенциалом. Идея культуры как начала морального, эстетического, интеллектуального развития человека была выдвинута ещё в античности софистами Протагором, Антифонтом, Гиппием. Именно Гиппий впервые стал рассуждать об идеях, созвучных мысли о «глобальной культуре», он полагал, что люди в своей сущности равны, и только культура позволяет отличить один народ от других. Культура, по мнению софистов, антагонична природе: сущность жизни людей субъективна, а мира природы объективна.[3].

В Новое время примордиалистский подход оценивал национальную идентичность как данность человеку от природы, при которой национальность проявляется на базе совокупности этнических и культурных устоев без привязки к государственному строю. Примордиализм был наиболее ранним направлением в антропологии и этнологии, развивавшимся на основе установок философии эссенциализма и романтизма XIX в. Представителями этого направления выступили, И. Г. Гердер, Ж. А. де Гобино, Н. Я. Данилевский. В этот период в структуре философской мысли активно используются концепты «национальный дух», «национальный характер», «душа нации».

Мысль о развитии универсальных «элементарных идей», формирующих исходное сходство культур, была выдвинута в концепции Адольфа Бастиана: все человеческие общества разделяет набор «элементарных идей» – универсальных для всего человечества форм мышления, заложенных на первоначальном этапе развития человечества. С другой стороны, формируются разные культуры, и «народные идеи» [1,18] – характерные только для отдельных общностей, выражающих их локальные трансформации. Культура отдельного человека, формирование его мифологического мышления — есть итог влияния особых законов развития общей, широкой культуры и воздействия географических, исторических причин на его идентичность.

Почвеннический взгляд в отечественном философском дискурсе расширил рамки исследования идентичности. Выдвигаются новые содержательные понятия, такие, к примеру, как «сердце просвещения», предложенное И.В. Киреевским, которое включает в себе идею развития культурных центров, транслирующих основы русской идентичности через популяризацию национальных ценностей. Киреевский доказывал своеобразие и оригинальность русской идентичности [5, 184]. Эта мысль была развита в трудах философов Золотого века – Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, И.А. Ильина, которые своеобразно раскрывали феномен российской культурной идентичности.

В современном философском дискурсе культурологический подход к осмыслению идентичности приводит к пониманию его динамической структуры. Исследователи часто склоняются к обоснованности применения синтеза подходов. Во-первых, это исследования в рамках дихотомической модели культуры, в которой используются разные подходы. Например, в интерпретации Л.В. Мельниковой уместно разделить цивилизационный, личностный и социологический подходы: «необходимо попытаться разработать такую концептуально-методологическую основу исследования, в которой удалось бы

осуществить продуктивную интеграцию всех трех подходов» [6, 231]. Во-вторых, это концепции, отражающие моделирование социальных процессов. К примеру, в этом ключе можно рассмотреть концепцию анализа идеализации успеха, отражающую современный пространственно-средовой инструментарий деятельности человека и направленный на автокоммуникацию[2].

Инкультурацию и культурную идентичность изучает Г.В. Бакуменко в концепции социальной автокоммуникации. Он опирается на идею о том, что культурная идентичность формирует уровни культурной атрибуции: индивидуальный, когда личность готова принять культурные эталоны общества; организационный, когда личность опирается на субъектность организаций, её корпоративной культуры в производстве базовых ценностей;... институциональный уровень – личность реализуется в разных отраслях социальных практик: науке, системе образования, медицине, сельскохозяйственной деятельности; национально-государственный – личность включается в государственный социальный континуум; межнациональный уровень связан с трансграничной деятельностью, глобализацией, диктующей условия жесткой унификации.

Культурологический подход подчеркивает динамизм формирования идентичности человека, на основе равно происходящих конвергенции и дивергенции, при которых процессы личностного формирования происходят как одновременное сближение и взаимообмен культур, так и в противовес им – личность формируется через отрицание всеми принятых норм, традиций, правил.

В концепции М.В. Заковоротной концепт «культурная идентичность» рассматривается как триада идентичности культуры, идентичности социальных групп и идентичности личности. Первую из них Заковоротная связывает с «осознанием особенностей...культуры..., оформленное в виде истории, мифов, религии, духовной жизни народа» [4, 134]. Вторую Заковоротная связывает с местом социальных групп в социокультурном хронотопе: «становление социальной общности на основе выбора и формирования места в социальном взаимодействии путем социальной детерминации» [4, 135]. Третья, по мнению автора, является итогом социокультурной идентификации в заданном историческом, социокультурном пространстве: «...процесс становления человека на основе выбора и формирования жизненной модели в социальном взаимодействии во имя исторической самореализации» [4, 134]. М.В. Заковоротная приходит к выводу о личностной идентичности как принятии «своего исторического жизненного пути, своего смысла, своего времени» [4, 136].

В концепции А.Я. Флиера исследуются типы маркеров идентичности: 1.анатомические, 2.культурные, 3.общественные, 4. политические, 5.когнитивные и 6.досуговые. Именно этот набор исходных данных способен описать культурную сущность человека [7, 112-113]. Флиер указывает на социокультурный характер идентичности и отмечает параллельность её социализации и инкультурации, выступающих в структуре самоопределения в социокультурном поле. Социализацию как процесс ориентирования, Флиер описывает по множеству параметров: как культурные условия

жизнедеятельности, социальные роли и способы исполнения этих ролей в имеющихся условиях [7,115]. Инкультурацию как процесс обретения человеком культурной компетентности Флиер рассматривает как совокупность таких критериев: освоение систем ценностных ориентаций, этикетных норм, общепринятой интерпретации различных явлений, познание национальных и сословных традиций, господствующей морали, эрудиция в социальных и гуманитарных знаниях [7,127].

Культурологический срез идентичности показывает её и как результат и как особый, неповторимый образ культуры, вне которой её существование невозможно.

Литература:

1. Bastian A. Ueberethnologische Eintheilungen // Zeitschrift für ethnologie. Berlin, 1871. S. 18.

2. Бакуменко Г.В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката / Г.В. Бакуменко // Москва: ООО «СамПолиграфист», 2021. - 276 с.

3. Брагова, А. М. Марк Туллий Цицерон об идеальном гражданине и государстве // диссертация кандидата исторических наук : 07.00.03. / А.М. Брагова // Нижний Новгород, 2005. - 257 с.

4. Заковоротная, М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М.В. Заковоротная ; Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк. Ростов-на-Дону гос. ун-т. - Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 1999. – 199 с. 1999. - URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/st005.shtml>.

5. Киреевский, И.В. Полное собрание сочинений: в 4 т.: Т.2. Литературно-критические статьи и художественные произведения. Калуга: Гриф, 2006. 365 с. – С. 184.

6. Мельникова, Л.В. Проблема культурной идентичности: концептуальные подходы / Л.В. Мельникова // Гуманитарные и социальные науки. - 2010. - № 5. - С. 226-234.

7. Флиер, А.Я. История культуры как смена доминантных типов идентичности / А.Я. Флиер // Личность. Культура. Общество. - 2012. - Том XIV. Вып. 1 (№№ 69–70) - С.108-122.

References

1. Bastian A. Ueberethnologische Eintheilungen // Zeitschrift für ethnologie. Berlin, 1871. S. 18.

2. Bakumenko G.V. Cennostnaya dinamika simvolov uspekha: na materiale statistiki kinoprokata [The Value Dynamics of Success Symbols: Based on Film Distribution Statistics] / G.V. Bakumenko // Moskva: ООО «SaMPoligrafisT», 2021. - 276 s.

3. Bragova, A. M. Mark Tullij Ciceron ob ideal'nom grazhdanine i gosudarstve [Marcus Tullius Cicero on the Ideal Citizen and the State] // dissertaciya kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.03. / A.M. Bragova // Nizhnij Novgorod, 2005. - 257 s.

4. Zakovorotnaya, M.V. Identichnost' cheloveka. Social'no-filosofskie aspekty [Human Identity. Social and Philosophical Aspects] / M.V. Zakovorotnaya ;Sev.-Kavk. nauch. centr vyssh. shk. Rostov-na-Donugos. un-t. - Rostov-na-Donu: SKNC VSH, 1999. – 199 s. 1999. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/st005.shtml>.
5. Kireevskij, I.V. Polnoesobraniesochinenij [The Complete Works]: v 4 tt.: T.2. Literaturno-kriticheskiestat'iikhudozhestvennyeproizvedeniya. Kaluga: Grif, 2006. 365 s. – S. 184.
6. Mel'nikova L.V. Problema kul'turnoj identichnosti: konceptual'nye podkhody [The Problem of Cultural Identity: Conceptual Approaches] / L.V. Mel'nikova // Gumanitarnye i social'nye nauki. - 2010. - № 5. - S. 226-234.
7. Flier, A.YA. Istoriya kul'tury kak smena dominantnykh tipov identichnosti [The History of Culture as a Shift in Dominant Identity Types] [Tekst] /A.YA. Flier /Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. - 2012. -TomXIV. Vyp. 1 (№№ 69–70) - S.108-122.

УДК 130.2

О.Б. Емельянова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Емельянова Ольга Борисовна - канд. филолог. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет»

В статье анализируются основные концепции идентичности личности, которые разработали социологи. Взаимодействие человека и общества позволяет исследовать социализацию личности. Зарубежные социологи доказали, что социальная среда многосистемна, поэтому важно проследить, как структурные институты формируют ценности и выборы людей, диктуют их поведение и предпочтения. Многие зарубежные учёные приходят к выводу, что идентичность не заложена в человеке изначально, а формируется в процессе социализации. Солидарность регламентирует социальную связь индивида с группой, его устремления, убеждения, религиозные основы. В современном российском научном социологическом дискурсе интересен альтернативный взгляд на идентичность как на многоуровневую модель, в которой многоуровневость реализована в синтезе национально-гражданской, региональной и этнической идентичности.

Ключевые слова: идентичности личности; идентификация личности; национально-гражданская, региональной и этнической идентичность; социальная идентичность; социологический подход к исследованию идентичности; индивид и среда.

О. В. Yemelyanova

A SOCIOLOGICAL VIEW OF PERSONAL IDENTITY

Yemelyanova Olga Borisovna - Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Socio-Humanitarian Disciplines Don State Agrarian University

The article analyzes the basic concepts of personal identity developed by sociologists. The interaction of man and society allows us to explore the socialization of personality. Foreign sociologists have proved that the social environment is multi-systemic, so it is important to trace how structural institutions shape people's values and choices, dictate their behavior and preferences. Many foreign scientists come to the conclusion that identity is not inherent in a person from the beginning, but is formed in the process of socialization. Solidarity regulates an individual's social connection with a group, his aspirations, beliefs, and religious foundations. In modern Russian scientific sociological discourse, an alternative view of identity as a multilevel model is interesting, in which multilevelness is realized in the synthesis of national, civil, regional and ethnic identity.

Keywords: *identity of personality; identification of personality; national-civil, regional and ethnic identity; social identity; sociological approach to identity research; individual and environment.*

Исследование идентичности личности во все времена вызывало интерес учёных, философов. Свой значимый вклад в развитие этого аспекта науки внесли социологи. Основоположником социологического взгляда на идентичность личности принято считать Дж. Мида. Исследователь рассматривал поведенческий аспект идентичности как навык и умение человека давать анализ собственного поведения в его целостном проявлении. Идентичность анализируется как некая модель, гармонично регулирующая личностное, частное и социальное. Ключевой тезис в работах Мида — идентичность отдельной личности представляет из себя социальный продукт, который развивается благодаря общению, взаимодействию человека и общества. Концепция Дж. Мида позволила направить исследование идентичности в область социального измерения через исследование социализации личности [5].

Т. Парсонс рассматривал идентичность как совокупность механизмов, кодов, сущность которых составляют установки и правила. В его видении идентичность входит в конструкт личности, и не должна рассматриваться в качестве некоего состояния. Т. Парсонс применяет функциональный подход к изучению идентичности. С социологической точки зрения он анализирует корреляцию отношений индивида и среды, в которой он существует. По его мнению, социальная среда многосистемна, и каждая её составляющая несет определенную роль и осуществляет возложенные на неё функции. Для Т. Парсонса важно было проследить, как структурные институты формируют ценности и выборы людей, диктуя поведение и предпочтения. И соответственно, он пришел к выводу, что социальная идентичность отражает статичные системы правил, следуя которым личность выбирает определенные действия, обусловленные ролью, которую человек играет в обществе. Роли проявляются посредством профессионального становления, социального статуса, иных социальных ролей, которые они играют в обществе. Социальная роль выполняет адаптивную функцию. По мнению Парсонса, идентификация проявляется как принятие ценностей другого, с кем индивид себя идентифицирует, тогда и сам индивид и важный другой константны в своих ролевых взаимоотношениях, где нормативный социальный кодекс для них становится общим. К основным социальным институтам, формирующих ролевую идентичности личности Парсонс относил семью и школу. Религию Парсонс рассматривал как базис

политических стандартов и убеждений личности, важных для политической жизни общества. Именно социализация становится ведущим механизмом, при котором посредством принятия разнообразных культурных форм — лингвистических, традиционных, нравственно-этических — личность усваивает очертания тех социальных ролей, которые кажутся ей приемлемыми и принимает решение добросовестно играть эти роли [6].

В концепции П. Бергера и Т. Лукмана идентичность проанализирована с позиции социального конструирования существующей картины мира. Идентичность рождается в дискурсе взаимодействия социального и личностного, из диалектики индивида и общества. Разнообразные общественные процессы прямо или косвенно влияют на внутреннюю природу человека, этот же процесс действует и наоборот: яркая идентичность может двигать общественные процессы. Высшая, истинная идентичность индивида возможна при следовании важным этапам: признание в группе правил и норм поведения; отождествление с множеством социальных ролей, важным для данного общества; сохранение неповторимого «Я»; принятие идентичности представителями социума. П. Бергер и Т. Лукман указывают на первичную и вторичную социализацию. Первая из них способствует созданию представлений индивида об образе других членов социума; вторая даёт возможность глубокой социализации и деятельного участия в реально происходящих процессах в мире. Это участие выражено как интернализация, при которой идентичность управляет поведением человека, позволяя ему принимать и проживать разнообразные роли. П. Бергер и Т. Лукман предлагают собственную классификацию форм идентичностей: родовая, гендерная, национальная (этническая), конфессиональная, поколенческая, семейно-родственная, гражданская, профессиональная (трудовая). В конечном счете, им удалось убедительно доказать, что идентичность не заложена в человеке изначально, а формируется в процессе социализации. [1].

Новизна концепции идентичности Э. Дюркгейма заключается в том, что он сосредоточил внимание на исследовании определенных механизмов, которые являются сложным формирующим началом идентичности, где общество выступает главным влияющим элементом. Э. Дюркгейм исследует морфологические типы солидаризации внутри общества, подразделяя саму солидаризацию на два вида. Первый вид - механическая солидарность - проявляется в первобытнообщинных, синкретических обществах, где трудовые функции каждого члена достаточно размыты и не конкретны. Второй вид - органическая солидарность - обнаруживается в развитых обществах, где разделение функций способствует обмену деятельностью, опытом, продуктами между членами коллектива. «Чем примитивнее общество, тем больше люди в нем схожи, выше уровень принуждения, насилия, а в развитом обществе люди терпимее друг к другу, важна демократия» [3,15¹]. Основываясь на анализе традиционных и современных обществ, Дюркгейм формулирует теорию трансляции социальной идентичности. Так, «в традиционных обществах индивид формирует свою идентичность на основе культуры социума, а в современных — за счет коллективных норм, ценностей социальной организации» [3, 328].

Э. Дюркгейм обосновывает идею о том, что ощущение социальной принадлежности возможно только если личность открыто принимает установленные законы, традиции, наделяет собственными смыслами принятые в обществе ценности и искренне разделяет групповые нормы: «Единственная сила, способная умерять индивидуальный эгоизм, — это сила группы» [3, 340]. Солидарность регламентирует социальную жизнь общества — тем теснее и крепче связь индивида с группой. Коллектив отстаивает себя в борьбе против агрессивного влияния личности, отторгающей законы и обычаи, усиливая в этой борьбе статус единства.

Дюркгейм не употреблял напрямую термин «идентификация», но основные аспекты этого процесса изложены в идеях формирования «социальной сущности» личности. Э. Дюркгейму удалось доказать, что социальная реальность не просто отражает индивидуальные предпочтения или выборы человека, а активно формирует их.

Оригинальное исследование идентичности предложено представителем символического интеракционизма Ч. Кули, который разработал теорию «Зеркального Я». Наименование теории в оригинале произносится как «Looking-glassself» и непосредственно переводится словосочетанием «зеркальная самость»: 1. что личность думает о том, как её видят другие люди; 2. что личность думает о том, какова её общая оценка этими другими; 3. эмоциональное самоощущение личности как реакция на её оценивание со стороны других [4, 210]. Понимание, осмысливание, осознание себя является динамическим процессом, не статическим состоянием. Первичные группы (семья, родственники, друзья) играют ведущую роль во всех стадиях развития самости. Ч. Кули подчеркивает: «индивиды склонны выбирать круг общения с теми людьми, которые поддерживают их самоидентификацию» [4, 67].

В современном российском научном социологическом дискурсе интересен альтернативный взгляд на идентичность как многоуровневую модель: «анализ уровней идентичности показывает, что они могут трансформироваться... в силу объективных и субъективных причин, может иметь место «сужение» (или фрагментация) или «расширение» идентичностей» [8, 241]. Подобное моделирование исследовано З. А. Жаде и Р. Д. Хунаговым.

Рассматривая идентичность с национально-гражданской позиции, исследователи обращают внимание на отождествление личности с нацией, которое проявляется как гражданская позиция, направленная на различные сферы жизни страны: политическую, культурную, общественную. Важнейшим институтом, позволяющим проявить идентичность, является гражданство. Концепция многоуровневой идентичности обосновывает важную идею: «национально-гражданская идентичность подразумевает... представление о себе как о представителе титульной нации, ответственной за историческое прошлое и современное состояние» [7, 52].

Многоуровневость реализована в синтезе национально-гражданской, региональной и этнической идентичности. *Национально-гражданская* идентичность проявляется в широком контексте как осознание принадлежности и эмоциональной причастности к политическому и гражданскому сообществу

определённого государства, основана на социальной солидарности и ответственности за судьбу нации. *Региональная* идентичность прежде всего проявлена территориально как глубокая связь личности с местом, где она воспитывалась, росла и продолжает проживать. *Этническая* идентичность основана на осмыслении внутренней принадлежности к конкретной этнической общности и выражена в трансляции её «системы социально-исторических и антропологических атрибуций» [7, 54], сопричастность истории и культуре, нормам этноса и проявление солидарности к своему этносу.

В социологическом подходе субъектом идентичности выступает личность как член общества, поэтому в ее структуре важны социальные параметры индивидуальной идентичности, отождествление личности с социумом и его установленными правилами. В широком социальном контексте возможно исследование идентичности как социальных групп, так и общества.

Литература:

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания /П. Бергер, Т.Лукман // Пер. Е.Д. Руткевич. — Москва: Медиум, 1995.
2. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации [Пер.: Тюрина И.] / Э. Гидденс // Москва: Академический Проект. 2-е изд. - 2005 - 528 с.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [перевод с французского] /Э. Дюркгейм // Социологическое наследие. Москва: Наука, 1991. - 574 С.
4. Кули, Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Ч.Х.Кули // Москва: Идея-Пресс, 2000. – С.210.
5. Мид, Дж. Интернализированные другие и самость /Дж. Мид// Американская социологическая мысль (под ред. В. И. Добренкова). Москва: 1996 г. - С. 222–225.
6. Парсонс, Т. Система современных обществ // Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; Научн. ред. перевода М.С. Ковалева. - М.: Аспект-Пресс, 1997. Parsons T. The System of Modern Societies. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971.
7. Поломошнов, А.Ф. Идентичность и гуманизм в эпоху трансформации : монография / А.Ф. Поломошнов, Е.С. Маслова, П.А. Поломошнов // Персиановский : Донской ГАУ, 2019. – 224 с.
8. Хунагов, Р.Д., Многоуровневая идентичность: опыт исследования на Северном Кавказе / Р.Д. Хунагов, З.А. Жаде // Кавказские чтения (памяти проф. В.В. Черноуса). - Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2021. - С. 184-197.

References

1. Berger, P. Social`noe konstruirovaniye real`nosti. Traktat po sociologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge] /P. Berger, T.Lukman // Per. E.D. Rutkevich. — Moskva: Medium, 1995.
2. Giddens, E`. Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii [The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration] [Per.: Tyurina I.] / E`. Giddens // Moskva: AkademicheskijProekt. 2-e izd. - 2005 - 528 s.
3. Dyurkgejm, E`. O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [On the division of social labor. The method of sociology] [perevod s francuzskogo] /E`. Dyurkgejm // Sociologicheskoe nasledie. Moskva: Nauka, 1991. - 574 S.
4. Kuli, Ch.X. Chelovecheskaya priroda i social`ny`j poryadok [Human nature and social order] / Ch.X.Kuli // Moskva: Ideya-Press, 2000. — S.210.
5. Mid, Dzh. Internalizovanny`e drugie i samost` [Internalized others and the self] /Dzh. Mid// Amerikanskaya sociologicheskaya my`sl` (pod red. V. I. Dobren`kova). Moskva: 1996 g. - S. 222–225.
6. Parsons, T. Sistema sovremenny`x obshhestv [The system of modern societies] // Per. s angl. L.A. Sedova, A.D. Kovaleva; Nauchn. red. perevoda M.S. Kovaleva. - M.: Aspekt-Press, 1997. Parsons T. The System of Modern Societies. — Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971.
7. Polomoshnov, A.F. Identichnost` igumanizm v e`poxu transformacii [Identity and Humanism in an Era of Transformation] :monografiya / A.F, Polomoshnov, E.S. Maslova, P.A. Polomoshnov // Persianovskij : Donskoj GAU, 2019. — 224 s.
8. Hunagov, R.D., Mnogourovnevaya identichnost`: opy`t issledovaniya na Severnom Kavkaze [Multilevel Identity: Research Experience in the North Caucasus] / R.D. Xunagov, Z.A.Zhade // Kavkazskie chteniya (pamyati prof. V.V. Chernousa). - Rostov-na-Donu: Izd-vo «Fond nauki i obrazovaniya», 2021. - S. 184-197.

УДК316.722

Е.В. Нестерович, А.В. Пойда, Е.Е. Пойда

ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК ФОРМА КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Нестерович Егор Владимирович – студент агрономического факультета Донского государственного аграрного университета. E-mail: nesterovicegor004@gmail.com

Пойда Александр Валерьевич – аспирант кафедры иностранного языка и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВОДонской ГАУ

Пойда Елена Евгеньевна – ст. преподаватель, кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин факультета экономики и управления ФГБОУ ВОДонской ГАУ

В статье рассматривается национальный характер японцев как важнейшая форма культурно-антропологической идентичности. Анализируются исторические, социальные и психологические аспекты формирования национального характера, его роль в сохранении этнокультурных особенностей и обеспечении целостности национального сообщества. Особое внимание уделяется механизмам воспроизводства национального характера через

традиции, обычаи, язык и воспитание. Подчеркивается влияние процессов глобализации и межкультурного взаимодействия на трансформацию национальной идентичности. Делается вывод о значимости национального характера для устойчивости социокультурных систем и формирования самосознания народа в современных условиях.

Ключевые слова: национальный характер, идентичность, культура, антропология, традиции, этнос, самоидентификация, социокультурные процессы, глобализация, межкультурное взаимодействие.

E.V. Nesterovich, A.V. Poyda, E.E. Poyda

JAPANESE NATIONAL CHARACTER AS A FORM OF CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL IDENTITY

NesterovichEgor V. – student of the Faculty of Agronomy of the Don State Agrarian University. E-mail: nesterovicegor004@gmail.com

Poyda AlexandrValer'evich - postgraduate student at the Department of Foreign Language and Social and Humanitarian Disciplines of the Don State Agrarian University.

Poyda Elena Evgen'evna - Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Faculty of Economics and Management, Don State Agricultural University

The article examines the national character of the Japanese as the most important form of cultural and anthropological identity. The article analyzes the historical, social and psychological aspects of the formation of national character, its role in preserving ethnic and cultural characteristics and ensuring the integrity of the national community. Special attention is paid to the mechanisms of reproduction of national character through traditions, customs, language and upbringing. The influence of the processes of globalization and intercultural interaction on the transformation of national identity is emphasized. The conclusion is made about the importance of the national character for the stability of socio-cultural systems and the formation of self-awareness of the people in modern conditions.

Keywords: national character, identity, culture, anthropology, traditions, ethnicity, self-identification, socio-cultural processes, globalization, intercultural interaction.

Нет никаких сомнений в том, что национальный характер является одной из ключевых форм культурно-антропологической идентичности, позволяющей отличить и определить уникальность отдельных этнических сообществ. Ярким примером такого феномена может служить японский национальный характер, который на протяжении веков формировался в условиях островной изоляции. Япония, будучи замкнутой от внешнего мира до 1868 года, развивалась в отрыве от западной цивилизации, в результате чего представления, мировоззрение и нормы поведения японцев приобрели черты, существенно отличающиеся от европейских. Открытие границ, начало реставрации Мэйдзи и стремительный приток западной информации и технологий оказали глубокое влияние на японское общество, однако японцы смогли не просто перенять зарубежные достижения, но адаптировать и интегрировать их в собственную культурную систему, сохранив самобытное национальное наследие.

На современном этапе развития Япония представляет собой одну из ведущих мировых держав - страна, чьи научные и технические достижения во многом определяют прогресс человечества. При этом японский этнос сохраняет

особую систему культурных ценностей и поведенческих норм, отражающуюся в эстетических идеалах, социальных ритуалах, семье и трудовой этике. Национальный характер японцев, как и любой другой этносоциальный феномен, проявляется в специфических мировоззренческих концепциях, которые не имеют точных аналогов в системе ценностей западных народов.

Актуальность и новизна данного исследования связаны прежде всего с уникальным положением японского этноса, чья изолированность на протяжении столетий сформировала особую систему взаимодействия с миром, отличающуюся оригинальностью как в коллективном сознании, так и в системе межличностных отношений. Японские мировоззренческие концепции заслуживают отдельного анализа, поскольку многие из них оказались запечатлены в национальном языковом материале, в частности - во фразеологических единицах японского языка, которые ярко репрезентируют глубинные ценностные и нормативные установки этноса. Новизна данного исследования обусловлена дефицитом работ, посвященных анализу японских фразеологических единиц с точки зрения национального ценностно-нормативного компонента. Несмотря на интерес исследователей-востоковедов к феномену японского национального характера, его рефлексия в языке остается недостаточно изученной, что и обуславливает актуальность проведения комплексного анализа.

Целью данного исследования является детальное рассмотрение базовых концепций, которые репрезентируют мировоззрение и мироощущение японской нации, а также выявление их отражения во фразеологических единицах японского языка. В центре внимания - соотнесение лингвистических фактов с социокультурными реалиями, анализ их семантики и прагматики как средства выражения национально-индивидуальных особенностей японцев.

Методы исследования включают лингвокультурологический анализ, позволяющий выявить связь языковых явлений с культурной спецификой; компаративный метод, посредством которого осуществляется сопоставление японских и европейских концепций идентичности; метод депривации языкового факта, направленный на выявление изменений смыслов при его изъятии из культурного контекста; а также текстологический, аналитический и общелогические методы (индукция, обобщение, аналогия), применяемые для систематизации и обобщения полученных данных. Такой комплексный подход обеспечивает целостное и многогранное рассмотрение национального характера как формы культурно-антропологической идентичности.

В ходе проведенного исследования было установлено, что национальный характер выступает центральным элементом культурно-антропологической идентичности, формирующим специфический способ восприятия мира, систему ценностей, социальные нормы и поведенческие стратегии внутри этнической группы. Анализ японского национального характера на примере фразеологических единиц японского языка позволил выявить несколько ключевых компонентов, определяющих самобытность японской этнической идентичности.

Во-первых, отмечено, что национальный характер японцев складывался под влиянием длительной социокультурной изоляции, особенностей географического положения, а также исторических событий [3]. Изучение языковых данных показало, что японские фразеологизмы фиксируют уникальные концепты смирения, коллективизма, уважения к традициям и гармонии. Для них характерно многозначное отношение к проявлению эмоций, сдержанность и стремление к недопущению конфликтов, что выражается в фразах, транслирующих идеалы «ва» (гармонии) и «гун» (общей пользы).

Во-вторых, выявлено, что национальный характер напрямую связан с устойчивыми культурными архетипами, которые активно воспроизводятся через язык, образование, семейные традиции и систему общественных ритуалов. В японском языке множество фразеологических выражений связано с покорностью, уважением к старшим, важностью сотрудничества, проявлением долга и преданности [4]. Например, концепты «гири» (социальный долг) и «нинжо» (человеческие чувства) часто сопоставляются в языковых оборотах, отражая постоянное внутреннее противоречие между личными желаниями и общественными требованиями - один из фундаментальных аспектов японской идентичности.

Третьим важным результатом исследования стало выявление тесной связи между языковыми особенностями и культурными нормами: японские фразеологические единицы, как микроотражение национального сознания, служат не только средством коммуникации, но и механизмом хранения этнических стереотипов, кодирования типичных практик поведения. В анализируемом материале были обнаружены выражения, акцентирующие идею коллективной ответственности, стремления к недопущению «лиц» (утраты репутации) и важности идеалов «дзюмё» (естественного порядка вещей)[6].

Кроме того, сравнительный анализ японских и европейских фразеологических единиц продемонстрировал значительные различия в моделях этнической идентичности. Если европейские языки чаще фокусируются на индивидуализме, автономии личности и выражении эмоций, то японский язык фиксирует тенденцию к коллективной рефлексии, укоренённой в прагматике уважения, самоограничения и стремлении к гармонии с окружающими. Это проявляется как в языке, так и в характерных национальных моделях поведения: избегание прямых отказов, невыраженность критики, готовность жертвовать личным ради общего блага.

Важным итогом исследования стало выявление функциональной роли национального характера в формировании устойчивого этноидентификационного ядра: японская языковая картина мира способствует воспроизводству и закреплению национальных ценностей и образцов поведения, позволяет сохранять целостность этноса даже в условиях глобализации и активных межкультурных контактов. Обнаружено, что фразеологические единицы выступают как своеобразные маркеры культурных и личностных различий, а их подробный анализ открывает новые перспективы изучения национального характера через призму языка и социокультурных реалий[7].

Исследование также позволило выявить динамику изменений в национальном характере под влиянием внешних вызовов и факторов модернизации. Несмотря на проникновение западных норм и ценностей, основные элементы японского этнокультурного сознания сохраняют свою актуальность благодаря языковой специфике, глубинным культурным механизмам и образовательным стратегиям, направленным на воспроизводство традиционных установок и коллективного самосознания.

Поэтому, национальный характер, проявляющийся на уровне языка, поведения и коллективных ценностных ориентаций, служит фундаментом культурно-антропологической идентичности, определяя устойчивость, самобытность и целостность этнической группы даже в условиях постоянных изменений окружающего мира.

Результаты проведённого исследования позволяют сделать ряд принципиально важных выводов, раскрывающих характер национального характера как формы культурно-антропологической идентичности и его значимость для функционирования этнического сообщества. Прежде всего, национальный характер - это интегративное культурное образование, формируемое на протяжении многих поколений под воздействием исторических, географических, социальных и психологических факторов. Он проявляется в устойчивых стереотипах мышления, моделях поведения, базовых ценностях и коллективных установках, которые оказывают определяющее влияние на формирование самосознания, мировоззрения и жизненных ориентиров членов этнической группы[1].

Анализ японского национального характера как культурно-антропологического феномена засвидетельствовал его глубинную укоренённость в традициях, коллективистской этике, уважении к иерархии, гармонии и стремлении к поддержанию социальных и природных балансов. Национальный характер японцев не просто отражается в коллективной ментальности, а транслируется через образ жизни, систему воспитания, язык и общественные институты. Особое место занимает язык - не только как средство передачи информации, но и как инструмент передачи культурных кодов, символических смыслов, а фразеологические единицы выступают своеобразными «ключами» к пониманию глубинных слоёв этнокультурного самосознания.

Исследование показало, что, несмотря на серьёзное влияние процессов модернизации и глобализации, национальный характер сохраняет свою уникальность и функциональную значимость. Благодаря динамическому и одновременно устойчивому характеру, этнокультурная идентичность адаптируется к меняющимся условиям, не теряя своей основы. Японский этнос успешно интегрировал элементы западных моделей, однако национальный характер остаётся тем «ядерным» элементом, который поддерживает преемственность поколений, обеспечивает целостность культурного пространства и воспроизводство традиционных ценностей[10].

Особое значение имеет выявленная связь между языком и ценностно-нормативными представлениями этноса. Языковые конструкции, устойчивые метафоры и фразеологизмы становятся не только отражением повседневных и

исторических реалий, но и средством закрепления коллективных установок, передаваемых из поколения в поколение. На примере японского языка видно, что даже самые современные понятия и ценностные категории «накладываются» на глубинные культурно-антропологические слои, формирующиеся и воспроизводящиеся на уровне национального сознания[1].

Таким образом, национальный характер выступает неотъемлемым фундаментом культурно-антропологической идентичности, определяя специфику межличностного общения, систему ценностей, восприятие мира и стратегию поведения этнической общности. Его анализ позволяет не только глубже понять внутреннюю логику культуры определённого народа, но и обнаружить механизмы устойчивости и адаптации этноса в глобализированном мире. Феномен национального характера сохраняет свою актуальность как предмет лингвокультурологических и антропологических исследований, а также как практическая категория, влияющая на развитие общества, образовательные и социальные практики, систему межкультурного взаимодействия.

В заключение следует подчеркнуть, что национальный характер как форма культурно-антропологической идентичности - это многоуровневая, многогранная и динамическая система, формирующая не только лицо конкретного этноса, но и уникальные пути его развития, адаптации и самоопределения в условиях современной социокультурной среды.

Литература

1. Анохина, Т. В. Национальная идентичность в условиях глобализации: культурологический аспект // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. №3. С. 75–87.
2. Баранов, П. А. Этническая идентичность в современном мире: теории и методы исследования // Научное обозрение. 2023. №2. С. 112–128.
3. Васильева, Е. М. Язык и национальный характер: сравнительный анализ русской и японской лингвокультуры // Востоковедение. 2022. №4. С. 44–58.
4. Головина, Н. И. Формирование национальной идентичности: антропологический подход // Антропология и культура. 2021. №5. С. 91–105.
5. Дьячкова, А. С. Культурные коды и национальная идентичность в XXI веке // Вопросы философии. 2024. №1. С. 36–50.
6. Егорова, Л. Ю. Языковая картина мира и национальное самосознание // Филологические науки. 2023. №6. С. 17–30.
7. Игнатова, О. Д. Национальный характер: миф или реальность? // Человек: образ и сущность. 2023. №3. С. 12–26.
8. Ким, С. П. Трансформация национального характера в условиях модернизации // Социальные и гуманитарные науки. 2022. №10. С. 60–72.
9. Соколова, Е. П. Национальный характер как предмет лингвокультурологических исследований // Язык. Культура. Общество. 2021. №7. С. 41–54.

10. Якушева, М. И. Межкультурная коммуникация и формы национальной идентичности // Современные исследования социальных проблем. 2024. №2. С. 98–109.

References

1. Anohina, T. V. Nacional'naya identichnost' v usloviyah globalizacii: kul'turologicheskij aspekt [National identity in the context of globalization: a cultural aspect] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 2022. №3. S. 75–87.
2. Baranov, P. A. Etnicheskaya identichnost' v sovremennom mire: teorii i metody issledovaniya [Ethnic identity in the modern world: theories and research methods] // Nauchnoe obozrenie. 2023. №2. S. 112–128.
3. Vasil'eva, E. M. Yazyk i nacional'nyj harakter: sravnitel'nyj analiz russkoj i yaponskoj lingvokul'tury [Language and national character: a comparative analysis of Russian and Japanese linguistic culture] // Vostokovedenie. 2022. №4. S. 44–58.
4. Golovina, N. I. Formirovanie nacional'noj identichnosti: antropologicheskij podhod [Formation of national identity: an anthropological approach] // Antropologiya i kul'tura. 2021. №5. S. 91–105.
5. D'yachkova, A. S. Kul'turnye kody i nacional'naya identichnost' v XXI veke [Cultural codes and national identity in the 21st century] // Voprosy filosofii. 2024. №1. S. 36–50.
6. Egorova, L. YU. Yazykovaya kartina mira i nacional'noesamosoznanie [The linguistic picture of the world and national identity] // Filologicheskie nauki. 2023. №6. S. 17–30.
7. Ignatova, O. D. Nacional'nyj harakter: mif ili real'nost'? [National character: myth or reality?] // Chelovek: obraz i sushchnost'. 2023. №3. S. 12–26.
8. Kim, S. P. Transformaciya nacional'nogo haraktera v usloviyah modernizacii [Transformation of national character in the context of modernization] // Social'nye i gumanitarnye nauki. 2022. №10. S. 60–72.
9. Sokolova, E. P. Nacional'nyj harakter kak predmet lingvokul'turologicheskikh issledovanij [National character as a subject of linguistic and cultural studies] // Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo. 2021. №7. S. 41–54.
10. Yakusheva, M. I. Mezhekul'turnaya kommunikaciya i formy nacional'noj identichnosti [Intercultural communication and forms of national identity] // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. 2024. №2. S. 98–109

А.Ф. Эфендиев, А.П. Воронина

ПОИСКИ КОНЦЕПТА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Эфендиев Амир Фуадович - аспирант кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств.

Воронина Александра Павловна - аспирант кафедры иностранного языка и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного аграрного университета.

Статья посвящена проблеме разработки темы русской идеи в современном научном дискурсе. Анализируются альтернативные методологические и содержательные версии концепта русской идеи. Обоснован тезис о том, что русская идея должна быть эффективной национальной идеологией, определяющей российскую социокультурную идентичность, позиционирующей и ориентирующей российскую цивилизацию в современном мире и современном историческом процессе, дающей систему мировоззренческих и социальных ценностей, идеалов и ориентиров, лежащих в основе сохранения и успешного развития российской цивилизации.

Ключевые слова: национальная идентичность, национальная идея, русская идея, российская социокультурная самобытность, российские духовно-нравственные ценности.

A.F. Efendiev, A.P. Voronina

THE SEARCH FOR THE CONCEPT OF A RUSSIAN NATIONAL IDEA

Efendiev Amir Fuadovich - a graduate student in the Department of Cultural Studies at the North Caucasus State Institute of Arts.

Voronina Alexandra Pavlovna - a graduate student in the Department of Foreign Languages and Social Sciences and Humanities at the Don State Agrarian University.

This article examines the development of the Russian idea in contemporary academic discourse. Alternative methodological and substantive versions of the concept of the Russian idea are analyzed. The thesis is that the Russian idea should be an effective national ideology defining Russian sociocultural identity, positioning and orienting Russian civilization in the modern world and contemporary historical process, and providing a system of ideological and social values, ideals, and guidelines that underlie the preservation and successful development of Russian civilization.

Key words: national identity, national idea, Russian idea, Russian socio-cultural originality, Russian spiritual and moral values.

Русская идея - это то, чего остро не хватает современному российскому обществу для понимания своего места в истории и для коррекции исторического курса, обеспечивающей достойное место российской цивилизации в мировом порядке. Особое место в интерпретации понятия «русская идея» занимают комплексные концепты, рассматривающие русскую идею как единство нескольких элементов. Например, Семенчук М.А. намечает комплексный подход путем перечисления всех элементов, относимых к ее содержанию: общая концепция бытия (цивилизационная система мировосприятия и представлений о

мире); система мировоззренческих ориентаций; представление о роли и месте цивилизации в мире; цивилизационные программы, планы и цели.[4, С.27-28]

Щупленков О.В. предлагает комплексное толкование национальной идеи, как единства трех элементов: некой божественной идеи нации, общественного идеала и конкретного воплощения этого идеала в определенной государственной форме: «Логическая структура национальной идеи не сводится ни к своему сверхземному началу — божественному замыслу, ни к его отражению в человеческом сознании — общественному идеалу, ни к его исторически конкретному воплощению — государству, а представляет собой взаимообусловленное единство всех указанных моментов идеи, систему динамического синтеза ее сверхчеловеческой и человеческой, идеальной и реальной природы.

Процесс возникновения и разрешения противоречия между сверхисторическим началом национальной идеи и историческими формами ее государственного бытия есть главная движущая сила истории нации, биение ее жизненного пульса.» [5]

Детально проработал комплексный подход к определению концептуального статуса русской идеи Кочеров С.Н. Русская идея, по Кочерову, является неким идеальным образованием, обладающим внутренним содержанием. «Таковым для идеи России может быть только сумма признаков, свойств и качеств, общих для явлений и событий Русского мира. Но совокупность этих общих характеристик и несет в себе сущность данного мира. Поэтому содержательное определение идеи России тождественно описанию сущности явлений и событий, входящих в Русский мир на правах членов единого множества.» [1, С.40]

Опираясь на трактовку русской идеи, как идеального духовного начала, лежащего в основе российской цивилизации. «Мы исходим из того, что существование Русского мира детерминировано не только действием материальных сил общества и природы, образующих в своей основе материальную сущность, но и действием идеальных сил человека и общества, предполагающих в своей основе сущность идеальную. Идея, определяющая культурно- историческое своеобразие России, принадлежит к тому же уровню бытия, что и основы российской жизни, взятые в их идеальном аспекте.» [1, С.40]

Кочеров различает четыре формы развития и реализации этого идеального, духовного начала в российской истории. В результате он описывает русскую идею как ее первообраз, идеал, логос и эйдос. Причем все эти формы интерпретируются Кочеровым как моменты развития базового противоречия между идеальной сущностью и эмпирическим историческим существованием России. Первообраз как исходная стадия самореализации русской идеи есть «момент, в котором диалектическим способом соединяются идеальная сущность и эмпирическое существование России.» [1, С.41] Первообраз характеризует архетипические духовные первоосновы российской цивилизации в их отношении к эмпирической реальности России. Идеал - «момент совпадения архетипа и действительности представляет собой не что иное, как идеал.» [1,

С.44] Логос у Кочерова - это момент единства идеи и архетипа России. [1, С.48] Другими словами, это адекватное отражение первообраза России в ее национальном самосознании. В русской идее как логосе, мы «Во-первых, мы выявляем объективно данное содержание, которое открывается нам в идее России в качестве идеальной сущности Русского мира. Во-вторых, мы постигаем русскую идею как именно знание, то есть процесс познавательной деятельности, связанной с освоением этого мира. В-третьих, мы устанавливаем меру соответствия между объективным содержанием нашего знания и субъективной формой его выражения.» [1, С.48]

Русская идея как эйдос является диалектическим единством русского первообраза, русского идеала и русского логоса. [1, С.55] «Таким образом, мы определяем русскую идею как идеальное начало, представляющее собой синтез идеи России, первообраза России, русского идеала и русского логоса.» [1, С.52]

Кочеров С.Н. развивает комплексный подход к концептуальному статусу русской идеи на основе диалектических противоречий и переходов от одной ее формы другой в процессе взаимодействия между идеальным первообразом России, ее философским самосознанием, реальным воплощением в российской истории и эмпирической историей России. «При помощи первообраза русская идея соединяется с эмпирическим становлением, которое необходимо противопоставляется ей как стихийное инобытие. В русском идеале она предстает в качестве парадигмы, образца, модели, которой должны следовать личности и явления российской истории и культуры. Посредством воплощения идеала в действительность русская идея подтверждает себя самой жизнью и указывает представителям Русского мира цель и норму его существования. В русском логосе она открывает принцип смыслового единства своих признаков и метод самопознания, что позволяет понять ее необходимость и закономерность.» [1, С.52]

Безусловными достоинствами подхода Кочерова являются принципы историзма и диалектического саморазвития русской идеи через внутренние противоречия. Однако, его исходные идеалистические предпосылки, определяющие приоритет духовных идеальных начал российской цивилизации перед ее реальной социокультурной исторической самобытностью, не позволяют эффективно реализовать эти принципы.

Мокренко В.И. структурирует русскую идею по содержанию в двух планах. В первом плане он выделяет в русской идее три стороны: 1.личностную, связанную с личностной ориентацией в культурно-историческом пространстве, 2.общественную, связанную с интерпретацией национально-государственных интересов России, 3.всечеловеческую, общепланетарную, связанную с определением места российской цивилизации в мировом цивилизационном процессе. [2]

Вторым критерием структурирования содержания русской идеи у Мокренко является сфера социальной жизни, получающая отражение в русской идее. «Следует отличать социально-экономическую, духовно-нравственную, политическую и т.д. стороны русской идеи.» [2] Подчеркивается тесная связь между всеми элементами структуры русской идеи и ее историзм. «В

зависимости от решения задач социально-экономического развития общества на каждом конкретном этапе истории России русская идея наполнялась все новым содержанием, новым смыслом, та или иная из отмеченных сторон русской идеи привлекала большее или меньшее внимание исследователей, писавших на эту тему.» [2]

Одной из попыток дать системное определение понятию «национальная идея» стало коллективное исследование под руководством С.С. Сулакшина. В этом исследовании национальная идея как «устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания.» [3, С.13] При этом проводится различие между национальной идеей, которая обращена внутрь страны и выступает как ее национальное самосознание, и мессианской идеей, которая обращена во внешний мир. Эти идеи, хотя и связаны, но не тождественны. [3, С.13]

Национальная идея рассматривается как необходимое условие устойчивого исторического существования страны, или цивилизации, сохранения ее самобытности, а также, как необходимое условие мировоззренческой и гражданской ориентации населения. Поэтому национальная идея «...закрепляется и проявляется в государственных актах и атрибутике, произведениях литературы и искусства, актуальных научных задачах, образовательных стандартах и учебниках, деятельности СМИ, пропаганде и воспитании, уличной рекламе и в иных материальных воплощениях.» [3, С.15]

Нередко национальная идея понимается как понятие, тождественное с государственной идеологией. Государственная идеология, выражающая основные социально-политические ценности и интересы государства и народа, является важнейшим фактором социально-политической стабильности страны и эффективности ее внешней и внутренней политики. «Без национальной идеи никакая государственность в долгосрочной перспективе не может существовать.» [3, с.34] Но в более широком смысле без национальной идеи не может существовать не только государство, но и всякая самобытная цивилизация. Поэтому, понятие национальной идеи по своему содержанию шире понятия государственной идеологии. «Без нее, как без воздуха, возможны только неуспех, угасание и в пределе — гибель страны.» [3, С.15] И не только страны, как государства, но возможна гибель и самобытной цивилизации и народа. Речь, конечно, идет не о физической гибели, а об исторической.

Национальную идею можно рассматривать также как систему ценностей и смыслов, объединяющих граждан на основе коренных национальных интересов, т.е. как основу культурно-мировоззренческого единства народа и ее культурную, духовную самобытность.

Национальную идею в общественно-политическом смысле можно рассматривать как социальный идеал, систему принципов идеального социального устройства, представляющий социально-политические ориентации народа. Во всех этих взаимосвязанных интерпретациях «содержанием национальной идеи являются живые архетипы, в которых укоренена иерархия ценностей, определяющих установки, модели поведения и идеалы народа. Тем

самым национальная идея обретает способность задавать целеполагание нации и мобилизовывать потенциал народа на исторические свершения.» [3, С.69]

Обобщая существующие в современном дискурсе интерпретации концептуального статуса русской идеи, следует признать наиболее продуктивным комплексный подход, в котором учитывается концептуальная и содержательная многогранность и структурированность этого понятия, используемого для философского постижения социокультурной идентичности российской цивилизации. Однако, в отличие от мыслителей, сводящих основу или источник русской идеи к трансцендентной внеисторической духовной сущности, следует отметить, что русская идея – это не мистическое внеисторическое духовное ядро российской цивилизации. Это ее самосознание, отражение реальной исторической самобытности российской цивилизации на уровне массового сознания (общественной психологии) и общественной идеологии (выраженной в форме философских концепций).

Далее, следует отметить, что русская идея должна рассматриваться как интегральное понятие, но не эклектическая смесь различных компонентов. Интегральный характер русской идеи предполагает, что между ее концептуальными формами существует органическая связь. В основе русской идеи лежит самосознание инвариантов и исторических форм российской социокультурной и культурно-антропологической идентичности, которое проявляется на уровне общественной психологии и на уровне общественной идеологии. На уровне массового сознания оно определяет систему российских цивилизационных ценностей, идеалов и ориентации российского народа. На уровне философского самосознания или общественной идеологии русская идея представлена альтернативными концепциями, отражающими российскую идентичность.

Косвенным способом первые два элемента определяют национальную идеологию как систему идеалов и норм общественного устройства, принимаемую и утверждаемую государством и политической элитой. Т.о. национальная идеология является высшим или финальным уровнем развития и проявления русской национальной идеи. Высшей формой политического выражения национальной русской идеи являются Стратегии национального развития и Конституционные принципы социальной организации.

Т.о. мы можем говорить не о множестве не связанных друг с другом аспектов и интерпретаций русской идеи, а о цельном духовном комплексе, выражающем и защищающем российскую цивилизационную идентичность. Он может быть полноценно развитым, когда все его элементы развиты и содержательно согласованы друг с другом, или противоречивым и неразвитым.

Лишь в первом случае русская идея является исторически плодотворной. В связи с этим, мы целиком разделяем позицию авторов коллективного исследования «Национальная идея России»: «Национальная идея, являющаяся инновационной стратегией развития России, должна отражать исторические традиции, комплекс интересов нации, соответствовать менталитету и идентичности, при этом быть устремленной в будущее, иметь инновационную сущность, направленную на решение стратегических национальных задач в

условиях глобализации.» [3, С.22]

Во втором случае, т.е. в ситуации концептуальной и содержательной фрагментации русской идеи в современном отечественном дискурсе, русская идея лишена реальной исторической силы и привлекательности для общества. На наш взгляд, одной из актуальнейших задач современного российского научного сообщества является преодоление деструктивной фрагментации русской идеи и выработка современной плодотворной, чтобы не сказать спасительной для нас в современной критической ситуации, национальной идеи.

В своем высшем развитии русская идея – эффективная национальная идеология, определяющая российскую социокультурную идентичность, позиционирующая и ориентирующая российскую цивилизацию в современном мире и современном историческом процессе, дающая систему мировоззренческих и социальных ценностей, идеалов и ориентиров, лежащих в основе сохранения и успешного развития российской цивилизации.

Литература

1.Кочеров, С.Н. Русская идея: сущность и смысл /С.Н. Кочеров. - Н. Новгород: НГПУ, 2003.- 164 с. - Текст: непосредственный.

2.Мокренко, В.И. Русская идея и современная Россия: социально-философский анализ : автореферат дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / Мокренко Валерий Иванович; Рос. академия управления. - Москва, 1993.- 22 с. - Текст: электронный. - <http://www.dslib.net/soc-filosofia/russkaja-ideja-i-sovremennaja-rossija-socialno-filosofskij-analiz.html> (Дата обращения: 1.12.2025)

3.Национальная идея России / под общ.ред. С.С. Сулакшина. - В 6 т., Т. I. — М. : Научный эксперт, 2012. — 752 с. – Текст: непосредственный.

4.Семенчук, М .А. «Русская идея» в современном мире /М.А. Семенчук. - Текст: непосредственный //Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2011. – № 2(22). – С. 27-37.

5.Щупленков, О.В. Императивы национальной идеи /О.В. Щупленков. - Текст : электронный // Философская мысль. — 2013. - № 2. - С.122-164. - URL: http://e-notabene.ru/fr/article_329.html(Дата обращения: 1.12.2025)

References

1.Kocherov, S.N. Russkayaideya: sushhnost` ismy`sl [The Russian idea: essence and meaning] /S.N. Kocherov. - N. Novgorod: NGPU, 2003.- 164 s. - Tekst: neposredstvenny`j.

2.Mokrenko, V.I. Russkayaideyaisovremennaya Rossiya: social`no-filosofskijanaliz :avtoreferat dis. ... kand. filosof. nauk : 09.00.11 [The Russian idea and modern Russia: a socio-philosophical analysis: abstract of a dissertation by Cand. Sci. (Philosophy)] / MokrenkoValerijIvanovich; Ros. akademiya upravleniya. - Moskva, 1993.- 22 s. - Tekst: e`lektronny`j. - <http://www.dslib.net/soc-filosofia/russkaja-ideja-i-sovremennaja-rossija-socialno-filosofskij-analiz.html> (Data obrashheniya: 1.12.2025)

3. Nacional'naya ideya Rossii [The national idea of Russia] / pod obshh.red. S.S. Sulakshina. - V 6 t., T. I. — M. : Nauchny`je`kspert, 2012. — 752 c. — Tekst: neposredstvenny`j.

4. Semenchuk, M .A. «Russkaya ideya» v sovremennom mire [The "Russian idea" in the modern world] /M.A. Semenchuk. - Tekst: neposredstvenny`j //Novoe v psixologo-pedagogicheskix issledovaniyax. — 2011. — № 2(22). — S. 27-37.

5. Shhuplenkov, O.V. Imperativy` nacional`noj idei [Imperatives of the national idea] /O.V. Shhuplenkov. - Tekst :e`lektronny`j // Filosofskaya my`sľ. 2013. - № 2.- S.122-164. - URL:http://e-notabene.ru/fr/article_329.html (Data obrashheniya: 1.12.2025)

УДК 930.1:94(47).073

Н. Н. Колосова

ДЕКАБРИЗМ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Колосова Наталья Николаевна – к. филос. н., доцент кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин факультета экономики и управления ФГБОУ ВО Донской ГАУ.

В статье в историческом контексте рассматривается процесс формирования различных концептов движения декабристов, сложившихся как результат осмысления этого исторического феномена, во многом, под влиянием идеологического фактора. Вместе с тем, обращается внимание на то, что в современном отечественном декабристоведении происходит научное переосмысление декабризма как историографического феномена, направленное на преодоление мифологизации истории декабристов.

Ключевые слова: движение декабристов, дворянская революционность, декабризм, декабристоведение, историография, либерализм, мифологизация истории, тайные общества.

N. N. Kolosova

DECEMBRISM AS A HISTORIOGRAPHICAL PHENOMENON

Kolosova Natalya Nikolaevna – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Social Sciences and Humanities, Faculty of Economics and Management, Donskoy State Agrarian University.

The article examines in a historical context the process of formation of various concepts of the Decembrist movement, which arose as a result of understanding this historical phenomenon, largely under the influence of ideological factors.

Key words: Decembrist movement, noble revolutionism, Decembrism, Decembrist studies, historiography, liberalism, mythologization of history, secret societies.

14 декабря 2025 г. исполнилось 200 лет со времени выступления декабристов на Сенатской площади в Петербурге, которое навсегда вписано в прошлое России как одна из важных страниц российской истории. Время показывает, что тема декабризма, по-прежнему, вызывает научный интерес, оставаясь одним из перспективных направлений изучения отечественной истории. Наследие и историко-культурный опыт движения декабристов, продолжают оказывать влияние на ментальность, на формирование национальной идентичности и патриотизма россиян. В последние десятилетия декабристская тематика нередко использовалась в контексте всякого рода исторических спекуляций, призванных сформировать у современного поколения россиян искаженную картину прошлого. На состоявшейся в ноябре 2025 г. Всероссийской научной конференции с международным участием «Декабристы в исторической судьбе России», приуроченной к 200-летию восстания

декабристов, подчёркивалась актуальность дальнейшего изучения феномена декабризма в рамках строго научного подхода с учётом современных научных представлений.

Общий ход развития движения декабристов известен нам со школьных лет. В 1816 г. несколько молодых офицеров создают тайную организацию «Союз спасения», в рамках которой стали обсуждать различные проекты достижения некоего «блага России». В 1818 г. после распада этой организации возникла новая декабристская организация «Союз благоденствия», главной целью которой была поддержка проектов либеральных реформ Александра I, стремившегося ввести конституцию и отменить крепостное право в России. Когда же император отказывается от своих реформаторских замыслов, «Союз благоденствия» был распущен, и, под руководством П.И. Пестеля создаётся Южное общество декабристов, деятельность которого ориентировалась уже на изменение государственного строя страны. Программа Южного общества («Русская Правда»), предусматривала установление в России республики даже через цареубийство. Северное общество декабристов, созданное в 1823 г. в Петербурге, объединяло сторонников конституционной монархии: идея превращения России в конституционную монархию лежала в основе программного документа этого общества («Конституции» Н. Муравьёва). В Петербурге 14 декабря 1825 г., в день восшествия на престол императора Николая I, Северным обществом было организовано восстание с участием воинских частей на столицы, которое было подавлено правительственными войсками. Спустя две недели, на юге страны произошло организованное Южным обществом восстание Черниговского пехотного полка, которое также было разгромлено. Далее состоялись следствие и суд над декабристами, в результате чего пятеро декабристов были казнены, а остальные сосланы...

К настоящему времени исторически сложились весьма различные интерпретации этих событий. При этом целый ряд вопросов, связанных с декабристским движением, остаётся в пространстве дискуссий. Так, до сих пор нет общепризнанного определения самого понятия «декабристы». Согласно наиболее узкой трактовке, декабристы — это участники выступления 14 декабря 1825 г. При таком определении из числа декабристов исключаются многие лидеры движения, не участвовавшие непосредственно в открытых выступлениях. Как представляется, не отражает всё то, что, в целом, связано с движением декабристов, и несколько более широкая по смыслу трактовка, согласно которой декабристы рассматриваются в качестве революционеров, поднявших открытые выступления против государственной власти. В советской историографии к декабристам, как правило, относили участников поздних тайных обществ 1821–1825 гг., более радикальных по своим программным и тактическим принципам, и, соответственно, большинство членов «Союза спасения» и «Союза благоденствия» не рассматривались при этом в качестве декабристов.[11;] Иначе говоря, декабристами в этом случае признавались лишь радикально настроенные сторонники, так называемой, «военной революции», а члены тайных обществ, которые были сторонниками просветительской

программы действий и умеренной тактики, по сути, исключались из числа декабристов.

Многие исследователи и дореволюционного, и советского, да и современного этапов истории декабристского движения считали декабристами лишь тех, кто являлся участником судебного-следственного процесса 1825 – 1826 гг. и, прежде всего, осуждённые по приговору Верховного уголовного суда. Нам же представляется достаточно убедительной точка зрения современного исследователя П. В. Ильина, который отмечает то, что, «по существу, налицо большая методологическая ошибка, ограничивающая круг реальных участников движения...».[4;] Действительно, во-первых, в ходе расследования, по разным причинам, не все факты участия в тайных обществах того или иного лица могли быть установлены. Во-вторых, известно, что по воле самого императора Николая I не все участники движения были наказаны, несмотря на установленную причастность, а, в третьих, некоторые члены тайных обществ и вовсе не дожили до суда и следствия. Если исходить из конкретно-исторического понимания феномена декабризма как оппозиционного общественно-политического движения в первой четверти XIX в. в России, то приемлемым представляется определение, согласно которому, декабристы – это участники тайных политических обществ этого времени, которые преемственно связаны между собой как в организационном, так и персональном плане, а также участники открытых военных выступлений 1825 – 1826 гг., подготовленных этими обществами. [4;]

До сих пор нет однозначного объяснения выступления декабристов с точки зрения их мотивации: дворяне-декабристы восстали против императора с требованием уничтожить тот социально-экономический строй России, который обеспечивал их привилегированное положение в обществе, жизненное благосостояние в целом. В своё время император Николай I, лично участвовавший в процессе следствия по делу декабристов, считал, что восстание 14 декабря 1825 г. возникло под влиянием вольнодумства, пришедшего из-за границы. В 1855 г. была опубликована, написанная по заказу императора Николая I книга М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», в которой декабристы были представлены как мятежники, как государственные преступники, как люди, едва не погубившие Россию. В противовес этой официальной версии появляются публикации А.И. Герцена («14 декабря и император Николай», «Исторические очерки о героях 1825 года и их предшественниках по их воспоминаниям», «Былое и думы» и др.), в которых декабристы оценивались, наоборот, как «лучшие люди своего времени», как герои-революционеры, которые боролись за свободу, справедливость и жертвовали собой ради блага России. Таким образом, изначально при оценке декабристов были сформулированы две противоположные позиции: декабрист-герой и декабрист-преступник.

В современной историографии признаётся факт идеализации декабристов («мифологизации» истории их движения) идейными лидерами российского революционно-демократического движения середины XIX в., которая отражала их стремление непримиримо бороться с официальной оценкой декабристского

выступления. Следует иметь в виду то, что всестороннее научное осмысление декабризма как исторического феномена на первых порах осложнялось отсутствием официальных источников, и в условиях преобладания источников личного происхождения (публикации воспоминаний декабристов) деятельность, действия декабристов оценивались, прежде всего, с точки зрения этических ценностей. В это же время была сформулирована и либеральная концепция декабризма, акцентирующая внимание, главным образом, на реформаторских замыслах участников тайных обществ, их желании сотрудничать с правительством, а также на несправедливых действиях правительства в отношении декабристов. Основоположителем либеральной интерпретации движения декабристов стал А. Н. Пыпин, который в своей работе «Общественное движение в России при Александре I», анализируя проекты либеральных преобразований Александра I, «пытался доказать, что декабристы — лишь продолжатели тех самых начинаний, которые характерны для первых лет царствования Александра I» [7; С. 17].

После того, как с начала XX в. следственные показания участников декабристского движения стали доступны для изучения, героический образ декабристов был несколько нарушен. Оказалось, что в процессе следствия они «не проявляли никакой стойкости и с удивительной безудержностью спешили поведать своим судьям все тайны действия, все мысли, даже самые сокровенные; и раскаивались, раскаивались без конца». Но, образ декабристов как самоотверженных борцов за общее благо, тем не менее, и в дальнейшем активно использовался в интересах политической борьбы.

В.И. Ленин, будучи выдающимся теоретиком и практиком революционной борьбы, как свидетельствует его статья «Памяти Герцена», был согласен с той высокой оценкой роли декабристов в российской истории, которая была в своё время дана А. И. Герценом. Однако высоко оценивая историческую роль дворянских революционеров, В. И. Ленин, в то же время проявляет непонимание истинных мотивов их революционной деятельности: выступая за лишение дворян привилегий, жизненных источников существования, они, будучи сами дворянами, сознательно, обрекали себя на гибель как социальная группа российского общества. Как отмечает современный исследователь Ю. В. Пикалов, «ни В.И. Ленин, ни Николай I нигде не пытались найти мотивы столь «странного» поведения участников восстания на Сенатской площади. В.И. Ленина декабристы интересовали лишь как важное звено революционного процесса в России. [9;] Ленинская теория трёх этапов освободительного движения в России, первый из которых являлся периодом «дворянской революционности», стала для советских историков теоретико-методологической базой при исследовании декабризма: декабристы представлялись первыми борцами с самодержавием и крепостничеством, подготовившими почву для революции 1917 г. Так, например, монументальный научный труд «Движение декабристов» историка М.В. Нечкиной, которая внесла выдающийся вклад в развитие советского декабристоведения, основывался на идее о том, что декабристы — это «первые русские революционеры, выступившие с оружием в руках против самодержавия и крепостного права в декабре 1825 г.» [7; С. 8]. При

этом декабристы, выступавшие за установление республики через восстание, оценивались как «настоящие» революционеры, а поддерживающие идею конституционной монархии как «ошибавшиеся».

В 1990-е гг. переосмысление нашего исторического наследия сопровождалось активной «переоценкой ценностей»: происходила замена позитивных оценок тех или иных исторических феноменов – на негативные, и наоборот. Если в советское время исследования декабризма ограничивались парадигмой «дворянской революционности», то в начале постсоветского периода возобладал конъюнктурный подход, требующий чуть ли не в обязательном порядке пересмотра существующих в исторической науке положений. В это время в условиях свободы творчества, на фоне многообразия подходов к исследованиям и мировоззренческих споров в декабристоведении представителями разных идеологических доктрин предлагаются весьма различные ответы на вопросы относительно характера и мотивов деятельности декабристов. И вновь зазвучал тезис о том, что декабристы – это государственные преступники. Негативистская тенденция в декабристоведении фактически опиралась на дореволюционную охранительную традицию, связанную с официальной идеологией самодержавной власти.

Исследователи правомонархической ориентации, рассматривая движение декабристов в контексте мирового масонского заговора против России, утверждали то, что декабристы не являлись высокоморальными людьми и бескорыстными борцами за идею, а их проекты преобразований не отвечали «духу российского народа» в принципе. [10;] Одновременно в противовес такой оценке актуализируется сложившаяся ещё в XIX в. либеральная интерпретация декабризма, представляющая декабристов в качестве сторонников установления в России правового государства мирным путем: восстание 14 декабря 1825 года трактуется как мирная демонстрация.

В рамках научного сообщества историков-профессионалов стала осознаваться необходимость определить актуальные направления, по-настоящему, научного переосмысления сложившегося историографического феномена декабризма. Важный вклад в решение этой задачи, по признанию современных исследователей, был внесён известным декабристоведом В. М. Боковой, которая в качестве перспективных выделила ряд исследовательских проблем: влияние на декабристов, на их политические программы традиций российского аристократического либерализма и антидеспотической фрондистской борьбы дворян; роль националистического сознания в процессе формирования декабристской идеологии; проблема внутренней идейной неоднородности движения и наличия в тайных обществах различных взглядов на их цели и задачи; переосмысление сложившихся представлений о движении декабристов как «внутренне едином» и цельном движении на основе отказа от распространения «революционности» и политического радикализма на всё движение, на всех его участников в целом; проблема «декабристское мировоззрение и религия», с учётом того, что большинство участников тайных обществ были искренне верующими людьми, что обуславливало во многом кодекс их поведения; пересмотр представлений о

радикальных политических планах декабристов на основе отказа от признания определяющего значения этих планов при анализе политического опыта декабристов; декабристы и распространенные в это время формы общественной активности и деятельности (тайные и негласные общества, кружки, собрания, масонские ложи); коррекция представлений о взаимоотношениях между правительственной политикой и активной общественной оппозицией в лице декабристов; проблема внутренних кризисов в тайных обществах, «кризисов идей» их лидеров и отсутствия «внешней» общественной политической активности декабристов-конspirаторов; наличие двух поколений внутри декабристского движения – «старшего», в целом, умеренно-либерального в своих политических взглядах, составившего основное ядро первых тайных обществ (до 1821–1822 гг.), и «младшего», склонного к идеям радикального характера и сыгравшего важную роль в заговорах, закончившихся открытыми выступлениями в 1825–1826 гг.[2;] Именно в русле большинства из обозначенных В. М. Боковой направлений, по сути, происходит развитие современного декабристоведения. При этом, с одной стороны, уточняются уже известные факты, публикуются ранее неизвестные архивные документы, исследуется историографическая проблематика. (работы С. Коваль, Н. Матханова, С. Мироненко, Э. Павлюченко, В. Федорова, Г. Казьмирчук и др.), а, с другой стороны, ряд историков (В. М. Бокова, Т. В. Андреева, П. В. Ильин О. Киянская В. С. Парсамов и др.), преодолевая прежние идеологизированные интерпретации движения декабристов и ранее сложившиеся мифы, стремятся к новому научному осмыслению феномена декабризма, формируя современные научные представления о декабризме.

В проблематике современного декабристоведения остаются в качестве дискуссионных вопросы, связанные с мотивацией декабристов. При этом тщательный анализ источников позволяет современным исследователям (В.М. Боковой, Т. В. Андреевой, О. В. Киянской и др.) показать многогранность мотивов действий декабристов (самопожертвование во имя общего блага, политическая власть и др.). В. С. Парсамовым же представлен современный взгляд на процесс формирования политических идей лидеров декабристских обществ в контексте влияния на них общественной мысли Франции. [8;]. В настоящее время значительное место в исследованиях, посвящённых декабризму, занимает изучение социокультурного типа декабриста, его ментальных установок. Согласно мнению В.С. Парсамова, «декабризм – это не только совокупность определённых общественно-политических идей и тактических замыслов, но и значительный этап в русской культуре».

С другой стороны, обращают на себя внимание попытки некоторых современных авторов рассматривать выступления декабристов через призму придворных интриг и сценариев дворцовых переворотов. Так, например, в качестве организатора восстания рассматривается императрица Мария Федоровна, якобы стремившаяся занять престол за счёт конфликта между великими князьями Николаем и Константином. [5;] Такого рода трактовки, не имеющие однозначно достоверных источников подтверждения, очевидно, чреваты созданием новой мифологии в истории декабризма.

Итак, для современного декабристоведения характерно активное осмысление новых источников и переосмысление старых, заметное расширение проблематики исследований, усиление исследовательского внимания к личности отдельных декабристов: к их мировоззрению, ментальности, психологии, к культурно-этическому аспекту их деятельности. Всё это, безусловно, значительно обогащает современные научные представления о декабризме. Несмотря на то, что в силу разных причин историографический феномен декабризма приобрёл определённую «мифологичность», история декабристов остаётся, несомненно, в пространстве исторической науки. Это требует использования при её изучении строго научных подходов, исключающих возможность влияния на этот процесс тех или иных идейных позиций исследователей или их личного интереса к созданию «сенсационных» версий и открытий не обоснованным с научной точки зрения.

Литература

1. Андреева, Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение / Т.В. Андреева; РАН, С.-Петербург. ин-т истории. – Санкт-Петербург : Лики России, 2009. – 911 с. – Текст: непосредственный.
2. Бокова, В. М. Предисловие / В. М. Бокова. – Текст: непосредственный. // Декабристы и их время. Труды Гос. исторического музея. Вып. 88. – Москва: 1995. – С. 5–14.
3. Васильева, Е.Б. Движения декабристов: между мифом и историей (некоторые особенности декабристоведения второй половины XIX –начала XX вв.) / Е.Б. Васильева. – Текст: электронный. //“Белые пятна” российской и мировой истории – 2012. – №2– 3. – С. 32-50. – URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-history-2012-2/2-vasileva.pdf>
4. Ильин, П. В. «Другие декабристы»: деятели тайных обществ 1810–1820-х гг., избежавшие судебного приговора, как исследовательская проблема/ П. В. Ильин. – Текст: электронный. // Петербургский исторический журнал – 2017. – №3 – С. 231-249.–URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drugie-dekabristy-deyateli-taynyh-obschestv-1810-1820-h-gg-izbezhavshie-sudebnogo-prigovora-kak-issledovatel'skaya-problema/viewer>
5. Казьмирчук, Г. Д. Дискуссионные вопросы движения декабристов в постсоветской историографии / Г. Д. Казьмирчук, Ю. В. Латыш. – Текст: электронный. //Известия Иркутского государственного университета. – 2013. – № 2 (5). – С. 77-86. – URL: <http://isu.ru/izvestia>
6. Киянская, О.В. Декабристы в отечественной истории и историографии: Полемиические заметки/ О.В. Киянская. – Текст: электронный. // Россия и современный мир. – 2017. – № 2 (95). – С. 42-56. – URL: https://legacy.inion.ru/index.php?page_id=187&id=2351&at=a&pid=
7. Нечкина, М.В. Движение декабристов: В 2 т. Том I / М.В. Нечкина.— Москва: Издательство Акад. Наук СССР, 1955. – 483 с; – Текст: непосредственный.

8. Парсамов, В. С. Декабристы и французский либерализм./ В. С. Парсамов. -Москва: Полимед, 2001.—240 с.— Текст: непосредственный.

9. Пикалов, Ю.В. Проблема мотива восстания декабристов через призму этики российской истории: справедливость / Ю.В. Пикалов. – Текст: электронный. // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 12. (92). – С. 97-102. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-motiva-voostaniya-dekabristov-cherez-prizmu-etiki-rossiyskoy-istorii-spravedlivost>

10. Платонов, О.А. Терновый венец России история масонства, 1731-1995./ О.А. Платонов. — Москва : Родник, 1995. — 431 с.;– Текст: непосредственный.

11. Эрлих, С.Е. Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения (по материалам библиографических указателей 1929–1994)/ С. Е. Эрлих. – Текст: непосредственный. // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. III. СПб; - Кишинев: Нестор, 2000. - С. 258–313.

References

1. Andreyeva, T. V. Taynyye obshchestva v Rossii v pervoy treti XIX v.: pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoye mneniye [Secret Societies in Russia in the First Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion] / T.V. Andreyeva; RAN, S.- Peterb. in-t istorii. - Sankt-Peterburg :Liki Rossii, 2009. - 911 s. – Tekst: neposredstvennyy.

2. Bokova, V. M. Predisloviye [Preface] / V. M. Bokova. – Tekst: neposredstvennyy.// Dekabristy i ikh vremya. Trudy Gos. istoricheskogo muzeya. Vyp. 88. – Moskva: 1995. – S. 5–14. – Tekst: neposredstvennyy.

3. Vasil'yeva, Ye.B. Dvizheniy adekabristov: mezhdru mifom i istoriyey (nekotoryye osobennosti dekabristovedeniya vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.) [The Decembrist Movement: Between Myth and History (Some Features of Decembrist Studies in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]/ Ye.B. Vasil'yeva –Tekst: elektronnyy. //“Belyye pyatna” rossiyskoy i mirovoy istorii – 2012. – №2-3 – S. 32-50. – URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-history-2012-2/2-vasileva.pdf>

4. Il'in, P. V. «Drugie dekabristy»: deyateli taynykh obshchestv 1810–1820-kh gg., izbezhavshiye sudebnogo prigovora, kak issledovatel'skaya problema [«Other Decembrists»: Secret Society Activists of the 1810s–1820s Who Escaped Trial as a Research Problem]/ P. V. Il'in – Tekst: elektronnyy. // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal – 2017. – №3 – S. 231-249.– URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drugie-dekabristy-deyateli-taynyh-obschestv-1810-1820-h-gg-izbezhavshie-sudebnogo-prigovora-kak-issledovatel'skaya-problema/viewer>

5. Kaz'mirchuk, G. D. Diskussionnyye voprosy dvizheniya dekabristov v postsovetskoy istoriografii [Controversial issues of the Decembrist movement in post-Soviet historiography]/ G. D. Kaz'mirchuk, YU. V. Latysh. – Tekst: elektronnyy. //Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 2 (5). – S. 77-86. – URL: <http://isu.ru/izvestia>

6. Kiyanskaya, O.V. Dekabristy v otechestvennoyi storiiistoriografii: Polemicheskiye zametki [Decembrists in Russian History and Historiography:

Polemical Notes]/ O.V. Kiyanskaya – Tekst: elektronnyy. // Rossiya i sovremennyy mir. – 2017. – № 2 (95). – С. 42-56. – URL: https://legacy.inion.ru/index.php?page_id=187&id=2351&at=a&pid=

7. Nechkina, M.V. Dvizheniye dekabristov [Decembrist movement]: V 2 t. Tom I / M.V. Nechkina.— Moskva: Izdatel'stvo Akad. Nauk SSSR, 1955. - 483 s; –Tekst: neposredstvennyy.

8. Parsamov, V. S. Dekabristy i frantsuzskiy liberalizm. [The Decembrists and French Liberalism] / V. S. Parsamov. -Moskva: Izdatel'stvo: Polimed, 2001—240 s.— Tekst: neposredstvennyy.

9. Pikalov, Yu.V. Problema motiva vosstaniya dekabristov cherez prizmu etiki rossiyskoy istorii: spravedlivost' [The problem of the motive of the Decembrist uprising through the prism of the ethics of Russian history: justice]/ YU.V.Pikalov. – Tekst: elektronnyy. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2021. – № 12 (92). – S. 97-102. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-motiva-vosstaniya-dekabristov-cherez-prizmu-etiki-rossiyskoy-istorii-spravedlivost>

10. Platonov, O.A. Ternovyy venets Rossii istoriya masonstva, 1731-1995. [Crown of Thorns of Russia: History of Freemasonry, 1731-1995]/ O.A. Platonov — Moskva :Rodnik, 1995. — 431 s. – Tekst: neposredstvennyy.

11. Erlikh S.Ye. Kogo schitat' dekabristom? Otvet sovetskogo dekabristovedeniya (po materialam bibliograficheskikh ukazateley 1929–1994) [Who is considered a Decembrist? A Soviet Decembrist scholar's answer (based on bibliographic indexes from 1929–1994)]/ S. Ye. Erlikh. – Tekst: neposredstvennyy. // 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. Vyp. III. SPb; - Kishinev: Nestor, -2000. - S. 258–313. Platonov — Moskva :Rodnik, 1995. — 431 s.;—Tekst: neposredstvennyy.

УДК 796.034

А. В. Липатов

ПРОСТРАНСТВО СОВЕТСКОГО СПОРТА: К ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ I СПАРТАКИАДЫ НАРОДОВ СССР

Липатов Александр Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и экономики Волгоградской государственной академии физической культуры; E-mail: elita_lee@mail.ru

В статье рассматриваются условия проведения первой Спартакиады народов СССР, как ресурса отбора спортсменов для участия в Олимпийских играх и механизма по популяризации физической культуры и спорта среди населения СССР.

На основе анализа периодической печати 1956 г. была определена социальная природа Спартакиады и её черты как важнейшего политического события.

Спартакиада рассматривается как социокультурное явление в истории советского послевоенного спорта на основе междисциплинарного подхода, что позволило охарактеризовать причины и условия её проведения, ход осуществления и достижения участников.

Ключевые слова: СССР, Спартакиада, советский спорт, спортивные соревнования, виды спорта, стадион «Лужники».

A. V. Lipatov

SPACE OF SOVIET SPORT: TO THE HISTORY OF I SPARTAKIAD OF THE PEOPLES OF THE USSR

Lipatov Alexander Vyacheslavovich - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Economics, Volgograd State Physical Education Academy; e-mail: elita_lee@mail.ru

The article considers the conditions for holding the first Spartakiad of the peoples of the USSR, as a resource for selecting athletes to participate in the Olympic Games and a mechanism for popularizing physical culture and sports among the population of the USSR.

Based on the analysis of the periodical press of 1956, the social nature of the Spartakiad and its features were determined as the most important political event.

The Spartakiad is considered as a sociocultural phenomenon in the history of Soviet post-war sports on the basis of an interdisciplinary approach, which made it possible to characterize the reasons and conditions for its holding, the progress of implementation and achievements of the participants.

Key words: USSR, Spartakiad, Soviet sports, sports competitions, sports, Luzhniki stadium.

Со становлением Советской власти в повседневной жизни и культуре досуга советских людей большой удельный вес среди социально-культурных практик стали занимать занятия физической культурой, демонстрации спортивных достижений и парады физкультурников. Первый парад физкультурников прошел в революционные годы – в мае 1919 г., а вот уже в годы социалистической модернизации прошла первая Спартакиада. В 1928 г. в дни проведения IV-го конгресса Коминтерна параллельно прошла летняя Спартакиада, а позже и зимняя. Эти виды соревнований служили условиям для активизации человеческого капитала и инструментом для демонстрации превосходства социалистического строительства, соревнования приобретали политизированный характер: «они неотделимы в общей борьбе за революцию – классическая физическая культура Спартака и революционная боевая культура Маркса-Ленина» [4, с.5].

Спартакиады в истории спорта не являлись новой формой организации физкультурно-массового движения. Зародившись в нач. XX века, они стали массовыми спортивными соревнованиями среди тех категорий населения, которые не имели финансовых возможностей попасть в большой спорт, далеких от шанса попасть на крупные соревнования. Спартакиады становились частью повседневной культуры слоев населения, не входивших в буржуазную прослойку, или декадентского образа жизни; первые Спартакиады в Западной Европе объединяли рабочих спортивных союзов и выступали в своем роде альтернативой культуре элит. В итоге, в связи с революционными кризисами, как в России, так и в Европе в 1917-1918 гг. Спартакиады станут традиционной формой проведения комплексных массовых соревнований [10, с. 286] и будут

культивироваться как формы физической активности и досуга, социально значимой деятельности и агитационно-пропагандистской деятельности органов власти в странах социализма.

Если в Западной Европе существовали экономические детерминанты и преграды для организации спортивных соревнований для людей с низкими доходами, напрямую влиявшие на обусловленность социального статуса спортсменов. В СССР складывалась иная ситуация, проведение I Спартакиады народов СССР в 1956 г. стало означать новое достижение в социалистическом строительстве за счет расширения возможностей для участия в ней и широкого круга людей уже участвующих в физкультурно-массовом движении. Это предопределяет социальную природу Спартакиад в СССР, являвшихся открытыми, свободными, равными спортивными соревнованиями, где главный мотив – это демонстрация физических качеств и спортивных способностей, что делало их подлинно народными. «Сам факт проведения Спартакиады народов СССР является ярким свидетельством неустанной заботой партии и правительства о здоровье трудящихся, о массовом развитии физической культуры и спорта в стране, о воспитании сильных телом и духом, жизнерадостных строителей коммунизма, неутомимых и стойких в преодолении трудностей...» – говорилось в общесоюзной газете «Известия» в канун открытия I Спартакиады народов СССР [8, с.1].

В научной литературе не раз отмечалось, что в послевоенное время спорт помимо прямых своих социальных функций, приобрёл политическое значение, его задача – доказать «все преимущества» социалистической системы [2, с. 844]. Решение данной задачи невозможно без консолидации общества, его объединения вокруг тех идей и установок, которые служили укреплению существующего государственного строя; это приводит к пониманию того, что физическая культура и спорт не могли быть оторваны от государственных интересов.

В условиях послевоенной конкуренции капиталистической и социалистической систем, спортивная сфера стала важной частью в демонстрации превосходства одной над другой. Это обусловило проведение Спартакиады в предшествующий год Олимпийским играм, что позволило не только провести общесоюзный смотр имеющихся спортивных резервов, но и выявить спортивный потенциал для будущих международных соревнований.

I Спартакиада народов СССР рассматривалась как альтернатива буржуазным Олимпийским играм [13, с. 48]. Только за 7 месяцев 1956 г. в СССР приехало 80 спортивных делегаций для участия в различных спортивных соревнованиях и за этот же период более 120 делегаций советских спортсменов побывало в 36 зарубежных странах [8, с.1]. Эта череда спортивных контактов говорит о большой заинтересованности со стороны властей в продвижении советского спорта на международной арене и повышению статуса СССР как спортивной державы.

В январе 1955 г. Совет Министров СССР издало Постановление «О подготовке и проведении Спартакиады народов СССР», где было определено, что «Спартакиада народов СССР должна явиться проверкой состояния

физкультурной и спортивной работы в союзных республиках, в спортивных обществах ВЦСПС и ведомств, среди учащихся школ и учебных заведений и способствовать дальнейшему массовому развитию физической культуры и спорта в стране, активизации и организационному укреплению коллективов физической культуры...» [7, с. 1]. Характеризуя этот нормативно-правовой акт, стоит отметить, что государство не делало акцент на экономическую составляющую Спартакиады, как формы спортивных соревнований, а ставило целью – расширение социальной базы для физической культуры и спорта, вовлечению широких слоев населения советского общества в физкультурное движение. Такой вектор отражал не только революционные традиции и ленинские принципы организации жизни общества, возрождаемые Н.С. Хрущевым в противовес предшествующему периоду, но и демонстрировал успехи социалистического строительства.

Не раз в официальных источниках подчеркивалось, что I Спартакиада народов СССР носит подлинный народный характер, а сами соревнования – это достижение советского народа. На открытии Спартакиады председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР Н.Н. Романов в своей речи указывал на то, что «физическая культура и спорт стали подлинно общенародным делом, прочно вошли в быт трудящихся, являются могучим фактором физического развития и укрепления здоровья советских людей» [11, с. 1]. Социальный портрет участников полностью совпадал с классовой теорией советской идеологии: «Это были творцы машин и металла, шахтеры, строители городов, комбайнеры, колхозники, студенты и школьники. Это - народ, его юность и мощь!» [8, с.1].

Идея проведения I Спартакиады материализовалась в огромную работу всех звеньев властных структур и общественных организаций как вширь, так и в глубину. Подготовка затронула, как низовые коллективы физической культуры на производстве, по месту жительства, учебы, так территориальные органы власти и управления. В 1955 г. во всех уголках СССР проводились Спартакиады в районах, городах, областях, краях и союзных республиках, как отборочные состязания для общесоюзной Спартакиады. Организация подобных соревнований стало фильтром для отбора сборных команд союзных республик и городов Москвы и Ленинграда (ныне – *Санкт-Петербург*). В 1956 г., в период, непосредственно предшествующий Спартакиаде народов СССР, были проведены Спартакиады союзных республик, в которых приняло такое количество людей, которое сравнимое с числом крупных армий: в РСФСР - 12 млн. чел., в УССР – более 2 млн. чел., в БССР – 600 тыс. [8, с. 1], всего в массовых соревнованиях участвовало более 20 млн. чел. [10, с. 287]. Проведение такого круга соревнований, уже указывает на выработанный властными структурами механизм по конструированию необходимого результата, несомненно, что это произошло благодаря сложившейся за годы советской власти системы подчинения органов власти и сверхцентрализации управления. Но, так или иначе, миллионы людей буквально за год были вовлечены в организационный этап I Спартакиады народов СССР, стали участниками самого массового спортивного мероприятия в СССР.

По-своему осуществлению I Спартакиада представлялась для мирового сообщества как торжество социалистического строительства – развитие массовой физической культуры позволила за послевоенные годы воспитать новую плеяду мастеров спорта, чемпионов и рекордсменов СССР, Европы и мира, а эти успехи стали возможны только в условиях социализма [11, с. 1].

Массовый характер Спартакиаде придавал и тот факт что на ней одновременно разыгрывалось, как первенством самой Спартакиады, так и первенство СССР по различным видам спорта [12, с. 97].

Открытие I Спартакиады народов СССР прошел во Всесоюзный День физкультурника, что было символичным, ведь сама Спартакиада по-своему характеру являлась праздничным мероприятием. Проведение Спартакиады представлялось как триумф советского спорта, она приобрела черты «праздника всех трудящихся нашей страны, праздника силы, молодости здоровья» [9, с. 1]. При этом, Спартакиада носила не только отпечаток спортивного праздника всесоюзного значения, но и важного политического события: при открытии Спартакиады были использованы все атрибуты проведения государственного праздника и особого, значимого события. Председатель Комитета по физической культуры и спорту при Совете Министров СССР Н.Н. Романов, завершая торжественную речь в честь открытия, провозгласил: «Слава Коммунистической партии Советского Союза!». На трибунах стадиона им. В.И. Ленина троекратно пронеслось «Слава, слава, слава!», раздавались в разных уголках «Ура!» и долгие аплодисменты, за этим под государственный гимн был поднят алый флаг СССР [11, с. 1].

I Спартакиада народов СССР, имевшая общесоюзное значение, не могла происходить вне политических реалий: накануне открытия в Москву прибыли иностранные делегации и представители международных спортивных федераций, всего свыше 70 представителей международных, национальных и рабочих спортивных и физкультурных организаций более чем из 25 стран мира [6, с. 1]. На торжественном открытии были руководители КПСС и Советского правительства: Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Г.М. Первухин, Н.С. Хрущев, Г.К. Жуков, Л.И. Брежнев и др., депутаты Верховного Совета СССР, министры и члены дипломатического корпуса.

Программа финальных соревнований Спартакиады народов СССР состояла из 21 вида спорта, а в состав команд были включены спортсмены, показавшие в 1955-1956 гг. спортивные результаты не ниже 1-го разряда. Общая численность сборных коллективов союзных республик и городов Москвы и Ленинграда достигла 500 [3, с. 66].

В зачет общекомандного первенства входило 20 видов, при этом первенство по академической гребле и велосипедному спорту на треке в общекомандной зачет не включались, т.к. по этим видам спорта первенство страны разыгрывалось самостоятельно. Общекомандное первенство определялось по наибольшей сумме очков, полученной участвующими коллективами по отдельным видам спорта, входящим в программу общекомандного первенства.

Центрообразующим элементом I Спартакиады стало не столько прибытие и участие почти 20 тыс. людей в этих соревнованиях, сколько открытие для её проведения московского Центрального стадиона в Лужниках. Указом Президиума Верховного Совета от 31 июля 1956 г. Центральному московскому стадиону было присвоено имя В.И. Ленина (более известный как стадион «Лужники»). Строительство прошло за исключительно короткий срок, немногим больше года, изменив при этом природный ландшафт Москва-реки. Мощные землесосные снаряды подняли со дна реки и намыли миллионы кубометров грунта. Затем здесь были высажены многолетние деревья и декоративные кустарники. После строительства широкая лента Москва-реки стала огибать стадион, создавая все условия для сочетания природных видов и демонстрации силы социалистического строительства и преобразований советского человека окружающего мира [14, с. 37].

Стадион «Лужники» стал первым в своём роде комплексом для проведения столь масштабных соревнований, включающий спортивную арену на 103 тыс. зрителей, малую спортивную арену на 16 тыс. человек, плавательный бассейн с трибунами на аудиторию в 13 тыс. посетителей; «Лужники», как социально-архитектурное пространство насчитывало 130 различных спортивных сооружений. Попадая на этот стадион, человек не просто попадал в пространство триумфа советской физической культуры и спорта, но и созерцаемого величия советскихстроек и инженерных ходов-конструкций, соединяющих трибуны с локациями соревнований. В этом смысле, I Спартакиада выступает единым организмом, имеющим как телесность – стадион со спортивными локусами, так и духовность – идейную наполненность, исходящей от партийно-государственных установок. В целом проведение Спартакиады на таком спортивном мегакомплексе для Советского союза стало грандиозным событием, единственным и неповторимым в своем воплощении, формой воплощения и соединения социальных ценностей и спорта.

I Спартакиада народов СССР продолжалась 12 дней (с 05 по 16 августа 1956 г.) и объединила представителей 40 национальностей, а в финальных соревнованиях приняло участие 9, 244 спортсмена.

Первое место заняла команда РСФСР (г. Москва), набрав 471 очко и победив в 12 видах спорта. Второе место заняла сборная команда областей, краев и автономных республик РСФСР (сборная РСФСР), получившая в результате соревнований 423 очка, её спортсмены завоевали первенство в стрельбе – пулевой и стендовой, классической борьбе. Третье место досталось команде РСФСР (г. Ленинград), спортсмены которой смогли набрать 412,5 очка, выиграв соревнования по боксу, вольной борьбе, плаванию, гребле на байдарках и каноэ. Чемпионом Спартакиады по баскетболу стала команда Латвийской ССР, а спортсмены Армянской ССР завоевали первенство по пятиборью. Несмотря на то, что команда Украинской ССР заняла 4 место, её мужская команда вышла на первое место по волейболу [5, с. 4].

Создание условий для открытой спортивной конкуренции позволили за время Спартакиады установить 355 новых рекордов союзных республик, а также

33 новых всесоюзных рекорда, 9 из которых превысили рекорды мира. В ходе соревнований было показано 455 результатов мастеров спорта [5, с. 4].

По окончании I Спартакиады народов СССР в Кремле для участников был организован праздничный концерт, который прошел в Георгиевском зале. Перед началом праздничной части Главный судья Спартакиады К.А. Андриянов объявил официальные итоги Спартакиады, председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР Н.Н. Романов вручил ценные подарки командам-победительницам, за первое место команда РСФСР (Москва) получила хрустальный кубок в золотой оправе. По окончании торжественной части в георгиевском зале был дан концерт, организованной представителями московской творческой интеллигенции [1, с. 4].

Проведение I Спартакиады народов СССР сыграло важную роль в развитии массовости физкультурного движения в стране, с одной стороны, Спартакиада стала ресурсом социальной рекламы для формирования положительного образа советского спортсмена, а, с другой, дала импульс от низовых физкультурных ячеек до региональных властей в пропаганде участия в спортивных соревнованиях. Спартакиада показала не только высокий количественный показатель за счет сборных команд, но и качественные достижения всего советского физкультурного движения, она продемонстрировала уровень вовлеченности любителей в спортивные тренировки, мастерство участников, тенденции в развитии различных видов спорта. Спартакиада народов СССР 1956 г. стала первым крупным шагом в послевоенное десятилетие по развитию условий для привлечения новых категорий населения к занятиям физической культуры и участию в спортивных соревнованиях. Также, сама Спартакиада и её социально-политический эффект, наравне с традиционными уже парадами физкультурников, стала ресурсом для мобилизации тех, кто уже был вовлечен в спорт.

Эффект от Спартакиады проявился на Олимпийских играх того же года в г. Мельбурне, Австралии. Некоторые победители спартакиады были включены в сборную СССР, как, например, легкоатлет В.П. Куц. Он показал новые рекорды на беговой дорожке на Спартакиаде, а в беге на 10 000 м в Мельбурне отобрал победу у своего давнего соперника британца Г. Пири. Нельзя умалять положительный эффект от социалистического строя, провозглашенного в СССР, благодаря которому любой человек, не зависимо от возраста, профессии и уровня материального достатка, смог стать участником всесоюзного спортивного праздника только за счет одной возможности – проявления своих физических качеств и спортивных достижений. Именно последнее и отличало советский спорт и в целом физкультурно-массовое движение от западной модели спорта; размах проведения Спартакиады смог продемонстрировать успех социалистического строительства в СССР.

Литература

1. Бал победителей Спартакиады народов СССР в Большом Кремлевском дворце // Правда. – 1956. – 18 августа (№ 231).

2. Достижения советского спорта (1945-1991). – Текст: непосредственный // Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. – Т. «Россия». – Москва: Большая российская энциклопедия, 2004. – 1007 с.
3. Дежкина, О.Е. Спорт для всех: история всесоюзных спартакиад / О. Е. Дежкина. – Текст: непосредственный // Вестник спортивной истории. – 2020. – № 4(23). – С. 66-72.
4. Зимние спартакиады России / авт.-сост. А.А. Осинцев. – Пермь : Кн. изд-во, 1985. – 102 с. – Текст: непосредственный.
5. Итоги Спартакиады народов СССР// Правда. – 1956. – 18 августа (№ 231).
6. Перед открытием Спартакиады // Правда. – 1956. – 5 августа (№ 218).
7. Постановление Совета Министров СССР «О подготовке и проведении Спартакиады народов СССР» от 22 января 1955 г. // Советский спорт. – 1955. – 17 февраля (№ 21).
8. Праздник молодости, силы и красоты // Известия. – 1956. – 5 августа (№ 186).
9. Праздник советских физкультурников // Правда. – 1956. – 5 августа (№ 218).
10. Спартакиада. – Текст: непосредственный // Большая советская энциклопедия (в 30-ти томах) / гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. – Москва: Изд-во «Советская энциклопедия», 1976. – Т. 24. – Кн. I. – 608 с.
11. Спартакиада народов СССР открылась! // Советский спорт. – 1956. – 7 августа (№. 93).
12. Спартакиада 1956 г. – Текст: непосредственный // Ежегодник Большой советской энциклопедии / гл. ред. Б.А. Введенский. – Москва: Государственное научное изд-во «Большая советская энциклопедия», 1957.
13. Тигунцев, С.А. Спортивные мероприятия в СССР как инструмент пропаганды советских общественных ценностей (на примере I Спартакиады народов СССР) / С.А. Тигунцев. – Текст: непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 48-55.
14. Хачкованян, Г.В. От Спартака до Спартакиад / Г. В. Хачкованян. – Текст: непосредственный. – Москва: Изд-во «Физическая культура и спорт», 1968. – 54 с.

References

1. Bal pobeditelej Spartakiady narodov USSR v Bol'shom Kremlevskom dvorce [Ball of the Winners of the USSR Spartakiad of Peoples at the Grand Kremlin Palace] // Pravda. – 1956. – 18 avgusta (№ 231).
2. Dostizheniya sovetskogo sporta [Achievements of Soviet sports] (1945-1991). – Tekst: neposredstvennyy // Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya: v 30 t. / otv. red. S.L. Kravec. – T. «Rossiya». – Moskva: Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya, 2004. – 1007 p.
3. Dezhkina, O.E. Sport dlya vsexh: istoriya vsesoyuznykh spartakiad [Sports for everyone: the history of the All-Union Spartakiads] / O. E. Dezhkina. – Tekst: neposredstvennyy // Vestnik sportivnoj istorii. – 2020. – № 4(23). – Pp. 66-72.

4. Zimnie spartakiady Rossii [Russian Winter Sports Games] / avt.-sost. A.A. Osincev. – Perm': Kn. izd-vo, 1985. – 102 s. – Tekst: neposredstvennyy.
5. Itogi Spartakiady narodov USSR [Results of the Spartakiad of the peoples of the USSR] // Pravda. – 1956. – 18 avgusta (№ 231).
6. Pered otkrytiem Spartakiady [Before the opening of the Spartakiad] // Pravda. – 1956. – 5 avgusta (№ 218).
7. Postanovlenie Soveta Ministrov USSR «O podgotovke i provedenii Spartakiady narodov USSR» 22 yanvarya 1955 g. [Resolution of the Council of Ministers of the USSR "On the Preparation and Conducting of the Spartakiad of the Peoples of the USSR" dated January 22, 1955] // Sovetskij sport. – 1955. – 17 fevralya (№ 21).
8. Prazdnik molodosti, sily i krasoty [A celebration of youth, strength and beauty] // Izvestiya. – 1956. – 5 avgusta (№ 186).
9. Prazdnik sovetskikh fizkul'turnikov [The holiday of Soviet athletes] // Pravda. – 1956. – 5 avgusta (№ 218).
10. Spartakiada [Sports Contest]. – Tekst: neposredstvennyy // Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya (v 30-ti tomakh) / gl. red. A.M. Prokhorov. Izd. 3-e. – Moskva: Izd-vo «Sovetskaya ehnciklopediya», 1976. – T. 24. – Kn. I. – 608 p.
11. Spartakiada narodov USSR otkrylas'! [The Spartakiad of the peoples of the USSR has opened!] // Sovetskij sport. – 1956. – 7 avgusta (№. 93).
12. Spartakiada 1956 g [1956 Spartakiad]. – Tekst: neposredstvennyy // Ezhegodnik Bol'shoj sovetskoj ehnciklopedii / gl. red. B.A. Vvedenskij. – Moskva: Gosudarstvennoe nauchno eizd-vo «Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya», 1957.
13. Tiguncev, S.A. Sportivnye meropriyatiya v SSSR kak instrument propagandy sovetskikh obshchestvennykh cennostej (na primere I Spartakiady narodov USSR) [Sports events in the USSR as a tool for promoting Soviet social values (based on the I Spartakiad of the Peoples of the USSR)] / S.A. Tiguncev. – Tekst: neposredstvennyy // Gumanitarnyj vektor. – 2023. – T. 18, № 1. – Pp. 48-55.
14. Khachkovanyan, G.V. Ot Spartaka do Spartakiad [From Spartacus to the Spartakiads] / G. V. Khachkovanyan. – Tekst: neposredstvennyy. – Moskva: Izd-vo «Fizicheskaya kul'tura i sport», 1968. – 54 p.

УДК 377

Н.В. Ахантьева

ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ СПО

Ахантьева Наталья Владимировна – преподаватель высшей квалификационной категории многопрофильного колледжа института довузовского образования ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

Демонстрационный экзамен выступает эффективным и современным инструментом профессионального образования в Российской Федерации. В статье предпринята попытка проанализировать демонстрационный экзамен, как одну из форм государственной итоговой аттестации, а также проанализировать статистические данные, характеризующие процесс внедрения его в образовательный процесс на территории страны. Отдельно акцент сделан на такой субъект РФ, как Республика Мордовия.

Ключевые слова: демонстрационный экзамен, государственная итоговая аттестация, проверка знаний, среднее профессиональное образование

N.V. Akhantyeva

DEMONSTRATION EXAM IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF SECONDARY EDUCATION

Akhantyeva Natalya Vladimirovna – teacher of the highest qualification category at the multidisciplinary college of the Institute of Pre-University Education of the National Research Mordovia State University

The demonstration exam is an effective and modern tool for vocational education in the Russian Federation. This article attempts to analyze the demonstration exam as a form of state final certification, as well as to examine statistical data characterizing its implementation in the educational process across the country. Particular emphasis is placed on the Republic of Mordovia, a constituent entity of the Russian Federation.

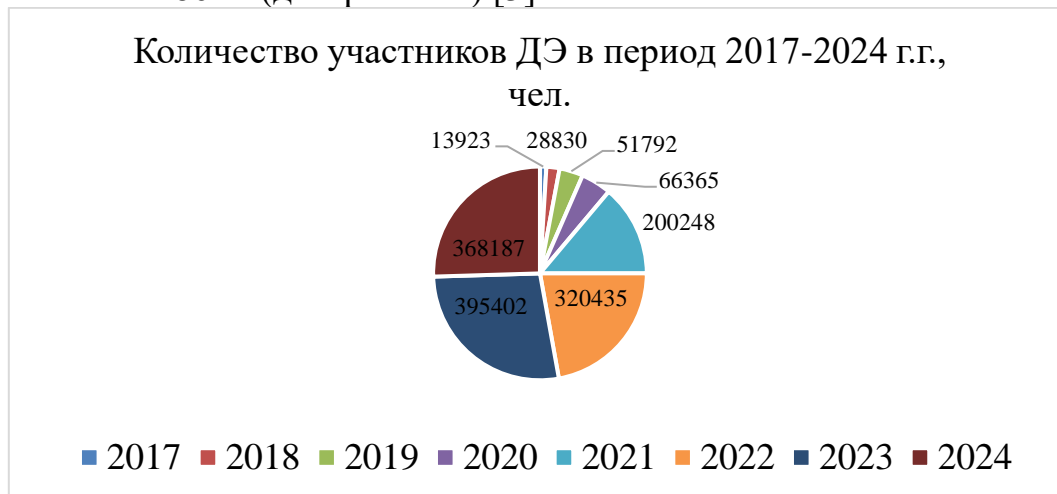
Key words: demonstration exam, state final certification, knowledge test, secondary vocational education

Демонстрационный экзамен (далее – ДЭ) представляет собой современный подход к оценке знаний и навыков студентов. Основная его цель – максимально отразить реальные условия профессиональной деятельности и обеспечить более точную оценку компетенций обучающихся.

С 2017 года ДЭ постепенно внедряется в образовательных учреждениях и стал частью государственной итоговой аттестации по программам среднего профессионального образования. Это важно не только для повышения качества образования, но и для подготовки специалистов, соответствующих требованиям современного рынка труда .

Данный вид итоговой аттестации выпускников направлен на определение уровня сформированности профессиональных компетенций на этапе окончания обучения и освоения программного материала.

В течении всего периода реализации демонстрационного экзамена и закрепления его как одну из форм государственной итоговой аттестации, наблюдается постоянное увеличение процента студентов, участвующих в ДЭ. Так с 2021 года этот показатель вырос приблизительно на 24,7 % и на конец 2024 года составляет 86 % (диаграмма 1) [3].

В ходе сдачи демонстрационного экзамена студент выполняет практические задания, которые имеют практическую направленность и приближены к будущей профессиональной деятельности и производственным процессам.

В зависимости от требований, которые положены в основу оценки сформированности профессиональных компетенций, предусмотрены два уровня демонстрационного экзамена:

- базовый, содержащий требования федерального государственного образовательного стандарта (далее – ФГОС) соответствующей специальности;
- профильный, включающий в себя дополнительно квалификационные требования, предъявляемые будущими потенциальными работодателями и, которые, как правило, принимают активное участие в образовательном процессе.

К процессу проведения ДЭ предъявляются особые требования. Его проведение осуществляется на специально оборудованной и оснащенной всем необходимым площадке – центре проведения демонстрационного экзамена.

Нормативные документы предусматривают два варианта расположения центра проведения демонстрационного экзамена (ДЭ), что позволяет обеспечить гибкость и доступность для выпускников различных образовательных учреждений:

- во-первых, на территории образовательной организации, в которой проводится данный вид итогового испытания;
- во-вторых, используя сетевую форму взаимодействия, на территории иной образовательной организации. Сетевая форма взаимодействия может способствовать обмену опытом и лучшими практиками между образовательными учреждениями, а также предоставлять доступ к более

современным средствам и технологиям. Такой подход может быть полезен для реализации совместных образовательных программ и курсов.

Внедрение обоих вариантов позволяет адаптировать процесс проведения демонстрационного экзамена к специфике и возможностям разных образовательных учреждений, улучшая общую организацию и качество аттестации выпускников [5].

Для проведения ДЭ разрабатывается пакет оценочных материалов, причем это касается обоих, предусмотренных, для данного экзамена уровней. Выполняет эту работу оператор демонстрационного экзамена, который обязан привлекать к этому представителей работодателя, профессиональные сообщества.

Разрабатывая задания для демонстрационного экзамена, необходимо помнить, что это очень ответственная задача, стоящая перед экспертом-разработчиком оценочных материалов. В качестве него может выступать лицо, не только отвечающее необходимым квалификационным требованиям, но и имеющее профессиональный опыт в разработке оценочных материалов ДЭ [2].

При разработке оценочных материалов акцент делается, в первую очередь, на практические задания, имеющие комплексный характер и направленные на погружение выпускника в сферу его будущей профессиональной деятельности. Выполнение предлагаемых практических задач происходит в режиме реального времени.

Формат ДЭ включает в себя выполнение практических заданий, которые имитируют реальные рабочие ситуации. Это позволяет работодателям иметь уверенность в том, что выпускник не только знает теоретические аспекты своей профессии, но и умеет применять их на практике.

Разработка заданий для демонстрационного экзамена является важной и ответственной задачей. Качество оценочных материалов напрямую влияет на объективность и справедливость аттестации выпускников, а, следовательно, и на репутацию образовательных учреждений [4].

Анализ практических заданий позволяет выделить ключевые аспекты разработки оценочных материалов для ДЭ:

- во-первых, задания должны охватывать несколько аспектов профессии и включать в себя разные компоненты – теоретические знания, практические навыки, а также умение работать в команде и принимать решения в нестандартных ситуациях;

- во-вторых, задачи должны быть максимально приближены к реальным условиям работы, что позволит выпускникам продемонстрировать свои знания и навыки в контексте, который они встретят в своей будущей профессии;

- в-третьих, формирование экспертной группы из квалифицированных специалистов, обладающих достаточным опытом и знаниями в своей области, является гарантией объективности оценки;

- в-четвертых, использование 100-бальной системы оценивания. Необходимо отметить тот факт, что образовательная организация вправе самостоятельно устанавливать шкалу перевода выставленных за ДЭ баллов в оценку.

– в-пятых, необходимо на постоянной основе проводить мониторинг результатов демонстрационного экзамена, мнения по данному вопросу работодателей, участвующих в процессе с целью дальнейшего его совершенствования.

Образовательные организации, реализующие образовательные программы среднего профессионального образования, с каждым годом активнее внедряют в образовательный процесс демонстрационный экзамен и не только в качестве государственной итоговой аттестации, но и как промежуточную проверку знаний (диаграмма 2) [3].

Если рассматривать статистическую информацию (по состоянию на октябрь 2024 года), характеризующую проведение ДЭ в 2024 году в субъектах РФ, то применительно к Республике Мордовия можно сделать такие выводы:

1. Количество участников демонстрационных экзаменов – 1578 чел., что составило 0,5% в целом от всех участников по РФ,
2. Количество демонстрационных экзаменов – 92, что составило 0,5% от аналогичного показателя в целом по РФ,
3. Количество образовательных организаций – 24, что составило 0,8% от числа образовательных организаций- участников ДЭ,
4. Количество профессий и специальностей СПО – 41, что в общем показателе по России составляет 21,2% [1].

Проанализированные данные свидетельствуют о том, что регион активно участвует в процессе внедрения демонстрационного экзамена в образовательный процесс, не отставая от других регионов, но опыт других субъектов РФ все же стоит учитывать и стремиться к более высоким показателям.

Таким образом, ДЭ служит одним из звеньев в цепи обеспечения связи между образовательными учреждениями и работодателями, помогая создать систему, где выпускники имеют более высокие шансы на успешное трудоустройство.

Литература

1. Давыдова, Н.Н. Практика введения демонстрационного экзамена как новая форма государственной аттестации в вузе / Н.Н. Давыдова, М.Л. Кусова, А.А. Симонова // Педагогическое образование в России. – 2024. – № 1. – С. 21–32.

2. Дмитриева, Е.А. Использование площадки демонстрационный экзамен в ходе подготовки федеральных общественных наблюдателей за процедурой ЕГЭ / Е.А. Дмитриева // Научные исследования 2024 : материалы X Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2024. – С. 97–100.

3. Об операторе демонстрационного экзамена базового и профильного уровней по образовательным программам среднего профессионального образования : Приказ Министерства просвещения РФ от 17.04.2023 № 285. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/406769697/> (дата обращения: 15.09.2025).

4. Рогачева, Ю.Б. Организация деятельности колледжа при подготовке и проведении демонстрационного экзамена / Ю.Б. Рогачева, Е.Д. Ортман // Стратегические сценарии развития демонстрационного экзамена : материалы научно-практической конференции. – Чебоксары, 2024. – С. 161–166.

5. Судденкова, Н.В. Демонстрационный экзамен – управление, ориентированное на результат / Н.В. Судденкова, С.В. Жолован, А.К. Ильясова // Стратегические сценарии развития демонстрационного экзамена : материалы научно-практической конференции. – Чебоксары, 2024. – С. 172–178.

References

1. Davy`dova, N.N. Praktika vvedeniya demonstracionnogo e`kzamina kak novaya forma gosudarstvennoj attestacii v vuze [The practice of introducing a demonstration exam as a new form of state certification at a university] / N.N. Davy`dova, M.L. Kusova, A.A. Simonova // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2024. – № 1. – S. 21–32.

2. Dmitrieva, E.A. Ispol`zovanie ploshhadki demonstracionny`j e`kzamen v hode podgotovki federal`ny`h obshhestvenny`h nablyudatelej za proceduroj EGE` [Use of the demonstration exam site during the training of federal public observers for the Unified State Exam procedure] / E.A. Dmitrieva // Nauchny`e issledovaniya 2024 : materialy` X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Penza, 2024. – S. 97–100.

3. Ob opereatore demonstracionnogo e`kzamina bazovogo i profil`nogo urovnej po obrazovatel`ny`m programmam srednego professional`nogo obrazovaniya : Prikaz Ministerstva prosveshheniya RF ot 17.04.2023 № 285 [On the operator of the demonstration exam at the basic and advanced levels for secondary vocational education programs: Order No. 285 of the Ministry of Education of the Russian Federation dated April 17, 2023]. – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/406769697/> (data obrashheniya: 15.09.2025).

4. Rogacheva, Yu.B. Organizaciya deyatel`nosti kolledzha pri podgotovke i provedenii demonstracionnogo e`kzamina [Organization of the college's activities during the preparation and conduct of the demonstration exam] / Yu.B. Rogacheva, E.D. Ortman // Strategicheskie scenarii razvitiya demonstracionnogo e`kzamina : materialy` nauchno-prakticheskoj konferencii. – Cheboksary`, 2024. – S. 161–166.

5. Suddenkova, N.V. Demonstracionny`j e`kzamen – upravlenie, orientirovannoe na rezul`tat [Demonstration Exam - Results-Oriented Management] / N.V. Suddenkova,

S.V. Zholovan, A.K. Il'yasova // Strategicheskie scenarii razvitiya demonstracionnogo e`kzamena : materialy` nauchno-prakticheskoy konferencii. – Cheboksary`, 2024. – S. 172–178.

УДК 159.9

О.Н. Белоусов

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

Белоусов Олег Николаевич – аспирант Ростовского государственного экономического университета РГЭУ (РИНХ), E-mail: belooleg@list.ru, +79185502326

Национальная культура и менталитет находятся в процессе постоянного взаимодействия. Культура формирует менталитет через свои ценности, традиции и нормы, тогда как менталитет, в свою очередь, может адаптироваться и изменяться под влиянием глобализации и культурных обменов. Это взаимовлияние играет ключевую роль в формировании идентичности и восприятия мира в современном обществе. Каждая нация имеет свои уникальные символы и значения, которые формируют коллективное сознание и идентичность. Этнопсихология, представляющая основной интерес в данном исследовании, является междисциплинарной областью, которая изучает психические процессы, поведение и социальные отношения людей в контексте их этнической и культурной идентичности. Она сочетает элементы психологии и этнологии, фокусируясь на том, как культура и этнос влияют на психическую жизнь индивидов и групп. Национальный менталитет в контексте этнопсихологии представляет собой совокупность психологических характеристик, культурных шаблонов и поведенческих моделей, присущих определенной нации или этнической группе. Он формируется под влиянием исторических, социальных, экономических и культурных факторов и влияет на то, как люди воспринимают мир, взаимодействуют друг с другом и решают повседневные задачи.

Ключевые слова. *Этнопсихология, народный дух, национальная идентичность, национальная культура, национальный менталитет.*

O.N.Belousov

NATIONAL MENTALITY IN THE CONTEXT OF ETHNOPSYCHOLOGY

Belousov Oleg Nikolaevich - postgraduate student at the Rostov State Economic University (RINH), E-mail: belooleg@list.ru, +7918550232

National culture and mentality are in the process of constant interaction. Culture forms a mentality through its values, traditions and norms, whereas mentality, in turn, can adapt and change under the influence of globalization and cultural exchanges. This mutual influence plays a key role in shaping identity and perception of the world in modern society. Each nation has its own unique symbols and meanings that shape the collective consciousness and identity. Ethnopsychology, which is of primary interest in this study, is an interdisciplinary field that studies the mental processes, behavior, and social relationships of people in the context of their ethnic and cultural identity. It combines elements of psychology and ethnology, focusing on how culture and ethnicity affect the mental life of individuals and groups. National mentality in the context of ethnopsychology is a set of psychological characteristics, cultural patterns and behavioral patterns inherent in a particular

nation or ethnic group. It is shaped by historical, social, economic, and cultural factors and influences how people perceive the world, interact with each other, and solve everyday tasks.

Keywords. *Ethnopsychology, national spirit, national identity, national culture, national mentality.*

Общеизвестно, что менталитет в контексте национальной культуры — это совокупность установок, ценностей, привычек и способов мышления, которые характерны для определённой нации или этнической группы. Как правило, он формируется под влиянием исторических, социальных, экономических и географических факторов, а также через культурные традиции, язык и религию. В данном параграфе нам необходимо будет выявить обоюдные точки соприкосновения таких фундаментальных образований как национальная культура и менталитет в рамках этнопсихологии. Тема национального менталитета и этнопсихологии является актуальной по нескольким причинам, особенно в современных условиях глобализации, миграции и мультикультурного взаимодействия. Этнопсихологические исследования позволяют углубить понимания особенностей межкультурного взаимодействия. Научная новизна данного исследования заключается в том, что этнопсихология, будучи междисциплинарной наукой, позволяет рассматривать понятие о национальном менталитете более комплексно, выделяя новые закономерности и взаимосвязи. Цель исследования заключается в детальном рассмотрении понятия национальный менталитет сквозь призму этнопсихологии. Во время исследования были применены следующие методы: компаративный метод, интердисциплинарный метод, аналитический и общелогические методы: индукция, обобщение, аналогия.

Сам термин этнопсихология ввели Г. Г. Штейнталь и М. Лацариус, которые попытались конституировать ее как специфическую научную дисциплину. В 1859 г. они опубликовали «Мысли о народной психологии». Духовная жизнь конкретного народа, по мнению основателей этнопсихологии, включающая в себя язык, религию, право, искусство, науку, быт, нравы - является некой «эманацией народного духа», как носителя коллективного разума, воли, чувств, характера, темперамента и т. п.». Другими словами, опираясь на данное определение, в данном исследовании под понятием этнопсихология понимается междисциплинарная область, исследующая психические процессы, поведение и социальные отношения людей в контексте их этнической и культурной идентичности. Она сочетает элементы психологии и этнологии, фокусируясь на том, как культура и этнос влияют на психическую жизнь индивидов и групп.

Менталитет в культуре рамках этнопсихологии будучи взаимосвязанными понятиями, имеют общую точку соприкосновения, конкретно как понятие о психологии народа, введённое Вильгельмом Вундтом. Согласно Поломошнову Л.А, основы психологического дисциплинарного подхода к теме национального характера были сформированы в сложившейся в Германии в XIX века «школе психологии народов», вершиной деятельности которой стала 10-томная «Психология народов» В. Вундта [3]. Психология народов - это область

психологии, по Вундту, является «преддверием этики» и исследует коллективные психические процессы, которые проявляются в культуре. Он считал, что нравственность и другие культурные явления имеют общий корень в психологических склонностях человека, таких как чувство почитания и симпатии. По замыслу Вундта, «психология народов» должна изучать духовные явления надындивидуального происхождения. Потребность психологической науки в самоопределении такой ее области диктовалась, главным образом, следующим соображением: «совместная жизнь людей вызывает явления, которые, несмотря на свой несомненный психический характер, не могут быть объяснены из условий и законов индивидуальной душевной жизни» [2].

Говоря о «психологии народов», нельзя не принять во внимание тот факт, что данное понятие было продолжением идей и концепций о самобытности народов, сформированных Гегелем. Согласно Поломошнову Л.А., формирование немецкой нации на рубеже XVIII-XIX вв. стимулировало развитие психологии народов, у истоков которой стоит Гегель с его категорией «дух народа». Школа психологии народов – эпигоны Гегеля, психологизировавшие его понятие народного духа и одновременно его мистифицировавшие, но при этом они заложили основы психологической и культурологической методологии исследования национальной самобытности народов, хотя и на идеалистической основе [4].

Г. Гегель, опираясь на принципы своего идеалистического панлогизма, подвел под тему национальной специфики фундамент абсолютной идеи. Тезис о «духе народа» играет одну из ключевых ролей в его философии истории, которая интерпретируется как разворачивание в материальной действительности сменяющих друг друга народных духов. «Определенный дух народа, поскольку он есть нечто действительное, и его свобода существует как природа, содержит с этой природной стороны момент географической и климатической определенности; он существует во времени и по содержанию существенно обладает особым принципом и должен пройти определенное этими условиями развитие своего сознания и своей действительности.» [1] Основной формой исторического воплощения народных духов по Гегелю является государство. Здесь мы видим мистический, идеалистический переворот с ног, на голову отношения между «духом народа» и его материальным существованием [3]. Возвращаясь к идеям В. Вундта, необходимо отметить, что его концепция о «психологии народов» психологизировала гегелевское понятие «дух народа», рассматривая его не как духовную идеалистическую предпосылку и основу исторического бытия самобытного народа, а как некое психическое сходство индивидов, принадлежащих к одной нации и как их народное самосознание своих национальных психических и культурных особенностей. «Дух народа», следуя гегелевской традиции, рассматривался как движущая сила истории этого народа. Поскольку «дух народа» в интерпретации психологии народов находит выражение в искусстве, религии, языке, мифах, обычаях, постольку школа психологии народов сконцентрировала свой интерес на сравнительном изучении мифологии, морали, культуры различных народов. Вдохновленный концепцией этнопсихологии, В. Вундт, исходя из идеалистического взгляда на

интерсубъективную реальность, предложил собственную методологию исследования культурно-исторических особенностей менталитета этнокультурных групп. «Под народным духом, который составляет предметную область новой науки, он понимал высшие психические процессы, возникающие при совместной жизни многих индивидов. То есть народная душа есть связь психологических явлений, совокупное содержание душевных переживаний, общие представления, чувствования и стремления. Народная душа (этническая психология), по Вундту, не имеет неизменной субстанции (как у Х. Штейнталя и М. Лацаруса). Тем самым Вундт закладывает идею развития и не приемлет сведение социально-психологических процессов к некоторому бытию (субстанции), стоящему за ними. Психические процессы, по мнению Вундта, обуславливаются активностью души, что он называет апперцепцией или коллективной творческой деятельностью.» [4]. Поломошнов Л.А. выделяет следующие отличия между концепциями Х. Штейнталя и М. Лацаруса и В. Вундта: 1) Вундт, в отличие от Штейнталя и Лацаруса, не отождествляет индивидуальную душу с народным духом. Он считает, что взаимодействие индивидов порождает новые явления с собственными законами, не сводимыми к индивидуальному сознанию.

2) Вундт вводит дисциплинарное различие: психология народов изучает общие законы ее развития, а этнология – психические свойства отдельных народов. Он также сужает сферу проявления народного духа, ограничивая его языком, мифами и обычаями, которые образуют единое целое. Для Вундта народный дух – это не абстрактная сущность. В. Вундт считал, что обычаи являются важнейшим проявлением народного духа, передавая жизненные воззрения, заложенные в мифах. Поступок, воплощающий эти взгляды, закрепляет и развивает их, делая их общим достоянием.

3) В отличие от Штейнталя и Лацаруса, Вундт исключал искусство, науку и религию из предмета психологии народов, считая их нетипичными проявлениями народного духа. Из вышеперечисленных доводов, можно сделать следующий вывод: обычаи выступают ключевым элементом для изучения народного духа [5].

Возвращаясь к вопросу об этнопсихологии, нельзя не упомянуть что огромный вклад в её развитие привнес Г. Лебон. Внедрение в этнопсихологию идей Г. Лебона обусловлено двумя ключевыми тенденциями конца 19 - начала 20 веков. С одной стороны, это расцвет рабочего движения, а с другой - колониальные амбиции европейского буржуазного класса. Г. Лебон, в свою очередь, сформулировал собственную систему, которая, как отмечает Ю.П. Платонов, во многом переосмысливает и упрощает концепции предшественников. Лебон, применяя этнопсихологический подход, пришел к следующим умозаключениям: 1) Народная душа – есть не что иное, как решающий фактор, определяющий историческую судьбу народа. «Целью этнопсихологических исследований Лебон считал описание душевного строя исторических рас и определение зависимости от него истории народа, его цивилизации. Он утверждал, что история каждого народа зависит от его

душевного строя, преобразование души ведет к преобразованию учреждений, верований, искусства» [6].

2) Лебон, применяя концепцию народной души, создал иерархию народов и рас, расположив их от первобытных до высших. Естественно, высшие ступени занимали лишь европейские народы. Такая классификация вносит в этнопсихологию дегуманистические расистские нотки. Расистская направленность проявляется и в том, как Лебон объясняет различия между народными душами, отдавая предпочтение биологическому наследию.

В начале двадцатого века Г.Г. Шпет, российский мыслитель, выдвинул новаторскую идею психологии народов, решительно отвергнув взгляды ведущих этнопсихологов того времени, таких как Вундт, Штейнталь и Лацарус. Г. Шпет, в своем труде «Введение в этническую психологию», рассматривает этнопсихологию не с позиции науки, стремящейся пролить свет на глубинные особенности национального характера, а как дисциплину, занимающуюся описанием коллективных психических явлений, свойственных людям определенной этнической группы.

Согласно Поломошнову Л.А., Шпет предлагает свежий взгляд на народную душу, определяя ее как уникальную национальную ментальность, которая складывается благодаря общим духовным переживаниям людей. Эти переживания связаны с их взаимодействием с созданной ими собственной культурой, обществом и окружающим природным миром. Понятие коллективных переживаний Шпет «...не сводит только к эмоциям или только к когнициям. Скорее это то, что в науке наших дней называют ментальностью, когда понимают ее не просто как социальные представления, а как эмоционально окрашенную систему миропонимания присущую той или иной общности людей».

Рассматривая народную душу как некое надындивидуальное психическое образование, Шпет и здесь предлагает новый, оригинальный принцип. «Пытаясь соотнести личность с миром культуры, Шпет это общее понимает не как усредненное, не как совокупность сходств, а как «тип», являющийся «репрезентантом» той или иной исторической общности (тип китайца, тип мещанина)» [7].

Г.Г. Шпет предложил изучать не сами культурные продукты, а переживания людей по поводу этих продуктов, подчеркивая важность субъективного восприятия культуры: «может быть, нигде так ярко не сказывается психология народа, как в его отношениях к им же «созданным» духовным ценностям». Он говорит о том же, к чему пришла современная наука: о необходимости изучения в психологии субъективной культуры» [8]. Согласно Поломошнову Л.А., Шпет сформулировал новый подход к этнопсихологии, основанный на принципе этнической идентичности. Шпет утверждал, что человек не автоматически наследует национальный характер, а самоопределяет свою принадлежность к народу через самоидентификацию. Переход к другой культуре - это длительный и трудоемкий процесс перестройки духовного уклада [5].

Исходя из этого, можно утверждать, что этнопсихологическая парадигма характеризуется признанием народной души как надиндивидуального духовного образования, определяющего духовную специфику народа. Важно изучать не только объективные культурные явления, но и субъективное восприятие и переживание этих явлений каждым человеком, составляющим народ. Этнопсихология интерпретирует народную душу как исторически сложившуюся совокупность устойчивых психологических черт нации, определяющих ее поведение, образ жизни, отношение к труду, другим народам и культуре. Существуют различные взгляды на структуру народной души, ее связь с историей и культурой, а также на динамизм и устойчивость ее проявлений. Несмотря на разногласия, этнопсихология признает феноменологическое проявление народной души в духовной и материальной культуре общества, а также в психическом складе личности. Ключевым принципом является плюрализм народных душ, основанный на гуманистическом равенстве народов. Важно отметить, что этнопсихология сталкивается с проблемой соотношения динамизма и устойчивости народной души, которая до сих пор не имеет однозначного решения.

Литература

1. Гегель И.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. – М.: ИПЛ, 1977. – С.365.
2. Кёниг Э. В. Вундт: Его философия и психология / Пер. с нем. С. Штейнберга. СПб.: Ред. журнала «Образование», 1902.
3. Поломошнов, Л.А. Тема национального характера в истории западной научной мысли / Л. А. Поломошнов // Образование, культура и личность в современном российском обществе : Материалы всероссийской научно-практической конференции, пос. Персиановский, 09 февраля 2017 года. – пос. Персиановский: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Донской государственный аграрный университет", 2017. – С. 56-58.
4. Поломошнов, Л.А. Тема национальной самобытности народов в философии Гегеля / Л. А. Поломошнов // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2017. – № 1-2(23). – С. 32-37.
5. Поломошнов, Л. А. Национальная самобытность в парадигме этнопсихологии / Л. А. Поломошнов // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2017. – № 2-2(24). – С. 36-43.
6. Платонов, Ю.П. Психология национального характера / Ю.П. Платонов. – М., 2007. С.11-12
7. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология [Электронный ресурс] / Т.Г. Стефаненко. – М., 2004. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/index.php (дата обращения - 30.10.2025)]
8. Шпет, Г.Г. Введение в этническую психологию / Г.Г. Шпет. – СПб., 1996.

References

1. Gegel' I.V.F. Enciklopediya filosofskih nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. T. 3. – M.: IPL, 1977. – S.365.
2. Kyonig E. V. Vundt: Ego filosofiya i psihologiya [Wundt: His philosophy and psychology] / Per. s nem. S. Shtejnberga. SPb.: Red. zhurnala «Obrazovanie», 1902.
3. Polomoshnov, L.A. Tema nacional'nogo haraktera v istorii zapadnoj nauchnoj mysli [The theme of national character in the history of Western scientific thought] / L. A. Polomoshnov // Obrazovanie, kul'tura i lichnost' v sovremennom rossijskom obshchestve: Materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, pos. Persianovskij, 09 fevralya 2017 goda. – pos. Persianovskij: Donskoj gosudarstvennyj agrarnyj universitet", 2017. – S. 56-58.
4. Polomoshnov, L.A. Tema nacional'noj samobytnosti narodov v filosofii Gegelya [The theme of national identity of peoples in Hegel's philosophy] / L. A. Polomoshnov // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2017. – № 1-2(23). – S. 32-37.
5. Polomoshnov, L. A. Nacional'naya samobytnost' v paradigme etnopsihologii [National identity in the paradigm of ethnopsychology] / L. A. Polomoshnov // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2017. – № 2-2(24). – S. 36-43..].
6. Platonov, YU.P. Psihologiya nacional'nogo haraktera [Psychology of national character] / YU.P. Platonov. - M., 2007. S.11-12
7. Stefanenko, T.G. Etnopsihologiya [Ethnopsychology] [Elektronnyj resurs] / T.G. Stefanenko. – M., 2004. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/index.php (data obrashcheniya - 30.10.2025)]
8. Shpet, G.G. Vvedenie v etnicheskuyu psihologiyu [Introduction to ethnic psychology] / G.G. SHpet. – SPb., 1996

УДК 37.012

М. Н. Крылова

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В РАМКАХ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ БАКАЛАВРА

Крылова Мария Николаевна –кандидат филологических наук, доцент, Азово-Черноморский инженерный институт – филиал Донского государственного аграрного университета; e-mail: krylovamn@inbox.ru

В статье рассмотрены теоретические вопросы эксперимента по педагогике. Описан каждый из возможных этапов эксперимента: обязательные (диагностирующий, формирующий, контролирующий) и дополнительные (поисковый, обучающий). Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации подходов к педагогическому эксперименту и определении его места в выпускной квалификационной работе (ВКР) бакалавра. Выявлено, что для ВКР бакалавра педагогический эксперимент является слишком сложным и длительным видом исследования; исключение составляют ВКР, продолжающие курсовые работы и осуществляемые в течение нескольких производственных практик.

Оптимальной для ВКР является опытно-педагогическая работа как вид исследования с элементами эксперимента.

Ключевые слова: педагогика, эксперимент, выпускная квалификационная работа, опытно-педагогическая работа.

M. N. Krylova

PEDAGOGICAL EXPERIMENT AS PART OF A BACHELOR'S DEGREE FINAL THESIS

Krylova Maria Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Azov-Black Sea Engineering Institute – a branch of the Don State Agrarian University; e-mail: krylovamn@inbox.ru

This article examines the theoretical aspects of a pedagogical experiment. Each of the possible stages of the experiment is described: mandatory (diagnostic, formative, control) and additional (search, training). The theoretical significance of the study lies in systematizing approaches to pedagogical experimentation and defining its place in a bachelor's final thesis. It has been found that a pedagogical experiment is too complex and time-consuming a type of research for a bachelor's final thesis; the exceptions are final thesis projects that continue coursework and are conducted over several internships. Experimental pedagogical work, a type of research with experimental elements, is optimal for a final qualifying work.

Key words: pedagogy, experiment, final qualifying work, experimental pedagogical work.

Педагогический эксперимент определяется в научно-справочной литературе как «научно поставленный опыт в области учебной или воспитательной работы с целью поиска новых, более эффективных способов решения педагогической проблемы; исследовательская деятельность по изучению причинно-следственных связей в педагогических явлениях, которая предполагает опытное моделирование педагогического явления и условий его протекания; активное воздействие исследователя на педагогическое явление; измерение отклика, результатов педагогического воздействия и взаимодействия» [4, с. 168]. Есть и более лаконичные определения эксперимента, например: «Апробирование, испытание изучаемых явлений в контролируемых и управляемых условиях» [3, с. 81].

Основы педагогического эксперимента разработаны в трудах В.И. Загвязинского [2], Ю.З. Кушнера [5], А.Н. Майорова [6], А.М. Новикова [7], А.С. Сиденко [8], сборнике «Эксперимент в школе» под редакцией М.М. Поташника [12] и других исследованиях. В современной педагогической науке продолжают рассматриваться отдельные вопросы организации эксперимента [1; 9; 10; 11]. Педагогический эксперимент может стать одной из целей выпускной квалификационной работы (ВКР) по педагогике, например, для бакалавров направления 44.03.04 «Профессиональное обучение (по отраслям)», что делает рассмотрение теории экспериментальных исследований актуальным. Целью данной статьи стал анализ теории экспериментального исследования по педагогике, выявление возможности его проведения в рамках экспериментального исследования в ВКР бакалавра по педагогике.

Экспериментальное исследование основано на постановке гипотезы, формировании программы её проверки и анализе результатов: выявлении, удалось или нет подтвердить гипотезу. При этом и положительный (удалось), и отрицательный (не удалось) результаты считаются удовлетворительными. С помощью эксперимента осуществляется верификация (проверка) предположения, которое сформулировано в ходе теоретического анализа. При написании студентом ВКР исследовательская деятельность, в том числе эксперимент, имеют большую методологическую значимость. С их помощью происходит демонстрация исследовательских компетенций выпускника, практическая проверка теоретических положений, формирование у будущих педагогов навыков научного анализа. Педагогический эксперимент является сложным процессом, каждый из компонентов которого должен быть тщательно выверен. Его основой становится новшество [11, с. 58], которое, по предположению экспериментатора, должно значительно изменить процесс.

Основные функции эксперимента – диагностическая (определение исходного уровня развития объекта исследования, исследовательская (проверка выдвинутой гипотезы), прогностическая (оценка перспектив применения новых методик), коррекционная (выявление недостатков и путей их устранения), в связи с чем педагогический эксперимент проводится в **несколько этапов**, каждый из которых важен для его организации и осуществления. Основными этапами являются констатирующий, формирующий и контролирующий, дополнительными – поисковый и обучающий.

Констатирующий этап эксперимента – это «определение исходных данных для дальнейшего исследования» [3, с. 81]. Это начальный этап эксперимента. От полученных в его ходе данных следует оттолкнуться при организации дальнейших этапов экспериментальной работы. На этом этапе начинается работа с выборкой – участниками эксперимента. Обязательно формирование экспериментальной и контрольной групп, в первой из которых эксперимент проводится, а во второй – нет, с целью сопоставления в дальнейшем полученных в них результатов.

Поисковый эксперимент – это пилотажное педагогическое исследование («зондаж», претест), которое «помогает определить главное направление, принципы организации и методов основного исследования, уточняет наиболее важные гипотезы» [4, с. 112-113]. Этот этап иногда проводится перед основным (формирующим) с целью определения адекватности проверяемой модели реальным условиям её применения. В нём может участвовать 3-5 испытуемых; полной проверки результатов не производится, а главное – определить, в правильном ли направлении ведётся исследование, жизнеспособна ли проверяемая методика. По итогам поискового эксперимента возможна корректировка структуры и содержания планируемой работы.

Основным этапом является **формирующий** (преобразующий) **эксперимент**, «прослеживающий влияния вносимых изменений в изучаемом педагогическом процессе», который «позволяет не только регистрировать выявляемые факты, но и через создание специальных ситуаций раскрывать закономерности, механизмы, динамику, тенденции развития, становления

личности, определять возможность оптимизации этого процесса» [4, с. 168]. Это практический этап, на котором теоретические положения должны найти или не найти практическое подтверждение.

Е.Ю. Токарчук выделяет несколько стадий формирующего этапа эксперимента: разработку модели обучения, выявление педагогических условий её применения, выбор критериев и показателей результативности работы [10, с. 155–156]. Отметим, что данные стадии являются элементами подготовительной работы и проводятся до начала этапа формирующего эксперимента, поэтому полностью данный этап представлять не могут.

В ходе формирующего эксперимента экспериментальная гипотеза заключается в обосновании того, что изменения зависимой переменной обусловлены влиянием на нее независимой переменной.

Завершающим этапом эксперимента является **контролирующий (контрольный)**, с помощью которого в конце исследования проверяется степень эффективности проведённой в ходе формирующего эксперимента работы.

Ещё один вид эксперимента, **обучающий**, проводится, когда проверенная в ходе предыдущих этапов модель начинает внедряться в широкую, массовую практику. О надёжности эксперимента, то есть устойчивости его результатов, можно будет говорить после многократного применения разработанной методики на практике. Для того, чтобы внедрение модели состоялось, «исследователь должен составить план эксперимента таким образом, чтобы всякий другой достаточно подготовленный человек мог бы по нему успешно провести эксперимент» [7, с. 58].

Преимуществами эксперимента являются объективность результатов благодаря измеримым показателям, достоверность выводов на основе сравнительного анализа, практическая применимость полученных результатов, системность исследования через последовательность этапов.

Среди критериев эффективности эксперимента можно указать правильность формулировки проблемы и гипотезы, четкость определения критериального аппарата, последовательность методики проведения, соблюдение условий экспериментальной работы, корректность обработки и интерпретации результатов.

Проведение эксперимента требует достаточно длительного времени, предполагает наблюдения за обучающимися экспериментальной и контрольной групп в течение времени не менее года. Это основное препятствие, по которому эксперимент в ВКР бакалавра направления 44.03.04 «Профессиональное обучение (по отраслям)» может быть проведён только в исключительных случаях. В настоящий момент на выполнение ВКР согласно учебным планам отводится две недели. Естественно, студенты работают дольше, но провести эксперимент всё равно могут успеть только в том случае, если начали его гораздо ранее: при выполнении курсовых работ и прохождении различных производственных практик. Хорошим выходом из данной ситуации становится опытно-педагогическая работа, результаты которой описываются в практической главе ВКР.

Опытно-педагогическая работа – метод внесения преднамеренных изменений в образовательный процесс с целью получения более высоких результатов. Её отличают от эксперимента:

1. Уровень контроля: эксперимент предполагает строгий контроль всех условий и факторов, опытная работа – более свободный контроль, менее строгие условия.

2. Цель исследования: эксперимент нацелен на выявление причинно-следственных связей, опытная работа – на проверку эффективности нововведений.

3. Методология: эксперимент включает изменение только одного фактора при неизменности остальных, опытная работа – комплексное внедрение инноваций без строгой изоляции факторов.

4. Аналитические возможности: эксперимент позволяет определить влияние каждого фактора в отдельности, опытная работа дает только общую оценку эффективности нововведений.

Педагогический эксперимент характеризуется точным планированием всех этапов, контролируемостью условий, возможностью воспроизвести результаты, измеримостью показателей. В то же время опытно-педагогическая работа отличается практической направленностью, комплексным внедрением новшеств, отсутствием строгой изоляции факторов, оценкой общей эффективности применённых методик.

Опытная работа применяется в педагогике для проверки новых программ и методик, внедрения образовательных инноваций, оценки их практической эффективности, что полностью соотносится с целями ВКР бакалавра.

Итак, педагогический эксперимент, в том числе в рамках ВКР, – это научно поставленное исследование преобразования педагогического процесса в точно рассчитанных условиях. Он позволяет проверить эффективность новых методов, приемов и технологий обучения. Основными этапами эксперимента являются констатирующий (определение начального уровня подготовки обучающихся), формирующий (внедрение новых методов в учебный и/или воспитательный процесс), контрольный (оценка результатов работы).

Педагогический эксперимент в ВКР подтверждает профессиональную компетентность выпускника, демонстрирует его способность к научному исследованию, способствует развитию исследовательских навыков, позволяет получить значимые практические результаты, является важным элементом профессиональной подготовки будущего педагога. Однако в связи с сокращением в настоящий момент учебного времени на выполнение ВКР бакалавра проведение эксперимента в рамках ВКР обычно является затруднительным. У бакалавра нет времени на организацию всех этапов экспериментального исследования; исключения составляют темы, осваиваемые последовательно в рамках курсовых работ и ВКР, внедряемые в ходе различных производственных практик, в течение длительного времени (более года). Сказанное определяет то, что в рамках ВКР более целесообразно проводить опытно-педагогическую работу, включающую в себя элементы эксперимента.

Главное отличие эксперимента и опытно-педагогической работы заключается в том, что педагогический эксперимент – это строго научный метод исследования с контролируемыми условиями, а опытно-педагогическая работа – практическая деятельность по внедрению и проверке новых подходов в образовании. При этом опытная работа занимает промежуточное положение между изучением передового опыта и экспериментом, конечно, имея отдельные черты экспериментальной деятельности.

Литература

1. Глебов А.А. О репрезентативной выборке для педагогического эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3 (176). – С. 12-16.
2. Загвязинский В.И. Методология и методика дидактического исследования. – М.: Педагогика, 1981. – 160 с.
3. Исследовательская деятельность: словарь / Авт.-сост. Е.А. Шашенкова. – М.: Перспектива, 2010. – 88 с.
4. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 176 с.
5. Кушнер Ю.З. Методология и методы педагогического исследования: учебно-методическое пособие. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. – 112 с.
6. Майоров А.Н. Тесты школьных достижений: конструирование и проведение. – СПб.: Образование и культура, 1997. – 304 с.
7. Новиков А.М. Научно-экспериментальная работа в образовательном учреждении: Деловые советы. – М.: Проф. образование, 1998. – 134 с.
8. Сиденко А.С. Нужен ли эксперимент практику? // Школьные технологии. – 1997. – № 1. – С. 71-79.
9. Тархан Л.З. Формирующий этап педагогического эксперимента: особенности, интерпретация и обобщение результатов // Педагогический эксперимент: подходы и проблемы. – 2021. – № 7. – С. 7-16.
10. Токарчук Е.Ю. Формирование проектно-конструкторской культуры будущих мастеров производственного обучения: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Симферополь, 2020. – 225 с.
11. Шапкин В.В. Научный педагогический эксперимент: сущность, структура, этапы // Инновации в образовании. – 2017. – № 8. – С. 55-64.
12. Эксперимент в школе: организация и управление: рекомендации для руководителей школ и учителей / Под ред. М.М. Поташника. – М.: МГПУ, 1991. – 215 с.

References

1. Glebov A.A. O reprezentativnoj vyborke dlya pedagogicheskogo eksperimenta [On a Representative Sample for a Pedagogical Experiment] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2023. – № 3 (176). – S. 12-16.

2. Zagvyazinskij V.I. Metodologiya i metodika didakticheskogo issledovaniya [Methodology and Methods of Didactic Research]. – M.: Pedagogika, 1981. – 160 s.
3. Issledovatel'skaya deyatel'nost': slovar' [Research Activity: Dictionary] / Avt.-sost. E.A. SHashenkova. – M.: Perspektiva, 2010. – 88 s.
4. Kodzhaspirova G.M., Kodzhaspirov A.YU. Pedagogicheskij slovar' [Pedagogical Dictionary]: dlya stud. vyssh. isred. ped. ucheb. zavedenij. – M.: Akademiya, 2001. – 176 s.
5. Kushner YU.Z. Metodologiya i metody pedagogicheskogo issledovaniya: uchebno-metodicheskoe posobie [Methodology and Methods of Pedagogical Research: A Textbook]. – Mogilev: MGU im. A.A. Kuleshova, 2001. – 112 s.
6. Majorov A.N. Testy shkol'nyh dostizhenij: konstruirovaniye i provedeniye [School Achievement Tests: Design and Administration]. – SPb.: Obrazovanie i kul'tura, 1997. – 304 s.
7. Novikov A.M. Nauchno-eksperimental'naya rabota v obrazovatel'nom uchrezhdenii: Delovyeyesovety [Scientific and Experimental Work in an Educational Institution: Business Advice]. – M.: Prof. obrazovanie, 1998. – 134 s.
8. Sidenko A.S. Nuzhen li eksperiment praktiku? [Does a Practitioner Need an Experiment?] // Shkol'nye tekhnologii. – 1997. – № 1. – S. 71-79.
9. Tarhan L.Z. Formiruyushchij etap pedagogicheskogo eksperimenta: osobennosti, interpretaciya i obobshcheniye rezul'tatov [The Formative Stage of the Pedagogical Experiment: Features, Interpretation, and Generalization of Results] // Pedagogicheskij eksperiment: podhody i problemy. – 2021. – № 7. – S. 7-16.
10. Tokarchuk E.YU. Formirovaniye proektno-konstruktorskoj kul'tury budushchih masterov proizvodstvennogo obucheniya [Formation of a Project-Based Design Culture of Future Industrial Training Masters]: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08. – Simferopol', 2020. – 225 s.
11. Shapkin V.V. Nauchnyj pedagogicheskij eksperiment: sushchnost', struktura, etapy [Scientific Pedagogical Experiment: Essence, Structure, Stages] // Innovacii v obrazovanii. – 2017. – № 8. – S. 55-64.
12. Eksperiment v shkole: organizaciya i upravleniye: rekomendacii dlya rukovoditelej shkol i uchitelej [Experiment at School: Organization and Management] / Pod red. M.M. Potashnika. – M.: MGPU, 1991. – 215 s.

УДК 373; 378

А.Ф. Поломошнов

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ: ИТОГИ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Поломошнов Андрей Федорович - д.ф.н., профессор кафедры иностранного языка и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного аграрного университета.

В статье анализируется Болонский процесс как форма вестернизации российского образования и науки, рассматриваются его оценки и реальные результаты. Определяются направления и задачи по преодолению вестернизации российского образования и науки.

Отмечается необходимость активного привлечения российской педагогической общественности к определению курса восстановления национальной идентичности российского образования и науки.

Ключевые слова: вестернизация, болонские реформы, российское образование, российская наука, реформа образования, национальная идентичность, патриотический поворот в образовании.

A.F. Polomoshnov

WESTERNIZATION OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION AND SCIENCE: RESULTS AND WAYS TO OVERCOME

Polomoshnov Andrey Fedorovich- Doctor of Philosophy and Professor in the Department of Foreign Languages and Social Sciences and Humanities at the Don State Agrarian University.

This article analyzes the Bologna Process as a form of Westernization of Russian education and science, examining its assessments and actual results. It identifies areas and tasks for overcoming the Westernization of Russian education and science. It also notes the need to actively engage the Russian teaching community in determining the course of restoring the national identity of Russian education and science.

Keywords: Westernization, Bologna reforms, Russian education, Russian science, education reform, national identity, patriotic turn in education.

Современное российское образование, по общему признанию специалистов и российской педагогической общественности, является проблематичным и далеким от актуальных общественных требований и стандартов. Одной из важнейших причин этого состояния и одновременно одним из главных проявлений этого неудовлетворительного состояния является неудачная вестернизация его в контексте Болонской реформы. Вначале уточним термин «вестернизация». Вестернизация - это опасная болезнь русской культуры, суть которой состоит в попытках замещения российских цивилизационных культурных, социальных и духовных основ чуждыми, инокультурными, западными, или вообще космополитическими суррогатами. Эту болезнь открыл и описал еще в середине XIX века Н.Я. Данилевский, дав ей наименование «европейничанье». Мыслитель-патриот выделял три формы европейничанья: «1. Искажение народного быта и замена форм его формами чуждыми, иностранными; искажение и замены, которые, начавшись с внешности, не могли не проникнуть в самый внутренний строй понятий и жизни высших слоев общества - и не проникать все глубже и глубже.

2. Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву - с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо.

3. Взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, рассматривание их в европейские очки, так сказать в стекла, поляризованные под европейским углом наклона, причем нередко то, что должно бы нам казаться окруженным

лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и темнотою, и наоборот.»[1, С.298]

Данилевский описал главный симптом болезни европейничанья, которой была заражена значительная часть российской политической и интеллектуальной элиты того времени. «Болезнь эта тем более ужасна, что придаёт вид дряхлости молодому облику полного жизни русского общественного тела.» [1, С.293] Наконец, он предупреждал российское общество о смертельной опасности этой болезни для молодой, растущей российской цивилизации. «Болезнь эта в целом препятствует осуществлению великих судеб русского народа и может, наконец (несмотря на все видимое государственное могущество), иссушив самобытный родник народного духа, лишить историческую жизнь русского народа внутренней зиждательной силы, а следовательно, сделать бесполезным, излишним самое его существование, - ибо все лишенное внутреннего содержания составляет лишь исторический хлам, который собирается и в огонь вметается в день исторического суда.» [1, С.330]

Данилевский Н.Я. утверждал тезис о невозможности эффективной пересадки на русскую почву социокультурных институтов Запада. «Опыт достаточно показал, что они [европейские институты и новшества А.Ф.] у нас не принимаются, засыхают на корню и беспрестанно требуют нового подвоза: и, напротив того, тот же опыт достаточно красноречиво говорит, что те изменения в нашей общественной и государственной жизни, которые вытекают из внутренних потребностей народных, принимаются необыкновенно успешно и скоро так разрастаются, что заглушают чахлые пересадки.» [1, С.308-309]

К сожалению, предупреждения Н.Я. Данилевского не были услышаны современными российскими реформаторами. Поэтому сегодня мы имеем острый рецидив этой болезни, проникшей практически во все сферы российского общества. Остановимся на ее проявлении в российском образовании и науке.

В области образования и науки болезнь вестернизации проявилась как печально всем известный Болонский процесс, провал которого сегодня общепризнан. Однако, в начале болонских реформ, их инициаторы и проводники были полны оптимистичных надежд. Вот, например, длинный перечень преимуществ болонской перестройки российского образования, представленный бывшим министром образования РФ Филипповым В.М.: «- Российское образование стало более адекватным реальным вызовам глобализации, вместе с остальными европейскими странами Россия полноправно участвует в создании транснациональной общеевропейской системы образования – единого пространства высшего образования.

- БП [Болонский процесс. А.Ф.] позволил оценить состояние высшего образования в России по «гамбургскому счету». Действительно, если в России реально функционирует достаточно эффективная и конкурентоспособная система высшего образования, то она смогла бы подтвердить этот статус и авторитет России. Система станет более открытой благодаря реализации программ академической мобильности студентов и преподавателей, как зарубежных, так и отечественных.

- В связи с ожидаемым ростом конкурентоспособности европейского высшего образования, может вырасти и конкурентоспособность российской высшей школы.

- Ожидаются образовательные выгоды от введения многоуровневой системы образования. Аналогичные европейским, российские образовательные степени бакалавр – магистр – кандидат наук станут понятными не только в Европе, но и во всем мире. Первый уровень такой системы будет удовлетворять массовый социальный спрос на высшее образование, а второй и третий – способствовать формированию профессиональной элиты и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Высшее образование в России станет более гибким, поскольку многоуровневая система более демократична.

- Многоуровневая система высшего образования более всего отвечает потребностям рыночной экономики, в которой рынок труда предъявляет особые требования к гибкости рабочей силы.

- Многоуровневая система высшего образования отвечает потребностям управления информационными потоками в обучении.

- Многоуровневая система высшего образования отвечает потребностям расширения возможностей студентов в самостоятельном и ответственном выборе своего жизненного пути.

- В России будет расти престижность высшего образования, в частности, под влиянием возможности найти высокооплачиваемую работу в Европе по специальности – у молодежи появится дополнительный стимул для обучения в вузе.

- Возможное улучшение состояния российской науки – через усиление научно-исследовательского потенциала вузов, через их плановое участие в совместных с европейскими университетами программах исследований.

- БП должен привести к увеличению масштабов и подъему качества владения российскими преподавателями и студентами иностранными языками.

- Пропаганда российской культуры также является несомненной выгодой от БП.

- БП также способствует гибким, конкурентоспособным, эффективным, экономическим отношениям. В контексте вступления России в ВТО в стране появится заметное количество европейски образованных экономистов и бизнес-менеджеров.» [10]

На самом деле ложные послышки лежали в основе замысла перестройки образования по западным образцам. Почему-то решили, что эти образцы лучшие и превосходят российскую систему, хотя на самом деле это не так. Во-вторых, считалось возможным перенести западные модели на российскую почву. Но это принципиально невозможно, тем более, что в России нет западной социально-экономической системы, составляющей цивилизационную основу для этих моделей. Перекраивать отечественное образование по сомнительного качества западным образцам – это все равно, что пересаживать эндемичное растение в неподходящую почву или вообще без почвы. Такое агрономическое «новаторство» обречено на провал.

Вторым принципиальным недостатком европейничанья наших реформаторов образования стала догоняющая модель модернизации образования. Догоняя, мы заранее помещаем себя в логический тупик парадокса Ахиллеса и черепахи. Сазонов Б.В. очень точно разоблачает порочность «догоняющей модели» модернизации российского образования: «Подлинная модернизация состоит не в том, чтобы догнать и воспроизвести определенный (сегодняшний) уровень организации образования в этих странах, а в том, чтобы освоить инновационные механизмы развития производства и общества в целом, включая систему образования.... Инновационная идеология и практика требуют также, чтобы это развитие было опережающим по отношению к другим, конкурирующим системам образования. Из этого следует, что каждая наличная ситуация должна быть признана в качестве неудовлетворительной по отношению к проектируемой будущей ситуации.» [8]

Мы полностью согласны с замечанием Сазонова о том, что сам термин «модернизация» образования, выбранный болонскими реформаторами для обозначения общего курса реформы образования является сомнительным: «Термин «модернизация» является не самым удачным, поскольку он акцентирует именно составляющую «догнать!», тогда как ставится, по сути дела, задача быть впереди в области образования и, тем самым, в тех областях, которые оно призвано обслуживать.» [8]

На самом деле речь надо вести не о том, чтобы догнать или тупо копировать чужое, а в том, чтобы создать свое, конкурентоспособное, опережающее чужое, какой была в свое время советская система образования.

В-третьих, втянувшись в спровоцированный Европой болонский процесс, мы не просто смотрели в рот Европе, но и хотели туда влезть, игнорируя свои цивилизационные интересы и самобытность. Но нас там не ждут и туда не пустят, и никогда Россия не станет Европой. Это две разных цивилизации. И какая лучше, еще большой вопрос. Цель провокации с болонским процессом со стороны европейцев состояла вовсе не в интеграции российского образования в мировую и европейскую систему образования, а в разрушении эффективной российской самобытной системы образования как конкурента на рынке образовательных услуг.

Чем дальше и «эффективнее» шел болонский процесс в российском образовании, тем очевидней для специалистов, педагогической общественности и даже чиновников от образования становилась его деструктивная сущность. Рассмотрим для примера некоторые оценки результатов болонских реформ. В. Сухомлин пишет: «Все больше и больше людей воспринимают реформу, а по существу погром, национальной системы образования, предпринятой колонной фурсенковских менеджеров, как хорошо спланированную супероперацию, направленную на подрыв позиции страны в критически важном для ее будущего направлении, а все, творимое этими чиновниками, как исполнение некоторого заказа от тех, кто заинтересован в ослаблении страны, ее человеческого потенциала, использовании ее к качестве сырьевого придатка.» [9] Капогузов Е.А. берет более широкий временной масштаб - 30 лет реформ российского образования и приходит к следующей оценке их результатов: «Тридцатилетие

неолиберальных реформ в сфере образования, несмотря на фундаментальную трансформацию основных институтов, не привело к достижению существенных общественно значимых результатов. Отсутствие внятной идеологии, множественность целей и фрагментированность задач не способствовали формированию широкой общественной коалиции в поддержку реформ, поскольку зачастую декларативные цели оборачивались практикой реализации, не учитывающей интересы адресатов реформ.» [2, С.149]

В коллективном исследовании под редакцией Поломошнова А.Ф. дана следующая системная оценка «плодотворных итогов» Болонских реформ российского образования: «Болонская ломка не привела к реализации ни одного из плюсов, обозначенных реформаторами, и служивших собственно ее обоснованием. Т.е. ее предельные цели не достигнуты. Вместо этого национальная система образования, искореженная по болонским лекалам, оказалась в глубоком и системном кризисе, что скрепя зубы, частично признают даже чиновники Минобра и представители власти. Ссылки болонских реформаторов на западный опыт оказались некорректными, т.к. на самом Западе, инициировавшем Болонский процесс, довольно скоро многие страны отказались от многих сомнительных болонских новаций. Вообще слепое копирование западного худшего опыта и уничтожение всех плюсов отечественной системы образования и вообще ее самобытности со стороны российских болонизаторов можно оценить как, в лучшем случае глупость, а в худшем, как сознательное вредительство.

Среди негативных процессов и тенденций, актуализированных и интенсивно развивавшихся в период болонской ломки, можно указать: 1.образовательную дискриминацию под видом диверсификации образования, 2.социальную поляризацию и сегрегацию образования, 3. падение качества педагогических кадров, 4.деградацию материально-технической базы образования, 5.сверхэксплуатацию педагогического труда, 6.падение качества образования, 7.элитаризацию образования, 8.коммерциализацию образования, 9.социальную дезинтеграцию образования.» [7, С.165]

Итак, сегодня, наконец всеми признано, что сутью Болонского процесса в России стала деструктивная попытка перестройки российского образования по западным стандартам, соединенная с не менее деструктивной рыночной трансформацией российского образования. Результатами Болонского процесса стало всеми признанное радикальное падение качества и доступности образования, общий кризис национальной системы образования. В итоге на сегодня руководителями российского образования декларирован отказ от него.

Современное радикальное изменение курса реформ российского образования можно определить как патриотический поворот в образовании и науке. Патриотический поворот - это переход от провальной вестернизации к воссозданию аутентичной самобытной российской системы образования, опираясь на интересы российской цивилизации и традиции российского образования.

Началом этого поворота стал Указ Президента РФ Путина В.В. от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего

образования». Этим Указом был определен пилотный проект по реформированию системы высшего образования в России, направленный на отказ от болонской системы. Прежде всего, были пересмотрены уровни высшего образования: «пилотный проект предусматривает: а) установление следующих уровней высшего образования: базовое высшее образование; специализированное высшее образование; б) установление уровня профессионального образования - аспирантура; в) реализацию на уровне специализированного высшего образования программ магистратуры, программ ординатуры и программ ассистентуры-стажировки; г) срок освоения программ базового высшего образования от четырех до шести лет, программ магистратуры специализированного высшего образования от одного года до трех лет в зависимости от направления подготовки, специальности и (или) профиля подготовки либо от конкретной квалификации, отрасли экономики или социальной сферы; д) обучение лиц, имеющих высшее образование - специалитет, по программам магистратуры специализированного высшего образования. Такое обучение не является для указанных лиц получением второго или последующего высшего образования.» [5] С 2023 года этот пилотный проект реализуется в шести вузах страны: 1.Московский авиационный институт (МАИ), 2.Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», 3.Московский педагогический государственный университет (МПГУ), 4.Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 5.Санкт-Петербургский горный университет, 6.Томский государственный университет.

С 2027 года запланирован переход на новую систему образования всех вузов страны. Практическую организацию этого перехода поручили Министерству науки и высшего образования. В связи с этим Николаева Д. отмечает перспективы перехода: «Больше практики и специализации: Выпускники станут более конкурентоспособными на рынке труда. Гибкость для студентов: Можно выбрать: остановиться после базового образования или продолжить обучение для получения узкой специализации или научной степени. Развитие региональных вузов: Расширение пилотного проекта позволит внедрить лучшие практики по всей стране. Реформа высшего образования — это шанс для России сделать университеты современными и востребованными, а для студентов — получить реальную профессию уже на старте карьеры.» [4]

В связи с новым курсом реформ российского высшего образования, возникает ключевой вопрос о путях и содержании этих реформ. Теоретически возможны два способа проведения реформ: 1.административный и 2.демократический. Командно-административная модель реформ основана на доминирующей роли чиновников от образования в реформе образования. При этой модели педагогические работники, ученые и широкая педагогическая общественность практически отстранены от обсуждения курса реформ и от принятия реформаторских решений. Им отводится роль статистов-исполнителей принятых в кулуарах высших органов власти и Минобра решений, которые нередко не только не учитывают интересов педагогических работников и педагогической общественности, а нарушают эти интересы. Командно-административная модель не предполагает обратной связи между

реформаторами и реформируемой системой, а также каких-либо форм общественного контроля за чиновниками-реформаторами или ответственности реформаторов перед педагогическими работниками и педагогической общественностью.

Общественно-демократическая модель предполагает ведущую роль в принятии реформаторских решений самих педагогических работников и педагогической общественности страны. Эта модель предполагает реальную, всероссийскую научную и общественную экспертизу проектов реформ, реальное общественное обсуждение альтернативных проектов реформ и их коррекцию и принятие реформаторских решений на всероссийских съездах педагогических работников и педагогической общественности. Роль активных субъектов здесь принадлежит педагогическим работникам, а чиновники от образования, во-первых, подлежат реальной ответственности перед представительными общественными органами, во-вторых, являются лишь исполнителями общественной воли. «Гуманистически-демократическая модель модернизации образования должна исходить из признания активными субъектами реформ рядовой педагогической общественности. Реально это означает широкую общественную дискуссию по определению политики модернизации, общественную экспертизу альтернативных проектов и обязательно вынесение финальной модели модернизации на утверждение путем референдума сначала на съезде представителей педагогической общественности, а затем на всероссийском референдуме. Современная практика кулуарных, административных приказов и решений, спускаемых сверху вниз в принудительном и безальтернативном порядке должна быть отброшена и забыта.» [3, С.44]

По какой же модели действуют современные реформаторы? К сожалению, пока что не просматриваются элементы демократизации реформ образования. Министерство науки и высшего образования сообщило о разработке концепции реформы, об установлении ее сроков, о подготовленных изменениях в законодательную базу образования, но сама концепция реформ, ее содержание пока не обнародованы. По всем признакам также не планируется общественное обсуждение концепции реформ. Решение чиновниками от образования уже принято и педагогической общественности остается его принять и исполнять. Эффективность очередного административного поворота реформ российского образования, на наш взгляд, является крайне дискуссионной. Непонятно, почему педагогическая общественность не привлечена к обсуждению содержательной концепции реформ, как это было сделано в свое время при обсуждении проекта закона об образовании в 2011-2012 гг.?

В таких условиях, мы можем попытаться обсудить некоторые предложения по содержанию патристического поворота в российском образовании. Капогузов Е.А. предлагает пять содержательных направлений необходимых реформ в российском высшем образовании: 1.отказ от избыточной формализации педагогического процесса и акцента не на содержании педагогического процесса, а на измерениях его эффективности с помощью формальных процедур, основанных на компетентностном подходе, 2.введение

дифференцированного подхода к квалификационным требованиям к профессорско-преподавательскому составу, 3.изменение системы финансирования и распределения контрольных цифр приема вузов в направлении создания равных условий для всех и отказа от разделения вузов на элитарные и второсортные, 4.пересмотр системы мониторинга вузов, устранение из критериев мониторинга заведомо невыполнимых показателей, 5.повышение уровня оплаты профессорско-преподавательского состава до уровня среднего регионального дохода. [2, С.150]

Конечно, эти предложения далеко не полны и сами по себе дискуссионны. Можно высказать дополнительные предложения по патриотическому повороту в российском высшем образовании и науке. Этот поворот можно разделить на две группы задач. Вначале остановимся на актуальных задачах в области образования, и в особенности гуманитарного образования.

Одной из ключевых задач является полное искоренение всех элементов Болонской системы и перестройка российской системы образования на национальных началах. Необходимо возрождение национальной самобытной независимой, гуманистической, высоко эффективной российской системы образования, адекватной российской цивилизационной идентичности и коренным интересам российской цивилизации. Такое возрождение возможно лишь на основе конструктивного диалога российской педагогической общественности и власти. Идеологической основой такого возрождения является создание патриотической российской философией современной российской национальной идеологии, «русской идеи», а также создание российской научной и педагогической общественностью целостной и всесторонней научной концепции возрождения, восстановления российского образования.

Вторая актуальная задача, на наш взгляд, разделяемый большинством педагогической общественности, является отмена ЕГЭ, возвращение к традиционной российской системе итогового контроля знаний и отбора абитуриентов. К сожалению в российской педагогической общественности сложилось разделение на апологетов и противников ЕГЭ. Аргументация противников ЕГЭ для меня гораздо убедительней аргументации апологетов. Наша позиция по вопросу ЕГЭ такова: или мы уничтожим ЕГЭ, или ЕГЭ уничтожит нас.

Крайне важна также третья задача - актуализация воспитательной гражданско-патриотической функции философии и других гуманитарных наук.«Гражданско-патриотическая функция состоит не только в формировании и защите национальных ценностей и мировоззренческих ориентиров в сознании учащихся, но и в противостоянии враждебным, деструктивным ценностям и идеологиям. В современной ситуации крайне важно актуализировать эффективное последовательное и решительное противостояние деструктивным идеологиям рыночного либерализма, глобализма, современного национализма и фашизма.» [6, С.27]

Четвертая задача - актуализация мировоззренческой функции философии и всего комплекса социально-гуманитарных наук. Эта функция, на мой взгляд, состоит в разработке современной, эффективной, гуманистической «русской

идеи». При разработке современной русской идеи, как духовной основы современного российского общества речь идет не о том, чтобы искусственно подчинить гуманитарное образование ложным политизированным идеологическим догмам, а о том, чтобы современная российская гуманитарная наука и образование научились адекватно выражать и эффективно защищать российские цивилизационные интересы и ценности, формировать современную гуманистическую российскую цивилизационную национальную социокультурную идентичность, давать философское обоснование эффективной и актуальной ориентации России в мировом социокультурном пространстве, обосновывать современные социальные идеалы и конкретные программы трансформации российского общества с целью качественного повышения его цивилизационной жизнеспособности, формировать патриотическое сознание российского народа, искать и находить эффективные решения современных глобальных вызовов самому существованию России как самостоятельного, независимого государства, как самобытной цивилизации.» [6, С.26]

Пятая задача, на наш взгляд, состоит в том, чтобы пересмотреть содержание курса гуманитарных дисциплин. Дело в том, что с точки зрения содержания высшего образования вестернизация проявляется в позорном самопринижении перед западной наукой и убогом эпигонстве. Например, многими отечественными философами, к сожалению, до конца не преодолено неоправданное ничем преклонение перед западной философией и принижение отечественной философии, связанное с некритическим перенятием «модных» западных философских течений как якобы «последнего слова» философской мысли. То же можно сказать и о других социально-гуманитарных науках. При этом вестернизация составляет идейную основу достаточно мощного антипатриотического лагеря современного российского философского сообщества, пытающегося определять научную политику в области гуманитарных наук. [6, С.27] Для преодоления вестернизации содержания образования и науки в преподавании гуманитарных дисциплин нужно делать акцент на российскую культуру, российскую мысль, российскую реальность, российскую историю. Необходимо введение единых общероссийских учебных программ и соответствующих учебно-методических пакетов с национально ориентированным содержанием (в особенности по гуманитарным дисциплинам). Применительно к философии отдать приоритет в содержании курса не современной западной философии, а российской философии. На Западе они изучают свою философию, а не российскую. А мы почему смотрим в рот западной философии, отражающей инокультурную реальность? Странно, что наша учащаяся молодежь штудирует и поклоняется СЗФ - отражению упадка западной культуры, но не знает и не интересуется российской философией - зеркалом российского общества и российской культуры, основой российского менталитета. Мы кого готовим в системе образования? Западников или патриотов? Какую ментальную идентичность мы формируем у молодежи?

В этом контексте следует ввести такую обязательную дисциплину как история российской культуры и интегральную дисциплину - руссиеведение. Как без этих дисциплин мы можем формировать и сохранять традиционные

ценности? Кстати, над решением этой пятой задачи активно работает ВПШ и нужно нам всячески поддерживать ее в этой работе. Нужно ввести в вузах на всех специальностях обязательным предметом логику как основу систематического научного мышления.

Безусловно необходимы серьезные коррективы в законодательные и подзаконные акты, определяющие современную российскую педагогическую парадигму и всю организацию отечественной системы образования. Эти коррективы должны отражать возрождение национального содержания и национальных традиций образования, поворот национального образования к фундаментальным национальным ценностям и интересам российского общества и российского народа. Необходимо на порядок, как минимум, поднять материальный достаток, повысить, а лучше сказать, поднять со дна, моральный и социальный престиж педагогов всех уровней и форм образования. Нельзя экономить на этом. Нищий и униженный педагог не может эффективно ни учить, ни воспитывать. Необходимо избавить педагогов от бессмысленной, формальной работы и от административного произвола. Необходимо отказаться от наметившегося пути замены традиционного образования цифровым. Это путь в пропасть. Цифровизация образования элиминирует из педагогического процесса его душу и ядро - живое педагогическое общение, и, тем самым, разрушает главное - единство образования и воспитания. Неумеренная, глобальная цифровизация уничтожит образование как таковое. Она допустима лишь как подчиненный, ограниченный компонент традиционного образования.

Теперь остановимся на задачах в области научной политики. Важной задачей является формирование и расширение сети патриотических научно-образовательных центров, учреждений высшего и среднего образования (НИИ, вузов и техникумов). Далее, необходимо ввести в перечень научных специальностей аспирантуры специальность: русистика, создать диссоветы по этой специальности. Необходимо для преодоления вестернизации российской науки откорректировать редакционную политику некоторых ведущих научных журналов в сторону приоритета национальных интересов. Необходимо отказаться от ранжирования научных журналов и публикаций ВАК на квартили. Это ранжирование в подражание Западу напоминает некую научную сегрегацию. Нужно отказаться от требований к российским ученым публикаций в западных изданиях, индексируемых в Scopus и WoS. Наши зарубежные публикации, к которым неформально принуждается отечественное философское сообщество, никак не увеличивают престижа отечественной философии прежде всего потому, что на Западе презрительно и свысока смотрят на Россию и на нашу философию, а российские публикации принимают лишь из коммерческих соображений. Кроме того, публикации в зарубежных журналах связаны с внутренним цензурированием авторами посылаемых материалов под стандарты и интересы западных журналов, что и ведет к острому проявлению «европейничанья» в ущерб свободе и самобытности национальной мысли. У нас должна быть национальная независимая, а не фактически колониальная система научных публикаций. Следует также отказаться от западнической наукометрической системы и разработать российскую опирающуюся на

российские реалии и традиции, наукометрическую систему. Существует также необходимость переориентировать российскую науку, особенно, гуманитарную на ключевые проблемы российской цивилизации и исследование российского общества.

Мы не претендуем на полноту списка задач по лечению российского образования и науки от болезни вестернизации, но в заключение перейдем к главной проблеме: Кто же должен стать врачом? Кто должен решать поставленные задачи? Наша главная надежда не на чиновников от образования, и тем более не на сложившийся в нашем образовании и науке лагерь тайных и явных западников, поклонников и проводников вестернизации, а на патриотически ориентированную российскую научную и педагогическую общественность. Главное состоит в том, чтобы дать реальные возможности патриотической российской научной и педагогической общественности определять российскую образовательную политику, или, по крайней мере реально участвовать в ее коррекции и формировании. Можно подумать в этом контексте о создании действующих институтов, организаций (регулярных съездов педагогов, ученых, учащихся и их родителей) российской педагогической общественности и придании им прав законодательства в образовательной политике.

Подводя итоги, можно констатировать, что альтернатива, которую ставит современная мировая и внутренняя российская ситуация перед нами, проста: или мы совершим трудный, но спасительный патриотический поворот в нашем образовании, и в особенности, в гуманитарном образовании, либо мы утратим полностью национальную идентичность и, в частности, идентичность российского образования, и утратим, тем самым, будущее самобытной российской цивилизации. Если мы не восстановим национального, идентичного российского образования и науки, мы не выстоим в современной глобальной геополитической схватке за будущее. Российская философия, и, шире, гуманитарная наука, независимо от желания или нежелания отдельных философов, сегодня выходит на передний план духовного идеологического противостояния России агрессии коллективного Запада, на защиту российской социокультурной идентичности. Острота этого противостояния актуализирует в качестве приоритетной на сегодняшний день именно гражданско-патриотическую функцию отечественной философии, которая является не отрицанием гуманистической и культурной функций философии, а их конкретизацией к современным условиям и современной ситуации России.

Литература

1. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа /Н.Я. Данилевский. – М.: Известия, 2003. – 697 с. -Текст: непосредственный.
2. Капогузов, Е. А. Реформа образования в России: идеология и институты /Е.А. Капогузов. - Текст: непосредственный // ЭКО. - 2023. - №8 (590). - С.139-154.

3. Модернизация российского высшего образования: становление модели / [А.Ф. Поломошнов и др.]; под. Общ. ред. А.Ф. Поломошнова. - пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2009. - 143 с. – Текст: непосредственный.

4. Николаева, Д. Высшее образование 2.0: как с 2027 года изменится жизнь студентов и вузов России / Д. Николаева. - Текст: электронный. - URL: <https://materinstvo.ru/news/9787> (дата обращения: 1.12.2025)

5. О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования: указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343. Текст: электронный. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> (дата обращения: 1.12.2025)

6. Поломошнов, А.Ф. Призвание современной российской философии / А.Ф. Поломошнов. - Текст: непосредственный // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. - 2023, - № 1. - С. 23-33.

7. Проблемы модернизации российского образования / [А.Ф. Поломошнов и др.]; под. Общ. ред. А.Ф. Поломошнова. - пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2014. – 176 с. - Текст: непосредственный.

8. Сазонов, Б.В. Проблемы и пути модернизации российского образования / Б.В. Сазонов. - Текст: электронный. - URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/49> (дата обращения: 1.12.2025)

9. Сухомлин, В. Реформа образования – национальная катастрофа! / В. Сухомлин. - Текст: электронный. - URL: <http://netreforme.org/news/reforma-obrazovaniya-natsionalnaya-katastrofa/> (дата обращения: 1.12.2025)

10. Филиппов, В.М. Интеграция высшей школы России в единое пространство высшего образования Европы: возможные последствия / В.М. Филиппов, В.Н. Чистохвалов. Текст: электронный. - URL: web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=7450 (дата обращения: 1.12.2025)

References

1. Danilevskii, N. Ya. Rossiya i Yevropa [Russia and Europe] / N. Ya. Danilevskii. – М.: Izvestiya, 2003. – 697 s. - Текст: neposredstvennii.

2. Kapoguzov, Ye. A. Reforma obrazovaniya v Rossii: ideologiya i instituti [Education Reform in Russia: Ideology and Institutions] / E. A. Kapoguzov. - Текст: neposredstvennii // ЕКО. - 2023. - №8 (590). - S.139-154.

3. Modernizatsiya rossiiskogo visshego obrazovaniya: stanovlenie modeli [Modernization of Russian Higher Education: Establishing a Model] / [А.Ф. Поломошнов и др.]; под. Общ. ред. А.Ф. Поломошнова. - пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2009. - 143 с. – Текст: neposredstvennii.

4. Nikolaeva, D. Visshee obrazovanie 2.0: kak s 2027 goda izmenitsya zhizn studentov i vuzov Rossii [Higher Education 2.0: How the lives of Russian students and universities will change from 2027] / D. Nikolaeva. - Текст: elektronii. - URL: <https://materinstvo.ru/news/9787> (data obrashcheniya: 1.12.2025)

5. O nekotorykh voprosakh sovershenstvovaniya sistemi visshego obrazovaniya: ukaz Prezidenta RF ot 12.05.2023 № 343. [On Certain Issues of Improving the Higher

Education System: Decree of the President of the Russian Federation No. 343 of May 12, 2023] Tekst: elektronii. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> (data obrashcheniya: 1.12.2025)

6. Polomoshnov, A.F. Prizvanie sovremennoi rossiiskoi filosofii [The Calling of Contemporary Russian Philosophy] /A.F. Polomoshnov.-Tekst: neposredstvennii //Gumanitarnii vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. - 2023, - № 1. - S. 23-33.

7. Problemi modernizatsii rossiiskogo obrazovaniya [Problems of modernization of Russian education] /[A.F. Polomoshnovi dr.]; pod. Obshch. red. A.F. Polomoshnova. - pos. Persianovskii: Izd-vo Donskogo GAU, 2014.– 176 s. - Tekst: neposredstvennii.

8. Sazonov, B.V. Problemi i puti modernizatsii rossiiskogo obrazovaniya [Problems and ways to modernize Russian education] /B.V. Sazonov. - Tekst: elektronii. - URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/49> (data obrashcheniya: 1.12.2025)

9. Sukhomlin, V. Reforma obrazovaniya – natsionalnaya katastrofa! [Education reform is a national disaster!] /V. Sukhomlin. - Tekst: elektronii. - URL: <http://netreforme.org/news/reforma-obrazovaniya-natsionalnaya-katastrofa/> (data obrashcheniya: 1.12.2025)

10. Filippov, V.M. Integratsiya visshei shkoli Rossii v yedinoe prostranstvo visshego obrazovaniya Yevropi: vozmozhnie posledstviya [Integration of Russian higher education into a single European higher education space: possible consequences] /V.M. Filippov, V.N. Chistokhvalov. Tekst: elektronii. - URL: web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=7450 (data obrashcheniya: 1.12.2025)

УДК 377.1

Е.С. Сергушина, О.В. Кабанов, В.И. Харитонов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сергушина Е. С. - заместитель директора по учебной работе многопрофильного колледжа института довузовского образования ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева» Саранск, Россия,

Кабанов О. В. - к.т.н. доцент кафедры электроники и электротехники Института электроники и светотехники ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева» Саранск, Россия,

Харитонов В.И. – преподаватель многопрофильного колледжа института довузовского образования ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева» Саранск, Россия.

В статье рассматриваются актуальные вопросы трансформации системы среднего профессионального образования (СПО) в условиях динамичных изменений требований рынка труда и технологического прогресса. Анализируются концептуальные основы формирования новой образовательной практики, ключевой из которых является переход от знаниецентричной к компетентностной парадигме. Подробно исследуются современные подходы к реализации данной парадигмы, включая внедрение модульного принципа построения образовательных программ, применение проектной и проблемно-ориентированной

деятельности, интеграцию форматов смешанного обучения, а также развитие сетевых форм взаимодействия с работодателями. Особое внимание уделяется обновлению системы оценки образовательных результатов и вопросам подготовки педагогических кадров. В заключении делается вывод о том, что успешная подготовка конкурентоспособных специалистов возможна лишь при системном и интегрированном применении рассмотренных подходов, обеспечивающем тесную связь учебного процесса с реальным производством.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, компетентностный подход, образовательная практика, модульное обучение, сетевое взаимодействие, практико-ориентированная подготовка, проектная деятельность, подготовка кадров.

E. S. Sergushina, O. V. Kabanov, V.I. Kharitonov

TRANSFORMATION OF SPECIALIST TRAINING IN THE SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM

Sergushina E. S. - Deputy Director for Academic Affairs, Multidisciplinary College Institute of Pre-University Education National Research Mordovian State University,

Kabanov O. V. - Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Electronics and Electrical Engineering Institute of Electronics and Lighting Engineering,

Kharitonov V.I. - lecturer at the Multidisciplinary College Institute of Pre-University Education National Research Mordovian State University.

The article discusses the current issues of the transformation of the secondary vocational education (SPE) system in the context of dynamic changes in labor market requirements and technological progress. The conceptual foundations of the formation of a new educational practice are analyzed, the key of which is the transition from a knowledge-centered to a competence-based paradigm. Modern approaches to the implementation of this paradigm are studied in detail, including the introduction of a modular principle for building educational programs, the use of project and problem-oriented activities, the integration of blended learning formats, as well as the development of network forms of interaction with employers. Special attention is paid to updating the educational results assessment system and the issues of teacher training. In conclusion, it is concluded that successful training of competitive specialists is possible only with the systematic and integrated application of the considered approaches, ensuring a close connection between the educational process and real production.

Key words: secondary vocational education, competence-based approach, educational practice, modular training, networking, practice-oriented training, project activities, personnel training.

Колледжи и техникумы сегодня функционируют в условиях динамично изменяющихся требований рынка труда и стремительного технологического прогресса. Данная ситуация обуславливает настоятельную необходимость глубокой трансформации образовательного процесса. Формирование новой образовательной практики подготовки специалистов среднего звена представляет собой комплексный и многогранный процесс, требующий фундаментального пересмотра его концептуальных основ и методологического аппарата. В качестве фундаментальной базы данного процесса выступает системный переход от знаниецентричной к компетентностной парадигме. Ключевой целью образовательной деятельности становится не столько усвоение определенной суммы абстрактных знаний, сколько формирование у будущего специалиста

интегративной способности применять их на практике для решения конкретных профессиональных задач. Данный подход концентрируется на результате, которым является комплексная готовность выпускника к самостоятельной и эффективной деятельности в конкретной отрасли или сфере экономики. Компетентностная модель предполагает тесную взаимосвязь между теоретической подготовкой, практическими умениями и личностными качествами, необходимыми для успешной адаптации на рабочем месте [1].

Современные подходы к реализации данной парадигмы отличаются значительной вариативностью и выраженной практикоориентированностью. Среди них можно выделить несколько ключевых стратегических направлений, определяющих развитие системы среднего профессионального образования на современном этапе [5].

Во-первых, это широкое и последовательное внедрение модульного принципа построения образовательных программ. Модульная структура предоставляет возможность гибко и оперативно реагировать на постоянные изменения профессиональных стандартов и актуальных запросов работодателей. Каждый самостоятельный модуль представляет собой логически завершённый блок, направленный на целостное формирование конкретной группы профессиональных и общих компетенций. Содержание модулей разрабатывается с учетом требований федеральных государственных образовательных стандартов, а также рекомендаций отраслевых советов по профессиональным квалификациям [2].

Во-вторых, неотъемлемым элементом новой образовательной практики становится активное использование проектной и проблемно-ориентированной деятельности. Выполнение реальных или максимально приближенных к реальности проектов позволяет студентам интегрировать знания из разных учебных дисциплин, развивать критическое и аналитическое мышление, а также отрабатывать навыки командной работы и деловой коммуникации. Данный подход наиболее точно моделирует будущую профессиональную среду, сокращая разрыв между теоретическим обучением и практическим применением полученных компетенций. Проектные методы способствуют формированию у обучающихся ответственности за результат и инициативности [4].

В-третьих, наблюдается активная и целенаправленная интеграция форматов смешанного обучения (blended learning). Эффективное сочетание традиционных аудиторных занятий под руководством преподавателя с широкими возможностями цифровых образовательных платформ и онлайн-курсов создает условия для выстраивания персонализированной траектории обучения. Такой формат способствует развитию у студентов навыков самоорганизации, тайм-менеджмента и ответственного отношения к процессу непрерывного образования. Цифровые инструменты позволяют организовать самостоятельную работу более эффективно, предоставляя доступ к симуляторам, виртуальным лабораториям и интерактивным учебным материалам.

Еще одним значимым подходом является интенсивное развитие сетевых форм взаимодействия между образовательными организациями и потенциальными работодателями. Заключение долгосрочных договоров с

ведущими предприятиями-партнерами, создание базовых кафедр непосредственно на производственных площадках и систематическое привлечение действующих специалистов-практиков к проведению занятий и мастер-классов обеспечивает непосредственную и непрерывную связь учебного процесса с реальным производством. Подобное стратегическое партнерство является crucial для постоянной актуализации содержания образовательных программ, модернизации материально-технической базы колледжей и трудоустройства выпускников [3].

Важным аспектом формирования новой практики выступает обновление содержания и методов оценки образовательных результатов. Традиционные формы контроля знаний все чаще дополняются демонстрационными экзаменами, проведением чемпионатов профессионального мастерства, а также созданием портфолио индивидуальных достижений студента. Подобная система оценки позволяет более объективно проверить уровень сформированности практических умений и готовность к выполнению конкретных трудовых функций.

Отдельного внимания заслуживает вопрос подготовки педагогических кадров для системы СПО. Преподаватели и мастера производственного обучения должны не только обладать глубокими теоретическими знаниями, но и постоянно поддерживать свою квалификацию на актуальном отраслевом уровне. Для этого необходима организация стажировок педагогов на профильных предприятиях, привлечение их к выполнению реальных заказов и участию в отраслевых конференциях. Только так можно обеспечить передачу обучающимся действительно современных и востребованных компетенций.

Таким образом, современная образовательная практика в системе среднего профессионального образования базируется на компетентностной модели, интегрирующей требования федеральных стандартов и запросы рынка труда. Ее практическая реализация происходит через последовательное внедрение модульных программ, проектных методов, технологий смешанного обучения и развития сетевого партнерства. Успешность подготовки конкурентоспособных и востребованных кадров напрямую зависит от системного и интегрированного применения этих подходов, что позволяет адекватно и своевременно отвечать на вызовы современной цифровой экономики и запросы социально-экономического развития региона и страны в целом. Дальнейшее совершенствование данного процесса видится в углублении взаимодействия с работодателями и расширении использования цифровых технологий на всех этапах подготовки специалистов.

Литература

1. Гагарин, А. Н. Проблема выбора специальности для абитуриентов среднего профессионального образования / А. Н. Гагарин, Е. С. Сергушина // Научный вестник Гуманитарно-социального института. – 2025. – № 20. – С. 4.
2. Гагарин, А. Н. Роль школы в формировании профессиональной ориентации учащихся / А. Н. Гагарин, Е. С. Сергушина // Научный вестник Гуманитарно-социального института. – 2025. – № 20. – С. 5.

3. Сергушина, Е. С. Педагогические условия, обеспечивающие действенность процессной модели профориентационной работы со старшеклассниками в довузовской подготовке / Е. С. Сергушина, О. В. Кабанов, А. А. Жигульский // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. – 2025. – № 1. – С. 107-112.

4. Сергушина, Е. С. Актуальные вопросы социально-профессионального самоопределения старшеклассников / Е. С. Сергушина, О. В. Логинова // Студенческий меридиан среднего профессионального образования в вузе : Вузовский сборник научных трудов научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета довузовской подготовки и среднего профессионального образования, Саранск, 01 апреля 2023 года. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2024. – С. 38-42.

5. Теоретические аспекты профориентационной работы со старшеклассниками в довузовской подготовке / Е. М. Троицкая, А. Л. Ускова, О. В. Кабанов, Е. С. Сергушина // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2024. – № 3(93). – С. 70-75.

References

1. Gagarin, A. N. Problema vybora special'nosti dlya abiturientov srednego professional'nogo obrazovaniya [The problem of choosing a specialty for applicants of secondary vocational education] / A. N. Gagarin, E. S. Sergushina // Nauchnyj vestnik Gumanitarno-social'nogo instituta. – 2025. – № 20. – S. 4.

2. Gagarin, A. N. Rol' shkoly v formirovani i professional'noj orientacii uchashchihsya [The role of schools in the formation of students' professional orientation] / A. N. Gagarin, E. S. Sergushina // Nauchnyj vestnik Gumanitarno-social'nogo instituta. – 2025. – № 20. – S. 5.

3. Sergushina, E. S. Pedagogicheskie usloviya, obespechivayushchie dejstvennost' processnoj modeli proforientacionnoj raboty so starsheklassnikami v dovuzovskoj podgotovke [Pedagogical conditions ensuring the effectiveness of the process model of career guidance work with high school students in pre-university training] / E. S. Sergushina, O. V. Kabanov, A. A. Zhigul'skij // Gumanitarnyj vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2025. – № 1. – S. 107-112.

4. Sergushina, E. S. Aktual'nye voprosy social'no-professional'nogo samoopredeleniya starsheklassnikov [Actual issues of social and professional self-determination of high school students] / E. S. Sergushina, O. V. Loginova // Studencheskij meridian srednego professional'nogo obrazovaniya v vuze : Vuzovskij sbornik nauchnyh trudov nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu fakul'teta dovuzovskoj podgotovki i srednego professional'nogo obrazovaniya, Saransk, 01 aprelya 2023 goda. – Saransk: Nacional'nyj issledovatel'skij Mordovskij gosudarstvennyj universitet im. N.P. Ogaryova, 2024. – S. 38-42.

5. Teoreticheskie aspekty proforientacionnoj raboty so starsheklassnikami v dovuzovskoj podgotovke [Theoretical aspects of career guidance work with high school students in pre-university training] / E. M. Troickaya, A. L. Uskova, O. V.

УДК 336

Т.А. Ганчина

ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН В СПО

Ганчина Татьяна Александровна - преподаватель высшей квалификационной категории многопрофильного колледжа Института довузовского образования ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

В статье раскрыта актуальность проведения демонстрационного экзамена в условиях современного образования в СПО. В рамках исследования было проведено углубленное изучение теоретических основ и практик демонстрационного экзамена.

Ключевые слова: управление, финансовые ресурсы, предприятие, финансовые показатели, платежеспособность.

T.A. Ganchina

DEMONSTRATION EXAM IN SPO

Ganchina Tatyana Aleksandrovna – teacher of the highest qualification category at the Multidisciplinary College of the Institute of Pre-University Education at National Research Mordovian State University, named after N.P. Ogarev.

The article discusses the relevance of conducting a demonstration exam in the context of modern education in secondary vocational education. The study involved an in-depth examination of the theoretical foundations and practices of the demonstration exam.

Key words: demonstration exam, purpose, conditions, format, exam.

В современных условиях развития системы профессионального образования особую актуальность приобретает вопрос качества подготовки специалистов среднего звена. Демонстрационный экзамен становится одним из ключевых инструментов оценки профессиональной компетентности выпускников учреждений среднего профессионального образования (СПО).

Актуальность темы обусловлена стремительными изменениями на рынке труда, возрастающими требованиями работодателей к квалификации специалистов и необходимостью модернизации системы оценки качества образования. В этих условиях традиционные формы аттестации уже не могут в полной мере отразить реальный уровень подготовки выпускников к профессиональной деятельности[3].

Демонстрационный экзамен представляет собой инновационную форму итоговой аттестации, которая позволяет максимально приблизить процесс оценки знаний и навыков студентов к реальным условиям профессиональной деятельности. Этот формат аттестации направлен не только на проверку

теоретических знаний, но и на оценку практических умений, профессиональных компетенций и готовности выпускников к работе по специальности.

Значимость внедрения демонстрационного экзамена определяется следующими факторами: – необходимость соответствия международным стандартам качества образования; – потребность в объективной оценке профессиональной подготовки; – важность формирования практических навыков у выпускников; – адаптация системы образования к требованиям современного рынка труда. Цель введения демонстрационного экзамена заключается в создании эффективной системы оценки качества подготовки специалистов, способной обеспечить их конкурентоспособность на рынке труда и успешную адаптацию к профессиональной деятельности.

В современных условиях демонстрационный экзамен становится не просто формой аттестации, а важным инструментом развития системы среднего профессионального образования, направленным на повышение качества подготовки специалистов и обеспечение их соответствия требованиям работодателей. Это особенно актуально в контексте реализации федеральных проектов по модернизации профессионального образования и развития движения «Молодые профессионалы».

Таким образом, исследование актуальности демонстрационного экзамена в современных условиях обучения в системе СПО представляется важным и своевременным, поскольку способствует совершенствованию механизмов оценки качества профессиональной подготовки и повышению эффективности всей системы среднего профессионального образования.

Демонстрационный экзамен — это вариант итоговой аттестации выпускников колледжей и техникумов. Это международное движение устанавливает высокие стандарты профессионального мастерства, устраивает чемпионаты для студентов, молодых специалистов по прикладным навыкам. В отличие от традиционных экзаменов, где проверяются теоретические знания, здесь основное внимание уделяется практическим навыкам. Студент выполняет задание по своей специальности в условиях, приближенных к настоящей рабочей среде.

Каждая задача соответствует профессиональным стандартам: проверяет умение использовать оборудование, соблюдать технологические процессы, управлять временем, выполнять поставленные цели. Испытание проходит на специально подготовленной площадке, оборудованной всем необходимым — от инструментов до программного обеспечения. Качество выполнения оценивают независимые эксперты — специалисты в отрасли, что делает тестирование объективным и прозрачным. Этот подход помогает учащимся не просто получить диплом, а доказать свою готовность к труду.

Концептуальная база демонстрационного экзамена базируется на современных подходах к оценке профессиональных компетенций. Данный формат аттестации позволяет: – оценить уровень освоения профессиональных модулей; – проверить готовность к практической деятельности; – определить соответствие подготовки требованиям ФГОС; – обеспечить объективность

оценивания; – адаптировать образовательный процесс под требования рынка труда.

Основная цель демонстрационного экзамена заключается в комплексной оценке профессиональных компетенций студентов, приобретенных за весь период обучения. В ходе экзамена выпускники демонстрируют как теоретические знания, так и практические навыки, необходимые для успешной работы по специальности[1].

Организационные аспекты включают: – подготовку специализированных экзаменационных площадок; – формирование экспертной комиссии; – разработку методических материалов; – создание системы оценивания; – обеспечение технической поддержки; – соблюдение требований безопасности.

Содержание и структура экзамена. Компонентный состав демонстрационного экзамена включает: – теоретическую часть (тестирование); – практическую часть (выполнение заданий); – оценивание результатов; – оформление документации; – подведение итогов; – видеофиксацию процесса.

Продолжительность демонстрационного экзамена зависит от профессии или специальности. В среднем он длится от 2 до 8 часов, иногда с перерывом. Например, для таких специальностей, как «Поварское дело» или «Сварочные технологии» экзамен может занимать целый день — это позволяет полностью оценить весь цикл работы. Структура профессионального тестирования единая и заранее известна участникам. Она включает несколько этапов: подготовку к работе, выполнение основного задания, финальную проверку, передачу выполненной работы экспертам на оценку. Некоторые специальности предусматривают создание готового продукта (например, блюдо, чертеж, макет, программный код), другие — оказание услуги или выполнение технологической операции[4].

Все этапы сопровождаются технической документацией: задания оформляются по международным стандартам, включают критерии оценки, примеры, схему работы, правила техники безопасности. Участникам заранее объясняют, как будет проходить аттестация. Демонстрационный экзамен — это не просто тест знаний, а настоящее практическое задание, близкое к настоящей работе. Поэтому необходимо работать точно, аккуратно и строго по инструкции. Перед сдачей и студентам, и их родителям следует узнать, как проходит демонстрационный экзамен. Он проводится в форме практического задания, приближенного к настоящим условиям труда. Аттестация проходит на специализированной площадке — ее называют полигоном, или экзаменационным модулем. Там установлено все необходимое оборудование, инструменты и материалы, которые используют профессионалы в своей сфере. Перед началом участнику рассказывают, как будет проходить аттестация, он получает задание и список требований, по которым его работа будет оцениваться. Задание необходимо выполнить в отведенное время, самостоятельно, без помощи преподавателей. Наблюдают за процессом независимые эксперты — они следят за качеством выполнения, соблюдением технологии, точностью, безопасностью и временем.

В некоторых случаях предусмотрена работа в команде, но чаще всего это индивидуальное задание. Демозэкзамен записывается на видео, чтобы можно было объективно проанализировать работу каждого участника. Такой формат исключает подсказки, субъективность, а результаты фиксируются в электронных протоколах. Площадка может располагаться как в самом колледже, так и на базе партнерских организаций или региональных центров. К испытанию допускаются только те выпускники, которые прошли все этапы подготовки, не имеют академических задолженностей.

Результаты демонстрационного экзамена оцениваются по нескольким критериям: точность, качество, соблюдение технологии, безопасность, а также умение правильно использовать время. Каждый параметр имеет свой вес, а финальная оценка выставляется в баллах. Итоговое решение принимают независимые эксперты, которые не обучали выпускника. Если студент справляется с заданием, результат считается зачтенным. При возникновении ошибок, неполном выполнении работы или нарушении регламента экзамен признается несданным. В таком случае предоставляется возможность пересдачи — через некоторое время и после дополнительной подготовки. Несданный демонстрационный экзамен СПО может повлиять на получение диплома. В некоторых колледжах документ не выдается до тех пор, пока студент не продемонстрирует требуемый уровень практических навыков. Поэтому стоит ответственно отнестись к подготовке и вовремя закрывать все академические задолженности.

Демонстрационный экзамен проверяет не только знания, но и способность действовать в условиях ограниченного времени и стресса. Поэтому даже хорошо подготовленные студенты могут допустить ошибки. Наиболее распространенные ошибки: — невнимательность к заданию — студенты теряют баллы из-за упущенных деталей; — нарушение технологии выполнения — любое отклонение от инструкции может привести к снижению оценки; — неправильное распределение времени — задание не успевают завершить в срок; — недостаток практики на нужном оборудовании — техника кажется знакомой только на словах; — нарушение требований безопасности — даже мелкая ошибка может стать критичной; — стресс и паника — мешают сосредоточиться, выполнять действия последовательно. Чтобы избежать ошибок, нужно тренироваться в условиях, максимально приближенных к экзамену, изучить критерии оценки и заранее продумать порядок выполнения работы. Нельзя откладывать подготовку на последние дни — уверенность приходит только с практикой.

Демонстрационный экзамен — это не просто этап учебы, а важная проверка профессиональной зрелости. Он показывает, насколько студент готов к работе по своей специальности. Успех в сдаче зависит не только от знаний, но и от психологической устойчивости, уверенности, умения работать в условиях ограниченного времени. Перед тем как сдать демонстрационный экзамен, стоит уделить внимание таким аспектам, как теоретическая подготовка, регламент, внимательность, регулярная практика. Если что-то не получилось с первого раза, стоит лучше подготовиться к повторному тестированию. Пересдача — это возможность сделать все лучше. Если вы не успеваете подготовиться к

демонстрационному экзамену или хотите избежать лишнего стресса — обратитесь за поддержкой к специалистам.

Основные преимущества демонстрационного экзамена: – Оценка практических навыков. Студент имеет возможность продемонстрировать свои навыки в условиях, приближённых к реальной работе. – Объективность оценки. Поскольку экзамен проводится в условиях, имитирующих рабочую среду, это позволяет снизить влияние субъективных факторов на результат аттестации. – Готовность к профессиональной деятельности. Студент, проходящий демонстрационный экзамен, не только показывает свои умения, но и готовность работать в условиях реальной профессиональной среды. Это способствует лучшей адаптации выпускников к трудовой жизни и помогает им быстрее войти в профессию. – Интеграция с требованиями работодателей. Задания демонстрационного экзамена разрабатываются с учётом реальных требований работодателей. Это способствует более высокой трудовой мобильности выпускников, так как они уже обладают необходимыми компетенциями для выполнения работы на конкретном рабочем месте. – Мотивация к обучению. Формат демонстрационного экзамена стимулирует студентов к более глубокому изучению предмета и развитию практических навыков.

Литература

1. Гагарин, А. Н. Проблема выбора специальности для абитуриентов среднего профессионального образования / А. Н. Гагарин, Е. С. Сергушина // Научный вестник Гуманитарно-социального института. – 2025. – № 20. – С. 4.

2. Теоретические аспекты профориентационной работы со старшеклассниками в довузовской подготовке / Е. М. Троицкая, А. Л. Ускова, О. В. Кабанов, Е. С. Сергушина // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2024. – № 3(93). – С. 70-75.

3 «Демонстрационный экзамен как инструмент независимой оценки качества профессионального образования»: сборник статей составлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) 22 марта – 31 марта. в г. Сызрани /– Текст: электронный – Сызрань, ГБПОУ «ГК г.Сызрани», 2022г.– 540 с. URL: <https://gksyzran.ru/images/GUBER/LUK25.pdf> (дата обращения 16.09.2025)

4 Силкин, Р. С. «Демонстрационный экзамен в системе среднего профессионального образования: проблемы и возможности» // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. — 2023. — №3 (18). — С. 79–88. <https://cyberleninka.ru/article/n/demonstratsionnyy-ekzamen-v-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-problemy-i-vozmozhnosti> (дата обращения 16.09.2025)

References

1. Gagarin, A. N. Problema vybora special'nosti dlya abiturientov srednegoprofessional'nogo obrazovaniya [The problem of choosing a specialty for applicants to

secondary vocational education] / A. N. Gagarin, E. S. Sergushina // Nauchnyj vestnik Gumanitarno-social'nogo instituta. – 2025. – № 20. – S. 4.

2. Troickaya, E. M. Teoreticheskie aspekty proforientacionnoj raboty so starsheklassnikami v dovuzovskoj podgotovke [Theoretical aspects of career guidance work with high school students in pre-university training] / E. M. Troickaya, A. L. Uskova, O. V. Kabanov, E. S. Sergushina // Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii. – 2024. – № 3(93). – S. 70-75.

3 «Demonstracionnyje kzamenkak instrument nezavisimoj ocenki kachestva professional'nog oobrazovaniya» [Demonstration exam as a tool for independent assessment of the quality of professional education]: sbornik statej sostavljen po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) 22 marta – 31 marta. v g. Syzrani /– Tekst: elektronnyj – Syzran', GBPOU «GK g.Syzrani», 2022g.– 540 s. URL: <https://gksyzran.ru/images/GUBER/LUK25.pdf> (data obrashcheniya 16.09.2025)

4 Silkin, R. S. «Demonstracionnyje kzamen v sisteme srednego professional'nogo obrazovaniya: problemy i vozmozhnosti» [Demonstration exam in the system of secondary vocational education: problems and opportunities] // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya. — 2023. — №3 (18). — S. 79–88. <https://cyberleninka.ru/article/n/demonstratsionnyy-ekzamen-v-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-problemy-i-vozmozhnosti> (data obrashcheniya 16.09.2025)

УДК 316: 004

К.А. Кушкимбаев

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Кушкимбаев Куаныш Адильжанович – аспирант кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин факультета экономики и управления ФГБОУ ВО Донской ГАУ.

Статья посвящена анализу цифровизации как ключевого фактора трансформации гуманитарного знания в российской культурной среде. Рассматриваются три модели цифровизации: оцифровка и создание электронных архивов; внедрение вычислительной мощности искусственного интеллекта; формирование новых цифровых средств, основанных на виртуальной реальности, интерактивных форматах и генеративных системах. Рассмотрено как цифровизация затрагивает гуманитарное знание, изменяя представление об объекте исследования, источнике, авторстве и процессах интерпретации культурных объектов. Анализируется влияние государственной политики на цифровое развитие, выделяются ключевые проблемы с инфраструктурной составляющей. Делается вывод о двойственности процесса цифровизации, открывающей новые исследовательские возможности, но требующие пересмотра традиционных теоретико-методологических аспектов гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая культура, гуманитарное знание, искусственный интеллект, интерпретация, цифровая инфраструктура

DIGITAL TRANSFORMATION OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Kushkimbaev Kuanysh Adilzhanovich – postgraduate student at the Department of Foreign Languages and Socio-Humanitarian Disciplines, Faculty of Economics and Management, Don State Agrarian University.

The article examines digitalization as a key factor shaping the transformation of humanitarian knowledge within the Russian cultural context. It identifies three main models of digitalization: digitization and the creation of electronic archives; the integration of artificial intelligence and computational methods; and the development of new digital environments based on virtual reality, interactive formats, and generative systems. The study explores how digitalization affects humanitarian inquiry by reshaping the understanding of the research object, the nature of sources, authorship, and the processes of interpreting cultural artifacts. The article also analyzes the influence of state policy on digital development and highlights the infrastructural challenges that hinder the effective implementation of digital technologies. Ultimately, the research concludes that digitalization is a dual process: it expands analytical possibilities while simultaneously demanding a reconsideration of traditional theoretical and methodological frameworks within the humanities.

Keywords: digitalization, digital culture, humanitarian knowledge, artificial intelligence, interpretation, digital infrastructure

В настоящее время цифровые технологии не стоят на месте и уже стали неотъемлемой частью культуры и искусства, определяя новые формы их существования. Появление новых механизмов взаимодействия и реализации знаний поспособствовали не только изменению способов распространения знания, но и его производства, что особенно заметно в гуманитарных науках.

Многие исследовательские практики претерпели значительные изменения, переходя от традиционных подходов к более интердисциплинарным видам, которые уже включают в себя цифровые элементы. В целом, это соответствует тенденции, которую описывал М. Кастельс [1, с. 458], где характеристики цифровой культуры определялись именно задействованными техническими процессами, вызванные ее трансформацией. Соответственно, в связи с этим встает вопрос о том, какие элементы гуманитарного знания поддаются процессу алгоритмизации, а какие процессы связаны с опытом и требуют сохранения традиционных методов исследования.

Цифровизация гуманитарного знания – постепенный процесс, который формировался медленно, но, верно, от одной модели к другой. Первая из них основана на переносе существующих практик в электронную среду: создание цифровых архивов, баз данных, цифровой инфраструктуры. Этот этап был обусловлен стремлением обеспечить сохранность документов, расширить доступ к культурным ресурсам и интегрировать обширные гуманитарные фонды в глобальное информационное пространство для быстрого и безопасного доступа к ним. Уже к настоящему времени, электронные библиотеки, репозитории и базы данных стали неотъемлемой частью культурной среды, а их развитие активно развивается, а также является элементом активного обсуждения во

многих российских и зарубежных исследованиях по цифровым гуманитарным наукам [2, с. 71]

Следующая модель цифровизации предполагает интеграцию вычислительных методов, различных форм искусственного интеллекта при работе с гуманитарными исследованиями. Уже на этом уровне цифровые технологии становятся полноценными средствами анализа данных, а не только инструментами их хранения и распространения. Машинное обучение, распознавание образов, семантический и контекстуальный анализ текстов позволяют получать не только новое знание о культурных и исторических объектах, но и открывают возможность переосмысления самих подходов к исследованию. Д. Пул и А. Макорт [3], а также С. Рассел и П. Норвиг [6] разбирали искусственный интеллект как новый вычислительный агент, способный к сложной аналитической деятельности.

Следующая модель завязана уже на принципиально новых технологических практиках - виртуальной и дополненной реальности, интерактивных средах, генеративном искусстве и 3D-моделировании. Эти технологии позволяют генерировать самостоятельные пространства для исследований, не имеющих аналогов в предшествующих формах культурной деятельности. В отличие от цифровой архивации данных, автоматизированного анализа с помощью искусственного интеллекта, вышеперечисленные технологии воссоздают принципиально новую среду, внутри которой культурные явления не только фиксируются и интерпретируются, но и способны рождаться заново, часто в формах, не предполагающих их наличие в материальном мире. Такие технологии приводят к переосмыслению основных понятий гуманитарной науки – объекта исследования, источника, автора, механизмов интерпретации. Во-первых, меняется само понятие объекта, так как виртуальный объект может существовать в бесконечном количестве модификаций: дополняться, перерабатываться, иметь альтернативные версии. Объект теряет ту стабильность, которая была характерна для традиционного культурного объекта, становится иной сущностью, представленной в виде визуальной формы, алгоритмов и имеющей возможность воплощаться в зависимости от интерактивных сценариев. Такой объект невозможно строго соотнести с материальной основой, так как он существует больше как процесс и динамическая конфигурация данных.

Во-вторых, меняется представление о самом источнике. Если раньше источником выступал документ или какой-либо объект, то теперь источником становится именно среда, в котором пользователь и система взаимодействует в реальном времени. Среда, которую воспроизводят новые технологии, становятся персонализированными, а потому не являются неизменными.

В-третьих, в третьей модели существенным образом переосмысливается роль автора. В интерактивных средах, возведенных посредством новых технологий, авторская воля размывается между человеком, алгоритмом и тем, кто взаимодействует с информационной средой. [5]

Наконец, трансформируется и способ интерпретации. Если традиционная интерпретация предполагала анализ завершённого произведения, то цифровая среда требует анализа процесса — той цепочки операций, алгоритмов и

пользовательских действий, которые привели к формированию конкретного результата. Интерпретация становится процедурной, процессуальной, а её объект — множественным и вариативным. Анализировать приходится не только визуальный или текстуальный продукт, но и логику взаимодействия, структуру кода, особенности программной среды. Такой многослойный характер цифрового произведения предъявляет новые требования к исследователю, который должен обладать как гуманитарной, так и технологической компетентностью.[4]

Таким образом, третья модель цифровизации не просто расширяет инструментарий, но и обновляет саму структуру гуманитарного знания. Формируется пространство, где культура и технологии переплетаются. Цифровые технологии рассматриваются сегодня как фактор глубокой трансформации гуманитарной практики, а не вспомогательное средство.

В современной российской культурной политике активно поддерживается внедрение цифровых технологий в культуру. В стратегических документах цифровая трансформация обозначена как один из ключевых векторов развития, что предполагает внедрение современных технологий в образовательную, общественную, культурную деятельность. Эти процессы согласуются не только с национальной стратегией государства, но и с общей тенденцией развития информационных технологий. Международные документы ЮНЕСКО подчеркивают важность цифрового наследия и доступности культурных ценностей. Цифровизация сейчас не только стратегически важный политический проект, но и гуманитарный, что затрагивает основы культурной памяти общества.

В современной России развитие цифровой культуры охватывает разные направления. Например, особое место занимает цифровизация культурных фондов: рукописных наследий, архивных документов, музейных экспонатов, объектов нематериальной культуры. Цифровизация призвана сформировать единое цифровое пространство, в которой культурное наследие будет доступным независимо от географических и временных ограничений. Виртуальные проекты, такие как музеи и онлайн-экспозиции все чаще рассматриваются как самостоятельные культурные высказывания, создающие иммерсивный опыт взаимодействия с искусством [7, 8]

Тем не менее, внедрение цифровых технологий сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, у населения низкий уровень цифровых компетенций, что препятствует равному доступу к культурным ресурсам. Во-вторых, нет стабильной работы цифровой инфраструктуры, так как учреждения пока что не обладают достаточной технической оснащённостью, чтобы обеспечить бесперебойную работу цифровых сервисов. Хотя культурные институты постепенно расширяют свое цифровое присутствие, общая система все еще имеет проблемы с цифровой инфраструктурой и пока что далеко от комплексности.

Также стоит упомянуть проблему интерпретации культурного контента. С одной стороны — многообразие форм представления культурного материала, трансформация подходов к пониманию культуры. С другой — существует риск

утраты глубинного содержания, особенно если объекты культуры начнут адаптироваться исключительно под информационно-цифровые среды. В процессе цифровизации всегда есть риск подвергнуть объекты культуры к реконструкции, путем фрагментации данных, таким образом может измениться не только структура объекта, но и его культурный статус. Цифровой двойник может упрощать сложные исторические, стилистические или контекстуальные связи, что неизбежно приводит к редукции оригинального содержания и формированию новых, не всегда корректных интерпретаций.

Также нельзя не отметить и рост зависимости гуманитарного знания при таком подходе, так как за данные будут отвечать алгоритмические механизмы, ответственные за хранение и распространение культурных объектов. Алгоритмы поиска, системы рекомендаций, системы классификаций могут не быть нейтральными, так как несут в себе следы, заложенные в них при разработке их модели, вместе с целевыми установками. В результате этого гуманитарное знание попадает под сильное влияние именно технических ограничений, что может повлечь за собой алгоритмические и смысловые искажения.

Важно заметить, что присутствует также проблема цифрового авторства и достоверности материалов. Генеративные модели активно применяются в создании текстов, изображений, видео, что влечет за собой огромный поток новые формы культурных объектов, которые могут быть неотличимыми от подлинных. Все это приводит нас к тому, что актуальной становится задача балансирования между сохранением культурной значимости и цифровизацией. Можно сделать вывод, что у цифровизации есть значительный список преимуществ, начиная от создания единого цифрового пространства для повсеместного доступа к культурным объектам до полноценной имитации специализированных, иммерсивных цифровых сред.

Однако, есть также и ряд недостатков, которые необходимо устранить: отсутствие единой методической базы, недостаточный уровень цифровых компетенций, фрагментарность цифровых инициатив, техническая оснащенность. Эти проблемы требуют комплексного решения, включающее разработку общей стратегии цифровой трансформации, модернизацию инфраструктуры как с точки зрения технического оснащения, так и информационного. Таким образом, цифровизация культуры представляет собой сложный процесс, который как открывает новые возможности, так и бросает ряд концептуальных вызовов. Эффективная цифровизация возможна при условии системного развития инфраструктуры, формирования профессиональных компетенций, а также приоритетом качественного содержания перед технологичностью. Конечный успех таких преобразований будет коррелировать с тем насколько гармонично удастся совместить культурное наследие и технологичные инструменты.

Литература

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — Текст : непосредственный // Москва : ГУ ВШЭ, 2000. — 458 с.

2. Цифровые гуманитарные исследования / А. Б. Антопольский, А. А. Бонч-Осмоловская, Л. И. Бородкин [и др.].— Текст : непосредственный // Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2023. — 72 с..
3. Poole D. L., Mackworth A. K. Artificial Intelligence: Foundations of Computational Agents. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. URL: <https://books.google.co.in/books?id=B7khAwAAQBAJ> (date of request: 28.11.2025)
4. M. Hunsen «New Philosophy for New Media»// MIT Press, 2004, с. 102-119)
5. Oliver Grau «Virtual Art: From Illusion to Immersion» // The MIT Press, 2002
6. Rassel S. Novig P. (2007). Iskusstvennyy intellekt. Sovremennyy podkhod. (2-oye izdaniye.) // Moskva. Vil'nus (rus), 56-61
7. Stibel J. M., Barrett H. C. How cultural framing can bias our beliefs about robots and artificial intelligence // Behavioral and Brain Sciences. 2023. T. 46.
8. Virtual Reality Methods: A Guide for Researchers in the Social Sciences and Humanities. 2022. C. 75–97.

References

1. Kastel's, M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]/ M. Kastel's. — Tekst : neposredstvennyj // Moskva : GU VSHE, 2000. — 458 s.
2. Cifrovye gumanitarnye issledovaniya [Digital Humanities Research]/ A. B. Antopol'skij, A. A. Bonch-Osmolovskaya, L. I. Borodkin [i dr.]. — Tekst : neposredstvennyj //Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2023. — 72 s..
3. Poole, D. L., Mackworth A. K. Artificial Intelligence: Foundations of Computational Agents. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. URL: <https://books.google.co.in/books?id=B7khAwAAQBAJ> (date of request: 28.11.2025)
4. Hunsen, M. New Philosophy for New Media (MIT Press, 2004, с. 102-119)
5. Grau, O. Virtual Art: From Illusion to Immersion» The MIT Press, 2002
6. Rassel, S. Novig P. (2007). Iskusstvennyy intellekt. Sovremennyy podkhod. (2-oye izdaniye.). Moskva. Vil'nus (rus), 56-61
7. Stibel, J. M., Barrett H. C. How cultural framing can bias our beliefs about robots and artificial intelligence // Behavioral and Brain Sciences. 2023. T. 46.
8. Virtual Reality Methods: A Guide for Researchers in the Social Sciences and Humanities. 2022. C. 75–97.

УДК 8

Н.В. Тароватова**СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Тароватова Наталия Викторовна – учитель английского языка, ОЧУ СОШ «Потенциал», г. Москва.

В данной статье описаны основные принципы современного системно-деятельностного подхода в методике преподавания английского языка, раскрыты его преимущества, описаны этапы современного урока и приведены конкретные примеры применения данного подхода на уроках в начальной школе. Примеры заданий расписаны поэтапно, от мотивации до рефлексии. Описана теоретическая сторона системно-деятельностного подхода. Показаны его преимущества по сравнению с традиционным подходом в обучении иностранному языку. Приемы работы многократно опробованы на практике и доказали свою эффективность. Особое внимание в системно-деятельностном подходе уделяется мотивационному этапу, от успешной реализации которого зависит степень включенности детей в урок. Также важна успешность нахождения учащимися выхода из затруднительной ситуации, те гипотезы, которые они выдвигают. Роль учителя, как наставника и направляющего требует большой подготовки и внимания к деталям. Подтверждена эффективность лично-ориентированного обучения, как и необходимость связывать новые знания со старой базой.

Ключевые слова: системно-деятельностный подход, мотивация, учебная задача, самостоятельная работа, коммуникация, творчество, учение.

N.V. Tarovatova**A MODERN APPROACH TO TEACHING ENGLISH**

Tarovatova Natalia Viktorovna – English teacher, Higher Secondary School "Potential", Moscow.

This article describes the basic principles of the modern system-activity approach in teaching English, reveals its advantages, describes the stages of the modern lesson and provides specific examples of the application of this approach in elementary school lessons. The examples of tasks are described in stages, from motivation to reflection. The theoretical side of the system-activity approach is described. Its advantages in comparison with the traditional approach in teaching a foreign language are shown. The methods of work have been repeatedly tested in practice and have proven their effectiveness. Special attention in the system-activity approach is paid to the motivational stage, the successful implementation of which depends on the degree of involvement of children in the lesson. It is also important that students succeed in finding a way out of a difficult situation, and the hypotheses they put forward. The role of a teacher as a facilitator and guide requires a lot of preparation and attention to detail. The effectiveness of personality-oriented learning has been confirmed, as well as the need to link new knowledge with the old base.

Key words: system-activity approach, motivation, educational task, individual work, communication, creative work, learning.

Современная педагогика постоянно сталкивается с необходимостью создания новых технологий обучения, что связано с адаптацией к требованиям и запросам общества. Под новыми технологиями обучения понимаются как современные технические средства обучения, так и новые методы и формы обучения, подходы к организации процесса обучения. Актуальность данной статьи именно в обращении внимания на начальную школу. В начальной школе происходит формирование коммуникативных навыков, тесно связанных с личностным развитием детей, появляется их новое отношение к учению.

Методы преподавания, основанные на простом восприятии информации, часто не вызывают у детей интереса к иностранному языку и его применению. Деятельностный подход становится актуальным способом решения этой проблемы, так как он предполагает использование игровых технологий в начальной школе и основан на принципах активного обучения [1, 2]. Применяя данный подход, можно не только активизировать деятельность учащихся, но и развить их критическое мышление, коммуникативные навыки и творчество [3, 4].

Задача нашей работы - на практике доказать эффективность системно-деятельностного подхода в современной его интерпретации в преподавании английского языка в начальной школе. Системно-деятельностный подход является основным в реализации федеральных государственных образовательных стандартов [5]. В системно-деятельностном подходе учащийся является активным субъектом процесса обучения, способен получать нужную информацию самостоятельно, анализировать её, применять полученные знания в своей деятельности.

Ключевой характеристикой учащегося является его активность в учебной деятельности, что проявляется во взаимодействии со сверстниками и работе с учебным материалом ради более глубокого понимания тем. Начало такому подходу положили европейские педагоги И. Песталоцци и А. Дистервег в 19 веке. Слова А. Дистервега очень хорошо характеризуют суть системно-деятельностного подхода: «Развитие и образование ни одному человеку не могут быть даны или сообщены. Всякий, кто желает к ним приобщиться, должен достигнуть этого собственной деятельностью, собственными силами, собственным напряжением» [6]. Советский и российский лингвист А.А. Леонтьев считал, что процесс учения – это процесс деятельности ученика, направленный на становление его сознания и его личности в целом [7, 8].

Учитель в системно-деятельностном подходе является организатором учебного процесса, который создаёт условия для самостоятельной работы учащихся [9, 10].

Таблица 1 – Роли учителя и ученика в современном преподавании
[11]

<i>Роль учителя</i>	<i>Роль ученика</i>
Часть функции контроля передает учащимся.	Берет на себя ответственность за то, что и как он учит.
Роль посредника: подсказывает, направляет работу.	Действует, а не пассивно слушает.
Уступает лидерство на уроке.	Работает индивидуально, в парах, мини группах.

В начальной школе особенно эффективны игровые приёмы работы, которые заключаются в большем взаимодействии учащихся друг с другом чем с учителем. Языковые игры, которые также могут включать элементы подвижных игр, призваны мотивировать детей на изучение иностранного языка, совершенствовать языковые и развивать коммуникативные навыки в естественных жизненных ситуациях [12, 13].

Технология деятельностного подхода состоит из следующих этапов:

1) Мотивация, т.е. самоопределение к деятельности. Это организационный момент в начале урока, на котором создаются условия для внутренней потребности включённости в процесс (Я хочу и могу) [14]. Примеры: *Do you want to read the next part of the story about the fisherman and the fish?* Младшие школьники любят читать сказки и с большим энтузиазмом читают их продолжения, так как они обычно разбиты на несколько частей. Можно также спросить, хотят ли они прочитать комикс о приключениях героев учебника. Если это будет изучение грамматики, то задаётся вопрос, важно ли уметь говорить о прошлом или будущем. Для урока по какой-то лексической теме уместно короткое тематическое видео, стихотворение или песенка. После просмотра или прослушивания нужно предложить поделиться впечатлениями, спросить, какая главная тема или мысль данного материала. Совсем маленьким можно предложить поиграть в интересную игру, которая будет ещё и способствовать запоминанию букв, слов, графических образов слов, будет развивать их умение общаться друг с другом, следовать правилам и развивать внимательность. Младшим школьникам очень важна похвала учителя, она мотивирует. Но за всё подряд хвалить тоже не стоит, это обесценит похвалу.

2) Актуализация знаний и фиксация затруднений в деятельности. Это повторение на уроке знаний, достаточных для освоения нового способа деятельности и тренировки необходимых мыслительных операций. В конце этапа создаётся затруднение. Пример: *What do you already know about the fisherman?* Если речь идёт о продолжении сказки о рыбаке и рыбке, то перед чтением нужно вспомнить, что они уже знают о герое. Можно задавать прямые наводящие вопросы такие как *Is the fisherman old? Has he got a wife? Are they rich?* Перед игрой с карточками нужно спросить, какие правила этой игры дети помнят. Можно загадать загадку, ответ на которую будет связан с темой урока. После просмотра видео или прослушивания песни учащиеся могут назвать знакомые слова или грамматические структуры из них. Если дети затрудняются, учитель задаёт наводящие вопросы или включает фрагменты ещё раз. Можно спросить, умеют ли они говорить «нет» про какие-то действия, если планируется

изучение отрицательной формы глагола.

3) Постановка учебной задачи. То есть выделение в учебном диалоге причин затруднений при дальнейшей работе над темой. В конце этапа учениками формулируются тема и цель урока. Пример: Look at the pictures (watch the video\ listen to the song) and guess the topic of the lesson. What are we going to do? По визуальным или аудио опорам учащиеся угадывают тему урока, высказывают предположения о том, что будут изучать и делать сегодня на уроке. Можно вывести на доску рекламный плакат, ребус или сюжетную картинку. Если урок посвящён в основном грамматике, то на доске уместно появление грамматической таблицы. Если это будет продолжение чтения сказки, то можно попросить учащихся высказать предположения о том, что произойдёт дальше. При этом картинки из учебника могут быть отправной точкой для предположений.

По результатам ответов на вопросы предыдущего этапа урока учащиеся формулируют цель, например, научиться говорить отрицательные формы глаголов или изучить больше новых слов по теме, или узнать, что будет дальше с героями учебника.

4) Нахождение путей выхода из затруднения через коммуникативную деятельность с одноклассниками и учителем (гипотезы) [15]. Посредством учебного диалога определяется план действий для изучения темы. Например, учащимся предлагается список глаголов с окончанием прошедшего времени -ed, они увидят это окончание у всех глаголов и, прочитав примеры предложений с ними, поймут, что речь идёт о прошлом. Учащиеся также могут предложить поискать в грамматической таблице формообразование глаголов в прошедшем времени для проверки своей гипотезы.

Example: played, danced, cooked, watched, opened; вопрос учителя – What do these verbs have in common? отвечающих – окончание -ed;

– What is this ending used for? Read the following sentences and guess. Ответ учащихся – Ending -ed is for the past actions.

1. My cousin played with me yesterday.
2. Max danced with Mary at her birthday party last Saturday.
3. Her mum cooked a nice cake two days ago.
4. We watched funny cartoons on TV last evening.
5. The student opened the door and entered the classroom.

Далее учитель спрашивает, одинаково ли у всех глаголов образуются прошедшие формы. Кто-то из учеников предположит, что одинаково, кто-то подумает, что нет. Для нахождения точного ответа на данный вопрос учащимся предлагается текст, написанный о прошлом, в котором есть также глаголы с изменением орфографии при добавлении окончания -ed.

Если речь идёт о лексическом материале, то учащиеся могут сначала догадаться о значении новых слов по картинкам, проверить себя по словарю, а потом работать с текстом.

5) Решение учебной задачи новым способом действия. Это новый материал урока. Например, учащимся предлагается написать прошедшие формы других правильных глаголов по аналогии. Если вводится новая лексика, то выписать и

прочитать новые слова.

6) Первичное закрепление нового материала во внешней (устной) речи путём решения типовых заданий новым способом. Учащиеся читают вслух прошедшие формы глаголов, выполняют 1-2 упражнения по данной теме фронтально на интерактивной доске. Если работа выполняется с текстом сказки или комикса, то учащиеся читают его вслух по ролям.

7) Самостоятельная (индивидуальная) работа с новым материалом с самопроверкой в виде сравнения с образцом и самооценка. Учащиеся выполняют упражнения по теме в индивидуальных рабочих тетрадях или на листочках с заданиями, сверяясь, при необходимости, с грамматическими таблицами. На данном этапе урока возможны задания на подстановку, раскрытие скобок, соединение картинок с графическим образом, расстановка по порядку, прослушивание и выбор из вариантов и прочее [16-18]. При работе с текстом обязательно второе прочтение текста про себя и выполнение заданий к нему. На данном этапе урока возможна также взаимопроверка работ учащимися.

8) Включение в систему знаний и повторение с ранее известным материалом.

Учащиеся ещё раз обобщают новое, изученное на уроке, проводят аналогии с изученным ранее материалом. Например, они могут увидеть общее правило орфографии в изменении написания буквы -у после согласных при добавлении окончания у глаголов и существительных. Можно обсудить, что вызвало наибольшие затруднения. Или добавить новое к характеристике героев учебника и сказать, поменялось ли их отношение к ним. Также целесообразно выполнить заключительный небольшой интерактивный тест на тему. Если дети играли в языковую игру, то они называют все слова, которые запомнили из этой игры.

9) Рефлексия, т.е. подведение итогов урока, оценка учащимися степени достижения поставленной цели, достигнутых результатов учебной деятельности. Приём «Синквейн» (cinquain) [19] очень интересен для завершения работы над лексической темой. На доске пишется тема прошедшего урока одним словом. На следующей строке надо написать два прилагательных, связанных с этой темой. На третьей строке – три глагола, на четвёртой – предложение, раскрывающее данную тему, на пятой – синоним к слову на первой строке. Пример: 1. animals, 2. funny, wild, 3. crawl, run, fly, 4. Animals live in the wild., 5. creatures.

Наиболее простым приёмом рефлексии для учащихся начальной школы является «Выбор», когда нужно оценить степень усвоения материала или своё состояние. Наряду с цветными карточками пишется I feel pleased (good, satisfied, happy), I feel tired (bad, puzzled), I am not sure. Или I am in (ready to go on), I am ready to go on, but not sure of something, I have some problems. Учащиеся выбирают, что соответствует их состоянию. Самым маленьким учащимся можно дать на выбор смайлики (улыбающиеся и нет).

Системно-деятельностный подход, применяемый мной на протяжении более 15 лет, доказал свою эффективность по сравнению с традиционным подходом, где ученику отводится более пассивная роль.

Таблица 2 – Преимущества современных образовательных технологий [20]

<i>Традиционные образовательные технологии</i>	<i>Современные образовательные технологии</i>
Материал дается в готовом виде.	Учащиеся самостоятельно получают знания.
Учитель добивается воспроизведения полученных знаний.	Добывая знания самостоятельно, учащиеся развиваются.
Главная нагрузка на память учащихся.	Развивается мышление и память.
Деятельность учителя доминирует.	Большая роль активной деятельности учащихся.
Контроль учителя играет во всем значительную роль.	Большое значение имеет применение полученных знаний.

Практика показывает, что очень важна не только системность в обучении иностранному языку, но и большая степень активной деятельности учащихся на уроке. Учителю также необходимо учитывать возрастные, индивидуальные, когнитивные особенности учащихся. Темы уроков должны быть актуальны и интересны. Применение системно-деятельностного подхода повышает мотивацию учения, родители замечают улучшение отношения к изучению иностранного языка со стороны детей. Сотрудничество учителя и учеников на уроке и во внеклассной работе способствует созданию благоприятного климата в классе, повышению успеваемости и качества знаний.

Литература

1. Pathan M., Using Games in Primary Schools for Effective Grammar Teaching: a Case Study from Sebha // International Journal of English Language & Translation Studies. 2014. № 2. P. 211–227.
2. Krashen, S., & Terrell, T.D. The Natural Approach. Language Acquisition in the Classroom. Oxford: Pergamon Press, 1983. P. 75–86.
3. Walters A. Trends and issues in ELT methods and methodology // ELT Journal, Volume 66, Issue 4, October 2012, Pages 440–449.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. // Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский; гл. ред. А.В. Запорожец. Т. 2. М: Педагогика, 1982. С. 5–36.
5. Деятельностно-ориентированный подход к образованию // Управление школой. Газета Изд. дома «Первое сентября». 2011. №9. С.14-15.
6. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1956. С. 136–203.
7. Леонтьев А. А. Что такое деятельностный подход в образовании? // Начальная школа: плюс-минус. 2001. № 1. С. 3–6.
8. Асмолов А. Г. Психология личности: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1990. — 367 с., С 64–101.
9. Klementa M., Chráska M., Proceďia S. Explanation of instruments and procedures used by the recipients of education in order to build their own learning network, based on the generic model cognitive process // Social and Behavioral Sciences. 2015. № 174. P. 1614–1622.
10. De Bono E. Lateral thinking Creativity step by step. HarperColophon. 2015.

P. 300.

11. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Арти-Глассо, 2000. С. 150–152.

12. McDonough, Jo. Materials and methods in ELT: a teacher's guide / Jo McDonough, Christopher Shaw, and Hitomi Masuhara. – Third edition. 2013. P. 268–288.

13. Harmer, J. The practice of English language teaching (Fifth edition). Pearson Education. 2015. P. 54–77.

14. Dörnyei, Z. Motivational strategies in the language classroom. Cambridge University Press. 2001. P. 31–109.

15. Boles S. A model of routine and creative problem solving // Journal of Creative Behavior. 1990. Vol. 24. № 3. P. 171–189.

16. Давыденко Ю. И. Деятельностный подход при обучении английскому языку // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2016. №5 С. 224–227.

17. Роджерс Н. Творчество как усиление себя // Вопросы психологии. 1990. № 3. С. 164–168.

18. A Definition of Systems Thinking: A Systems Approach – Ross D. Arnold, Jon P. Wade // Procedia – Computer Science. 2015. Vol. 44. P. 669–678.

19. Dushkova, M. Application of the method «Didactical cinquain» in the teaching of the subject «Children and teenage literature». // SciencesofEurope. 2022. № 104. P. 40–42.

20. Габай Т.В. Научные идеи П.Я. Гальперина и их развитие в современной деятельностной теории учения. Культурно-историческая психология 2012. Том 8. № 4. С. 28–37 ISSN: 1816-5435 / 2224-8935.

References

1. Pathan M., Using Games in Primary Schools for Effective Grammar Teaching: a Case Study from Sebha // International Journal of English Language & Translation Studies. 2014. № 2. P. 211–227.

2. Krashen, S., & Terrell, T.D. The Natural Approach. Language Acquisition in the Classroom. Oxford: Pergamon Press, 1983. P. 75–86.

3. Walters A. Trends and issues in ELT methods and methodology // ELT Journal, Volume 66, Issue 4, October 2012, Pages 440–449.

4. Vygotsky L.S. Thinking and speech. // Collected works: in 6 volumes / L.S. Vygotsky; chief editor A.V. Zaporozhets. Vol. 2. Moscow: Pedagogika, 1982. pp. 5–36.

5. An activity-oriented approach to education // School management. Newspaper of the Publishing house "The First of September". 2011. № 9. pp. 14–15.

6. A. Disterweg. Selected pedagogical works. Moscow: Uchpedgiz, 1956. pp. 136–203.

7. Leontiev A. A. What is an activity-based approach in education? // Elementary school: plus - minus. 2001. № 1. pp. 3–6

8. Asmolov A. G. Psychology of personality: Textbook. Moscow: MSU Publishing House, 1990. 367 p., pp. 64–101.

9. Klementa M., Chráska M., Proceďia S. Explanation of instruments and procedures used by the recipients of education in order to build their own learning network, based on the generic model cognitive process // Social and Behavioral Sciences. 2015. № 174. P. 1614–1622.
10. De Bono E. Lateral thinking Creativity step by step. Harper Colophon. 2015. P. 300.
11. Galskova N. D. Modern methods of teaching foreign languages. Moscow: Arti-Glasso, 2000. pp. 150–152.
12. McDonough, Jo. Materials and methods in ELT: a teacher's guide / Jo McDonough, Christopher Shaw, and Hitomi Masuhara. – Third edition. 2013. P. 268–288.
13. Harmer, J. The practice of English language teaching (Fifth edition). Pearson Education. 2015. P. 54–77.
14. Dörnyei, Z. Motivational strategies in the language classroom. Cambridge University Press. 2001. P. 31–109.
15. Boles S. A model of routine and creative problem solving // Journal of Creative Behavior. 1990. Vol. 24. № 3. P. 171–189.
16. Davydenko Y. I. Activity-based approach in teaching English // Proceedings of BSTU. Episode 6: History, philosophy. 2016. № 5, pp. 224–227.
17. Rogers N. Creativity as self-enhancement // Questions of psychology. 1990. №3. pp. 164–168.
18. A Definition of Systems Thinking: A Systems Approach – Ross D. Arnold, Jon P. Wade // Procedia – Computer Science. 2015. Vol. 44. P. 669–678.
19. Dushkova, M. Application of the method «Didactical cinquain» in the teaching of the subject «Children and teenage literature». // Sciences of Europe. 2022. № 104. P. 40–42.
20. Gabay, T. V. Galperin's scientific ideas and their development in the modern activity theory of teaching. Cultural and historical Psychology 2012. Volume 8. No. 4. Articles 28–37 ISSN: 1816-5435 / 2224-8935.

УДК 316.61

И.В. Козлова, М.А. Козлова

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНВАЛИДОВ «ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ГЛУХИХ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Козлова Ирина Валерьевна - преподаватель высшей квалификационной категории факультета довузовской подготовки и среднего профессионального образования ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»,

Козлова Марина Александровна - студент факультета довузовской подготовки и среднего профессионального образования ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

В статье рассмотрен правовой статус такой социальной группы, как «инвалиды с нарушением слуховых функций». Названы основные направления деятельности Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» и определена его актуальность в системе социального обеспечения. Перечислены виды помощи гражданам с потерей слуха, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Рассмотрены статистические данные, проанализированы социальные проблемы глухих лиц и пути их решения.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная поддержка, социальные услуги.

I.V. Kozlova, M.A.Kozlova

ALL-RUSSIAN PUBLIC ORGANIZATION OF THE DISABLED «ALL-RUSSIAN SOCIETY OF THE DEAF» IN THE SOCIAL SECURITY SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kozlova Irina Valeryevna - teacher of the highest qualification category of the Faculty of Pre-University Training and Secondary Vocational Education of the Ogarev Moscow State University,

Kozlova Marina Aleksandrovna - student of the Faculty of Pre-University Training and Secondary Vocational Education of the Ogarev Moscow State University

The article considers the legal status of such a social group as "people with disabilities with impaired auditory functions". The main activities of the All-Russian public organization of the Disabled "All-Russian Society of the Deaf" are named and its relevance in the social security system is determined. The types of assistance to citizens with hearing loss provided for by the legislation of the Russian Federation are listed. Statistical data are considered, social problems of deaf people and ways to solve them are analyzed.

Key words: social security, social support, social services.

Система социального обеспечения в Российской Федерации довольно обширна. Она направлена на обеспечение социальной защиты и поддержки каждого гражданина. Государство осуществляет политику в сфере экономики,

демографии, образования и культуры, которая направлена на создание благополучных условий для жизни граждан.

Наиболее значимой в настоящее время считается социальная поддержка инвалидов. Данный вид поддержки представляет собой определенные условия и меры, направленные на обеспечение благополучного и полноценного жизнедеятельности инвалидов для достижения достойного уровня жизни граждан Российской Федерации.

Первое официально зарегистрированное общество инвалидов было создано в 1990 году в Российской Федерации. Именно в этот промежуток времени, когда в стране происходили глобальные перестройки и изменения в системе государственной власти, инвалиды и небезразличные граждане ощущали необходимость в создании особой организации, которая смогла бы на законодательном уровне защищать их права и свободы. История создания вышеуказанных организаций связана с борьбой за равные права и возможности самореализации инвалидов [4, 5].

В настоящие дни Общероссийская общественная организация инвалидов «Всероссийское общество глухих» является одним из ключевых звеньев в системе социального обеспечения инвалидов в Российской Федерации. Это связано с ростом количества инвалидов, потерявших слух полностью или частично, невозможностью их полноценного участия в общественной жизни России из-за своих физических особенностей. На сегодняшний день Всероссийское Общество Глухих объединяет общими целями и задачами около 80 тыс. людей.

В России впервые общество глухонемых было создано в 1889 году в Санкт-Петербурге. После создания первой организации, защищающей права инвалидов с потерей слуха начался активный период создания похожих обществ. Наконец, 25 сентября 1926 года было создано Всероссийское Общество Глухих, которое является главным органом, объединяющим различные региональные организации глухих на территории Российской Федерации. До 1980 года организация активно работала над совершенствованием условий жизни инвалидов путём предоставления им средств реабилитации и создания специальных учреждений для получения качественного образования [1].

В настоящее время граждане, признанные инвалидами по слуху в процессе осуществления своих прав и исполнения обязанностей, сталкиваются с множеством проблематичных ситуаций. Одной из самых распространённых из них является неполноценное участие вышеуказанных граждан в общественной жизни государства. Для того, чтобы устранить данную проблему и улучшить уровень социального развития слабослышащих людей и лиц с частичной потерей слуха Всероссийское общество глухих проделывает немалую работу в организации и проведении культурных мероприятий с помощью привлечения сурдопереводчиков, создания видеоматериалов с функцией текстовой расшифровки и многих других методов.

Рассматривая деятельность Всероссийского общества глухих детально, следует отметить, что данная организация предоставляет немало услуг, способных решить многие возникающие проблемы граждан с нарушением

функций слуха. Среди таких услуг можно выделить следующие: - обеспечение граждан и членов организации консультациями насчёт получения ими социальных услуг или иных предусмотренных льгот, - организация уроков для изучения и практики жестового языка для глухих людей и их близких в целях повышения коммуникативных навыков, - организация культурных мероприятий, проводимых с целью социальной адаптации инвалидов со стойким нарушением слуха.

Деятельность общества глухих можно разделить условно на две части по признаку направления их деятельности – психологическая реабилитация и адаптивная реабилитация инвалидов[2, 3]. Психологическая реабилитация граждан с нарушением функций слуха представляет собой предоставление им моральной помощи при возникновении жизненных трудностей[6].

Одной из самых частых психологических проблем, с которой сталкиваются инвалиды является изоляция от социума и невозможность полноценной коммуникации на одном уровне с другими людьми. Для помощи гражданам в решении данной проблемы Всероссийское общество глухих прибегает к особым методикам сеансов с психологами и предоставления технических средств, которые упростили бы жизнедеятельность глухой части населения. Среди вышеуказанных технических средств выделяют следующие категории: - слуховые аппараты, - технические устройства для общения людей друг с другом на жестовом языке, такие как домофоны с функцией видео транслирования, - устройства для обмена текстовой информацией и многие другие.

Адаптивная реабилитация инвалидов с нарушением функций слуха заключается в оказании консультативной помощи и помощи в трудоустройстве, проведении культурно-массовых мероприятий и встреч с сотрудниками организаций для решения волнующих тем по вопросам трудоустройства.

Вопрос образования и дальнейшего трудоустройства инвалидов с потерей слуха остаётся актуальным уже несколько лет, поскольку с каждым годом растёт количество глухих людей. По официальным данным Всероссийского общества глухих всего 12% граждан проходят обучение в высших учебных заведениях после окончания школ, и только 20% инвалидов с патологией слуха имеют работу[7].

Для реализации своих целей и выполнения ряда задач Всероссийское общество глухих реализует множество конкурсов, мероприятий и фестивалей, на которых инвалиды с нарушением слуховых функций могут показать свои умения и навыки в увлекательных состязаниях.

Творческая деятельность общества глухих включает в себя различные формы самовыражения личности и виды искусства, такие как живопись, танец, литература, музыка и многие другие. У каждого человека вне зависимости от его социального статуса и положения есть право на выражение своих мыслей, чувств и осуществление идей через разнообразные виды искусства при помощи языка жестов, визуальные образы и иные доступные инвалидам средства коммуникации.

Важным шагом в развитии досуга для глухих граждан стало открытие Центра культуры и досуга глухих граждан в 1970 году, в рамках которого лица с нарушением функций слуха могли заниматься творчеством, участвовать в мастер-классах и посещать концерты с комфортом. Именно в этом центре люди обрели уверенность в себе и начали активно внедряться в творческую жизнь общества. Посещение подобных мероприятий помогло гражданам не только раскрыть в себе потенциал, но и быть осведомлёнными в сфере современного искусства.

Помимо культурно-развлекательных мероприятий общество глухих обеспечивает проведение спортивных мероприятий в целях физического развития граждан и укрепления их здоровья. Спортивные оздоровительные мероприятия имеют определённую специфику для граждан с ограниченными возможностями. Всероссийское общество глухих регулярно организует соревнования по разным видам спорта, таким как волейбол, футбол, лёгкая атлетика, баскетбол и многим другим. Для того, чтобы участвовать в спортивных мероприятиях используются особенные коммуникационные методы с целью комфортной атмосферы и полноценного участия игроков. Благодаря инициативности и неравнодушию Всероссийского общества глухих спортивное развитие становится доступным для инвалидов с нарушением слуха и открывает большие возможности для повышения качества их жизни. Одним из самых популярных и регулярных мероприятий является фестиваль детской самодеятельности «Утренняя звезда». Целью данного конкурса является развитие и совершенствование творческих навыков слабослышащих детей. Участниками данного конкурса являются дети от 11 до 18 лет включительно. Уже несколько лет подряд «Утренняя звезда» проводится каждый год в период наступления весны. Также общество глухих организует для своих членов туристические поездки, к которым относятся экскурсии по городам, различным выставкам и музеям. Все поездки проводятся с учётом особенностей инвалидов и сопровождаются сурдопереводчиками, которые помогают людям воспринимать новую информацию полноценно. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что Всероссийское общество глухих имеет значимое место в системе социального и культурного развития граждан с отклонениями. Общество прилагает большие усилия для реализации различных мероприятий в целях вовлечения инвалидов в жизнь общества и способствования их культурного обогащения. Помимо государственной политики, выполняемой органами государственного управления, Российская Федерация на основе права граждан на объединение и принципе демократии поощряет и содействует в развитии и функционировании организаций для граждан, как одного из института настоящего общества.

Литература

1. Большаков Н.В., Колесников В.В. Опрос глухих в социологическом исследовании: когнитивные и коммуникативные аспекты / Н.В. Большаков, В.В. Колесников – Текст : непосредственный // Студенческий. – 2019. – №49. – С. 3–5.

2. Кутумова Н. Б., Нефёдов П. В. О проблемах обучения слабослышащих и глухих / Н. Б.Кутумова, П. В. Нефёдов. –Текст : непосредственный// Фундаментальные исследования. – 2018. – №3.– С. 71–72.

3. Нарутто С. В. Семья как конституционная ценность / С. В. Нарутто – Текст : непосредственный //Актуальные проблемы российского права. – 2017.– № 5 (78). – С. 21–30.

4 Бугровский А.И. Группы интересов в социальной политике России: пример всероссийских обществ инвалидов, слепых, глухих / А.И. Бугровский – Текст : непосредственный // Социально-политические науки. – 2020. – №6. – С. 129-136.

5 Тяпкина Т.Ю. Характеристика пожилых людей и инвалидов как особой социально-демографической группы / Т.Ю. Тяпкина. – Текст : непосредственный // электронный научно-практический журнал. –2018. – №1. – С. 15-20.

6 Assessment of groundwater quality and their vulnerability to pollution using GQI and DRASTIC indices / S. Mardiana, R. Anzum, N. K. A. Dwijendra [et al.] // Journal of Water and Land Development. – 2022. – Vol. 53. – P. 138-142. – DOI 10.24425/jwld.2022.140789.

7 Route Optimization of Container Ships Using Differential Evolution and Gray Wolf Optimization / J. Dalle, P. Chetthamrongchai, G. Widjaja [et al.] // Industrial Engineering and Management Systems. – 2021. – Vol. 20, No. 4. – P. 604-612. – DOI 10.7232/iems.2021.20.4.604.

References

1. Bol'shakov N.V., Kolesnikov V.V. Opros gluhih v sociologicheskoy issledovanii: kognitivnye i kommunikativnye aspekty [Survey of the deaf in a sociological study: cognitive and communicative aspects] / N.V. Bol'shakov, V.V. Kolesnikov – Текст :neposredstvennyj // Studencheskij. – 2019. – №49.– С. 3–5.

2. Kutumova N. B., Nefyodov P. V. O problemah obucheniya slaboslyshashchih i gluhih [On the problems of teaching the hard of hearing and the deaf] / N. B. Kutumova, P. V. Nefyodov. – Текст : neposredstvennyj // Fundamental'nye issledovaniya. – 2018. – №3.– С. 71–72.

3. Narutto S. V. Sem'ya kak konstitucionnaya cennost' [Family as a constitutional value] / S. V. Narutto – Текст :neposredstvennyj // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2017.– № 5 (78). – С. 21–30.

4. Bugrovskij A.I. Gruppy interesov v social'noj politike Rossii: primer vserossijskih obshchestv invalidov, slepyh, gluhih [Interest groups in the social policy of Russia: an example of All-Russian societies of the disabled, blind, and deaf] / A.I. Bugrovskij – Текст : neposredstvennyj // Social'no-politicheskie nauki. – 2020. – №6. – С. 129-136.

5. Tyapkina T.YU. Harakteristika pozhilyh lyudej i invalidov kak osoboj social'no-demograficheskoy gruppy [Characteristics of the elderly and disabled as a special socio-demographic group] / T.YU. Tyapkina. – Текст :neposredstvennyj // elektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2018. – №1. – С. 15-20.

6. Assessment of groundwater quality and their vulnerability to pollution using GQI and DRASTIC indices / S. Mardiana, R. Anzum, N. K. A. Dwijendra [et al.] // Journal of Water and Land Development. – 2022. – Vol. 53. – P. 138-142. – DOI 10.24425/jwld.2022.140789.

7. Route Optimization of Container Ships Using Differential Evolution and Gray Wolf Optimization / J. Dalle, P. Chetthamrongchai, G. Widjaja [et al.] // Industrial Engineering and Management Systems. – 2021. – Vol. 20, No. 4. – P. 604-612. – DOI 10.7232/iems.2021.20.4.604.

УДК. 316.77

И.А.Мадалиев

ПРИЧИНЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ УЗБЕКИСТАНА

Мадалиев Ислам Абибуллаевич - аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, e-mail: madaliev@sfnu.ru

В статье рассматриваются предпосылки к возникновению трудовой миграции из Узбекистана. Фокус исследования был смещен от поверхностного рассмотрения экономических предпосылок, таких как уровень безработицы или разница в доходах, к глубинному изучению социально-культурного контекста этого явления. В работе также показывается, как через трудовые поездки, больше всего в Россию, реализуются не только экономические цели, но и ключевые социальные потребности: это и обеспечение достойного уровня жизни семьи, и строительство жилья, и организация и проведение свадеб, и получение образования для детей. Особое внимание уделяется тому, как миграционные практики меняют структуру домохозяйств, гендерные роли и создают новые формы социальной зависимости и статуса. Следовательно, причины миграции раскрываются как взаимосвязанная система, в которой экономическая необходимость тесно переплетается с укоренившимися социальными ожиданиями и воспроизводящейся культурной миграции, делая этот процесс самоподдерживающимся и структурно значимыми для всего узбекского общества.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, экономика, процесс, домохозяйство, общество, миграционные потоки

I.A.Madaliev

REASONS FOR LABOR MIGRATION FROM UZBEKISTAN

Madaliev Islam Abibullaevich - postgraduate student of the Department of Industrial and Applied Sociology, Southern Federal University, e-mail: madaliev@sfnu.ru

The article discusses the prerequisites for the emergence of labor migration from Uzbekistan. The focus of the research has shifted from a superficial examination of economic prerequisites, such as the unemployment rate or income differences, to an in-depth study of the socio-cultural context of this phenomenon. The work also shows how not only economic goals, but also key social needs are realized through work trips, most of all to Russia.: This includes providing a decent standard of living for the family, building housing, organizing and holding weddings, and getting education for children. Attention is paid to how migration practices change household structure, gender roles, and

create new forms of social dependence and status. Consequently, the causes of migration are revealed as an interconnected system in which economic necessity is closely intertwined with ingrained social expectations and reproducible cultural migration, making this process self-sustaining and structurally significant for the entire Uzbek society.

Key words: migration, labor migration, economics, process, household, society, migration flow

Актуальность темы определяется колоссальным масштабом и влиянием трудовой миграции на все сферы жизни узбекских граждан, а также ее ростом в региональном и мировом пространстве. Этот процесс перестал быть сугубо экономическим и преобразовался в масштабное социально-демографическое и политическое явление, которое в свою очередь формирует будущее страны. С одной стороны, трудовая миграция порождает риски для института семьи, усугубляет демографические проблемы узбекского общества. Но, с другой стороны, трудовая миграция служит важным механизмом, позволяющим снизить социальное напряжение в обществе, обусловленное проблемами безработицы, а также обеспечить финансовую стабильность для многих узбекских семей. Сегодня трудовая миграция в Россию является значимым фактором, финансово поддерживающим социально-экономическую ситуацию в Узбекистане [1].

В свете последних реформ, проводимых в Узбекистане, направленных на модернизацию экономики и открытие границ страны, исследование объективных причин миграции представляется научно и социально значимым. Стабильное развитие и настоящая экономическая самостоятельность республики невозможны без создания необходимого количества конкурентоспособных рабочих мест внутри страны. Таким образом, анализ движущих сил, заставляющих десятки, а то и сотни тысяч граждан ежегодно покидать страну, является не просто вынужденной мерой, а насущной необходимостью для создания эффективной государственной политики в самых различных сферах – от образования до регионального развития. Более того, в условиях переменной геополитической обстановки и новых вызовов для экономики Узбекистана, остро стоит вопрос о необходимости диверсификации направлений миграции и переосмысления своего места в международном разделении труда. Таким образом, всестороннее изучение причин этого многостороннего процесса является важным для устойчивого развития страны.

Данную тему рассматривали множество политиков и экспертов в области международных отношений – С.А.Абашин, Н.А.Зотова, Р.А.Могилевский, В.И.Мукомель, С.В.Рязанцев, Т.А.Умаров[9,3,4,6] С.А.Абашин, российский эксперт, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, рассматривал причины трудовой миграции из Узбекистана в сложном переплетении экономической необходимости, социальных амбиций и сформировавшейся за годы культуры миграции, которая сама теперь воспроизводит и поддерживает этот масштабный поток. Т.А.Умаров, аналитик из Узбекистана, консультант Московского центра Карнеги, рассматривал миграционные потоки из Узбекистана в Россию, а также выделил прирост трудовых мигрантов в другие страны.

В основе трудовой миграции из Узбекистана лежит не одна причина или фактор, а переплетение многих обстоятельств – социально-экономических,

политических, исторических, геополитических и многих других. Условно их можно поделить на несколько типов, которые действуют как на уровне «вытеснения» из места происхождения, так и на уровне «привлечения» со стороны государств назначения. Нынешняя миграция уходит в далекое прошлое. Узбекистан в системе межправительственного разделения труда выполнял функцию агрария с большой долей ручного труда, прежде всего в сельском хозяйстве и хлопководстве. Это образовало крайне нестабильную экономику с необходимостью в высококвалифицированных специалистах. После того, как Узбекистан обрел независимость в 1991 году, страна столкнулась с глубоким экономическим кризисом, связанным с разрушением прежних социально-экономических институтов, сложившихся в советский период, а также сложным и травматическим переходом к модели рыночной экономики. В результате в стране массового закрывались промышленные предприятия, снижалась активность торговых отношений, росла безработица, которая приобрела масштабный характер в сельской местности и отдаленных регионах страны.

Историческое наследие было усложнено большим количеством экономических проблем. Одним из них является «парадокс ложной безработицы», который не в силах вобрать стремительно растущее население. Заработные платы в государственном и частном секторах по-прежнему остаются на очень низких отметках, которые не только не дают возможности обеспечить достойную и комфортную жизнь, но и физическое выживание семьи. Массовое распространение получила частичная занятость и «теневая» безработица в агропромышленном комплексе, в котором большинство работников заняты 4–5 месяцев в году (фактически). Слабый уровень диверсификации экономики, также в большей степени зависящей от экспорта сырья, делает ее крайне нестабильной и не создает больших возможностей и спектра карьерных траекторий для одаренной молодежи. Внешняя трудовая миграция из Узбекистана является одним из ключевых факторов повышения уровня жизни населения Узбекистана, преодоления бедности, а также решения проблем с безработицей[9].

По данным на 1 июля 2025 года, в Узбекистане в трудоспособном возрасте находятся 21,2 млн человек, 63% из которых находятся в постоянной трудовой миграции. Согласно статистике от Министерства экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан, на 1 сентября 2025 года, число трудовых мигрантов, выехавших из Узбекистана за границу, увеличилось в 1,4 раза – до 1,9 млн человек, из которых 614,4 тыс. человек – женщины (32,3%), 1,04 млн человек – лица моложе 28 лет (54,7%). По сравнению с 2024 годом, число трудовых мигрантов составляло 1,14 млн человек, сократившись на 32% по сравнению с началом года. В региональном разрезе наибольший удельный вес в общем количестве трудовых мигрантов из Узбекистана составляли мигранты из Самаркандской области (14%). Значительна также доля мигрантов из Андижанской (13,6%) и Ферганской (11,8%) областей (рис.1). Наименьшее количество трудовых мигрантов являются выходцами из Навоийской области (1,4%), характеризующейся относительно высоким

показателем совокупного дохода на душу населения наряду с г. Ташкентом, Бухарской и Ташкентской областями[7].

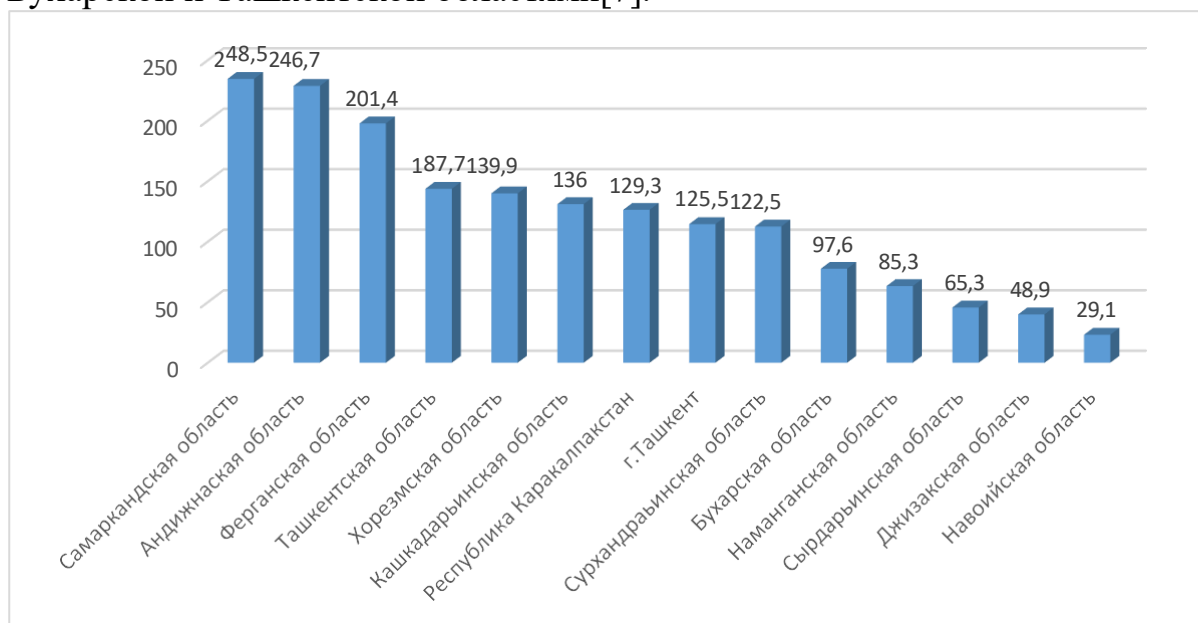

Рис.1. Численность граждан, работавших за пределами Республики Узбекистан в региональном разрезе на 1 сентября 2025 года¹

А вот согласно исследованию L2CU (Listening to the citizens of Uzbekistan), проведенный в 2019 году, в домохозяйствах, в которых членами являются мигранты, занято меньшее количество человек по сравнению с домохозяйствами, не включающими мигрантов, и меньше членов, которые в поисках работы. В среднем, домохозяйства с мигрантами имеют в среднем высокий заработок, чем домохозяйства, которые рассматривают возможность отправки мигранта. По сравнению с другими группами, домохозяйства, в которых проживают мигранты, и те, кто подумывает о переезде мигрантов, в большей степени склонны полностью разделять мнение о неэффективности местного рынка труда[8].

Согласно результатам обследования, трудовая миграция из Узбекистана в основном затрагивает жителей сельских районов с низким уровнем жизни. Доля домохозяйств, где есть хотя бы один трудовой мигрант, среди беднейших 20% населения Узбекистана достигает более 25%, тогда как среди богатейших 20% этот показатель составляет 14%. Кроме того, денежные переводы от мигрантов играют более существенную роль в бюджете бедных семей, составляя 11% их доходов, по сравнению с 8% доходов богатейших домохозяйств. Следовательно, на сегодняшний день, большинство мигрантов из Узбекистана – это низкоквалифицированные специалисты. Более 78% мигрантов – это мужчины старше 30 лет, из беднейших районов страны.

Результаты исследования L2CU показали, что внешняя трудовая миграция больше характерна для домохозяйств с неработающими людьми, проживающими в городах и посёлках с высокой безработицей и высокой степенью зависимости от пособий по социальной защите. Прежде всего,

¹Источник: данные Министерства экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан

домохозяйства, рассматривающие возможность миграции, имеют меньшее количество занятых взрослых людей, чем другие домохозяйства.

Следовательно, в этих домохозяйствах больше людей, ищущих работу на сегодняшний день. Домохозяйства с человеком, рассматривающим возможность миграции, имеют более низкий заработок, чем другие домохозяйства. Респонденты из подобных домохозяйств более расположены думать, что их местный рынок труда в очень ужасном состоянии[8].

Узбекистан в нынешнее время переживает период «демографического всплеска»: процент населения трудоспособного возраста достиг максимума с 1991 года. Но эта возможность превращается в балласт, если экономика не может ее эффективно использовать.

Каждый год на сферу занятости выходят десятки тысяч молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет, чьи потребности и амбиции (охватывая также и возможность снимать/содержать качественное жилье, продукты питания, прочие расходы) сталкиваются с ограниченным доступом для их осуществления у себя в стране. Это в свою очередь создает сильный популяционный толчок для миграции. Ключевую роль играет элемент, который можно отметить, как «нехватка перспектив и справедливости». Большинство мигрантов отмечают не только на низкую заработную плату, но и на распространение коррупции, отсутствие возможностей для карьерного роста, связанного по большей части не с опытом, а с клановыми или родственными связями, чувство безнадежности.

Это приводит к социальной безысходности и желанию найти место, в котором труд будет преобразовываться в результат. Более того, сформировалась сильная культура миграции. Успешные истории самых первых мигрантов, которые обустроили быт своих семей благодаря заработкам за границей, создали надежную модель социального поведения. Миграционные сети, основанные на землячествах и диаспорах, в большей степени снижают риски и затраты на переезд, делая его повседневным жизненным сценарием для целых сообществ.

Не стоит забывать и про внешний контекст. Историко-культурная и географическая близость России, крупнейшего потребителя, с ее колоссальным, но организационно дефицитным рынком труда в таких отраслях, как: торговля, ЖКХ, строительство и сфера услуг, создает практически идеальный «резервуар» для рабочих мест. Стоит отметить, что спрос на низкоквалифицированный и неквалифицированный труд тут очень высок. Такие факторы, как: простота легализации (патентная система), наличие землячеств и диаспор и знание русского языка делает Россию вполне логичным и привлекательным первоочередным выбором.

Мигранты из Узбекистана для осуществления трудовой деятельности преимущественно направляются в Россию (1204,4 тыс. человек или 71,4% от общего количества трудовых мигрантов, Казахстан (214,7 тыс. человек), Республику Корея (88,3 тыс. человек), Турцию (69,1 тыс. человек) и ОАЭ (6,5 тыс. человек). В других странах-реципиентах осуществляющих трудовую деятельность мигрантов из Узбекистана – 184,4 тыс. человек или 10,2% от общего количества мигрантов.

Рассматривая процесс трудовой миграции из Узбекистана в контексте уже обозначенных системных факторов, немисливо обойти стороной еще несколько измерений, придающие данному процессу сложность и динамику. Эти подходы действуют на стыке мировых трендов и местных особенностей, нередко усиливая и модифицируя процесс базовых экономических причин. Одним из важных нынешних контекстов стала гиперконнективность цифрового мира, принципиально изменившая сам опыт миграции.

Если буквально 20 лет назад отъезд за границу означал неизбежный разрыв связей и углубление в информационный вакуум, то сегодня мигрант всегда остается онлайн-присутствующим членом семьи и сообщества. Социальные сети и мессенджеры не только дают возможность поддерживать эмоциональные связи, но и создают эффект так называемого «виртуального присутствия», где успехи и привычные условия жизни в России, Южной Кореи или Турции показываются в реальном времени в махалли и дома самаркандских кишлаков. Это создает новый тип социального давления и возможностей, где визуальные доказательства достижимости иного уровня жизни становятся толчком для отъезда.

Стоит отметить, что цифровое пространство существенно снизила транзакционные издержки поиска работы: трудовые договоры зачастую оформляются посредством Telegram-каналов, отзывы о работодателях читаются в закрытых группах, а маршруты и правила легализации обсуждаются в частном порядке. Это с одной стороны делает миграцию более осознанным, но с другой стороны более неожиданным решением, прежде всего для молодых людей в возрасте от 18 до 27 лет, у которых цифровая грамотность значительно превышает возможности их местного рынка труда.

Другим крайне важным, но в большей степени замалчиваемым фактором является ресурсный и экологический стресс, в частности ощутимый в агропромышленных и густонаселенных регионах. Ухудшение земель, засоление почв вследствие многовековой хлопковой монокультуры, катастрофическая нехватка водных ресурсов в условиях изменения климата подрывают саму основу сельскохозяйственной занятости. Для большинства семей, проживавших поколениями на земле, миграция прекращает быть вопросом увеличения доходов, а становится стратегией адаптации к физическому выживанию и экологическому кризису.

Это привносит миграции черты не только климатической, но и экономической адаптации, где временный или сезонный отъезд дает возможность снизить антропогенную нагрузку на истощенные экосистемы и заработать необходимые ресурсы для усовершенствования хозяйства. Следовательно, экологический фактор функционирует как теневой усилитель экономических причин, делая традиционный уклад жизни все менее устойчивее.

Необходимо также рассмотреть внутреннюю дифференциацию миграционных потоков, которая способна отражать растущее социальное расслоение внутри страны. Миграция уже долгое время не является монолитной практикой. Она колеблется от устаревших форм так называемой «шабашки» в приграничных областях Казахстана до конкурирующей профессиональной

миграции IT-специалистов в Северную Америку и Европу. Между этими полюсами имеется огромный спектр направлений миграции: женщины, выезжающие на работу преимущественно в Турцию, ОАЭ, Кувейт, в основном устраиваются в сферы ухода и домашнего труда; мужчины, работающие логистами, водителями или строителями. Каждая из этих групп имеет свои собственные каналы трудоустройства и свои риски. Это означает, что общей политики по отношению к миграции быть не может.

Узбекистан сталкивается с необходимостью выработки различных механизмов для защиты своих граждан, осуществляющих трудовую миграцию, в частности, прав низкоквалифицированных специалистов (введение двухсторонних социальных соглашений между работником и работодателем, создание упрощенных легализованных каналов миграции). Также важной составляющей миграционной политики Узбекистана является возвращение на родину высококвалифицированных специалистов, которые смогут обеспечить инновационный вектор в развитии экономики страны. В результате исследования мы приходим к выводу, что глубинный анализ причин миграции требует выхода за рамки упрощенной экономической дихотомии и пересмотра своих смыслов, которые вкладывают в этот процесс его участники. Сложившееся представление о миграции как сугубо вынужденном бегстве от безработицы и нищеты, хотя это и отражает часть правды, все чаще оказывается неполным и даже архаичным. Оно упускает из виду важнейшую метаморфозу: для растущего числа граждан Узбекистана, прежде всего молодого поколения, выездная заработки перестает быть пассивной реакцией на отчаяние и становится формой активного жизненного проектирования, стратегическим инвестиционным решением в условиях ограниченных внутренних возможностей. Это смещение от логики «исхода» к логике «выбора» принципиально меняет природу явления. Миграция превращается в инструмент социального лифта, который внутренняя система не предоставляет, в способ обретения не только финансового, но также культурного и человеческого капитала. Целью становится уже не просто прокормить семью, а накормить ресурс для качественного скачка – строительства современного жилья, открытия бизнеса, обеспечения детям образования международного уровня.

Следовательно, миграционный поток на сегодняшний день представляет собой сложную смесь: в нем по-прежнему присутствует крайняя необходимость для самых уязвимых слоев, но все более заметную роль играет прагматичный расчет тех, кто ищет не спасения, а стартовой площадки для будущего рывка. Это свидетельствует о растущем разрыве между индивидуальными амбициями граждан и скоростью трансформации национальных институтов, а также о поразительной адаптивности людей, превращающих глобализационные вызовы в персональные траектории мобильности [1].

Сегодня миграция превращается в «карьерный рост (социальный лифт)», который внутренняя система не предоставляет. Помимо этого, создается поколение «высококвалифицированных мигрантов» - людей, которые осознанно наращивают свои умения и навыки, перемещаясь от одной страны к другой, тем самым интегрируясь в мировой рынок труда на своих условиях. Следовательно,

причины миграции носят многоступенчатый характер: от базового экономического выживания с одной стороны до крайне сложных стратегий самореализации и вложений в будущее семьи – с другой.

Трудовая миграция из Узбекистана является стабильным и структурным процессом, который порождается конвергенцией демографического давления, исторического наследия, дисфункций местного рынка труда и привлечения возможностей в регионе. Ее причины укоренены скорее во временных экономических трудностях, чем в фундаментальном несоответствии между амбициями и быстрорастущими потребностями населения для их удовлетворения в пределах действующей социально-экономической системы. На сегодняшний день миграция прогрессирует от пассивной реакции на кризис к активной стратегии жизни, что в свою очередь требует пересмотра традиционных подходов к ее регулированию.

Очевидно, что только нормализация экономической ситуации в стране, связанная с созданием новых рабочих мест, с ростом оплаты труда, может минимизировать масштабы трудовой миграции населения Узбекистана. В этой связи необходима экономическая и технологическая модернизация промышленной и сельскохозяйственной инфраструктуры страны, которая должна сопровождаться подготовкой национальных высококвалифицированных кадров, которые обеспечат ее региональную конкурентоспособность. Важной мерой в создании благоприятного экономического пространства Узбекистана, которое может привлечь инвестиции и специалистов, является активное развитие торговых отношений с соседними государствами. Это будет способствовать созданию условий для сокращения оттока населения из страны и сохранение молодежи как ключевого ресурса устойчивого социально-экономического развития государства.

Литература

1. Алешковский И. А., Гребенюк А. А., Кравец В. А., Максимова А. С. Иностранцы мигранты на российском рынке труда: Оценка общей численности и вклада в ВВП России // Экономические и социальные перемены: факты. тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 197–208. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.11. – Текст: непосредственный
2. Гришина Т. Рынку труда не хватает рук. «Синие воротнички» по-прежнему в дефиците. Газета "Коммерсантъ" №170 от 19.09.2019. <https://www.kommersant.ru/doc/4096524> (дата обращения: 12.12.2025).
3. Зотова Н. А. Узбекские общины в России: новые «диаспоры» (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани, Красноярска) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2010. – Вып. 222. – 28 с. <http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/222-Zotova.pdf>– Текст: непосредственный
4. Могилевский. Р. Рынок труда и технологическое развитие в Центральной Азии // Доклад Института государственного управления и политики Университета Центральной Азии (УЦА). – 2020. – № 58. – С. 1–45. – Текст: непосредственный

5. Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. – 2017. – №. 6. – С. 69–79. – Текст: непосредственный
6. Рязанцев С.В. Роль трудовой миграции в развитии экономики Российской Федерации // URL: <http://www.unescap.org/sites/default/files/1%20Role%20of%20Labour%20Rus>. – 2016. – Т. 2.
7. Рязанцев С.В. Трудовая иммиграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 4. С. 718–729. DOI: 10.22363/2313–2329-2018-26-4-718-729. – Текст: непосредственный
8. Seitz W. H. International migration and household well-being: Evidence from Uzbekistan // World Bank Policy Research Working Paper. – 2019. – №. 8910. <http://documents1.worldbank.org/curated/en/615721561125387061/pdf/International-Migration-and-Household-Well-Being-Evidence-from-Uzbekistan.pdf>(дата обращения: 12.12.2025).
9. Трудовая миграция из Центральной Азии: постоянно рассчитывать на Россию – ошибочная стратегия. <https://cabar.asia/ru/trudovaya-migratsiya-iz-tsentralnoj-asii-postoyanno-rasschityvat-na-rossiyu--oshibochnaya-strategiya>(дата обращения: 12.12.2025).

References

1. Aleshkovskiy I. A., Grebenyuk A. A., Kravets V. A., Maksimova A. S. Inostrannye migranty na rossiyskom rynke truda: otsenka obshey chislennosti i vklada v VVP Rossii. // Ekonomicheskiye i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2019. Т. 12. № 6. С. 197–208. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.11. – Текст: непосредственный
2. Grishina T. Rynku truda ne hvataet ruk. “Siniye vorotnichki” po-prezhnemu v defitsite. Gazeta “Kommersant” №170 от 19.09.2019. <https://www.kommersant.ru/doc/4096524> (data obrashcheniya: 12.12.2025).
3. Zotova N. A. Uzbekskiy obshchiny v Rossii: novyye “diaspory” (naprimere Sankt – Peterburga, Astrakhani, Krasnoyarska) / Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii. – M., IEA RAN, 2010. – Vyp.222. – 28s. <http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/222-Zotova.pdf> – Текст: непосредственный
4. Mogilevskiy R. Rynok truda i tekhnologicheskoye razvitiye v Tsentralnoy Azii // Doklad Instituta gosudarstvennogo upravleniya i politiki Universiteta Tsentralnoy Azii (UTsA). – 2020. – №58. – С. 1-45. – Текст: непосредственный
5. Mukomel V. I. Migranty na rossiyskom rynke truda: zanyatost. mobilnost. intensivnost i oplata truda // Statistika i ekonomika. – 2017. – №. 6. – С. 69–79. – Текст: непосредственный
6. Ryazantsev S. V. Rol' trudovoy migratsii v razvitiy ekonomiki Rossiyskoy Federatsii // URL: <http://www.unescap.org/sites/default/files/1%20Role%20of%20Labour%20Rus>. – 2016. – Т. 2. (data obrashcheniya: 12.12.2025).

7. Ryazantsev S. V. Trudovaya immigratsiya v Rossiyu: mify i kontrargumenty // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika. 2018. T. 26. № 4. S. 718—729. DOI: 10.22363/2313–2329-2018-26-4-718-729. – Tekst: neposredstvennyy

8. Seitz W. H. International migration and household well-being: Evidence from Uzbekistan //World Bank Policy Research Working Paper. – 2019. – №. 8910. <http://documents1.worldbank.org/curated/en/615721561125387061/pdf/International-Migration-and-Household-Well-Being-Evidence-from-Uzbekistan.pdf>(data obrashcheniya: 12.12.2025).

9. Trudovaya migratsiya iz Tsentralnoy Azii: postoyanno rasschityvat na Rossiyu – oshibochnaya strategiya. <https://cabar.asia/ru/trudovaya-migratsiya-iz-tsentralnoj-asii-postoyanno-rasschityvat-na-rossiyu--oshibochnaya-strategiya> (data obrashcheniya: 12.12.2025).

РЕФЕРАТЫ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.77

Вдовин В.В.

Ростовский государственный экономический университет РГЭУ (РИНХ)

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: ДОСОКРАТИКИ

В статье рассматривается философско-антропологический анализ категорий субъективности и субъектности в контексте философии досократиков. Особое внимание уделяется тому, как раннегреческие мыслители подходили к проблеме субъекта, самосознания человека и его отношений с космосом. Субъективность понимается не только как эпистемологическая категория, но и как онтологическое условие человеческого существования, отражающее способность человека воспринимать, интерпретировать и соотносить себя с миром. Философские размышления досократиков о природе, бытии и космосе закладывали основы понимания человека как субъекта, обладающего рефлексией и способного к самопознанию. Подчеркивается историческая и концептуальная эволюция категорий субъекта и субъективности, их трансформация от космоцентрической к проантицентрической перспективе.

УДК130.2

Емельянова О.Б.

Донской государственный аграрный университет

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В КУЛЬТУРОЛОГИИ

Статья посвящена изучению культурологических концепций, исследующих идентичность личности. Исследование идентичности началось с концепций античных философов, определивших черты идеального гражданина, полностью понимающего предназначенную ему обществом и государством роль. Взгляд на идентичность личности со временем менялся: от осмысления культуры отдельного человека, формирования его мифологического мышления, религиозных понятий до широкой культуры и воздействия географических, исторических причин на его идентичность. В современных научных теориях преобладает мнение о том, что культурная идентичность формирует условия культурной атрибуции и предлагает авторское прочтение иерархии её уровней: индивидуальный, организационный, институциональный уровни, межнациональный уровни. Учёные исследуют инкультурацию как процесс обретения человеком культурной компетентности: освоение ценностей, познание национальных традиций, формирование гуманитарной эрудиции.

УДК130.2

Емельянова О.Б.

Донской государственный аграрный университет

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В КУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье анализируются основные концепции идентичности личности, которые разработали социологи. Взаимодействие человека и общества позволяет исследовать социализацию личности. Зарубежные социологи доказали, что социальная среда многосистемна, поэтому важно проследить, как структурные институты формируют ценности и выборы людей, диктуют их поведение и предпочтения. Многие зарубежные учёные приходят к выводу, что идентичность не заложена в человеке изначально, а формируется в процессе социализации. Солидарность регламентирует социальную связь индивида с группой,

его устремления, убеждения, религиозные основы. В современном российском научном социологическом дискурсе интересен альтернативный взгляд на идентичность как на многоуровневую модель, в которой многоуровневость реализована в синтезе национально-гражданской, региональной и этнической идентичности.

УДК316.722

Нестерович Е.В., Пойда А.В., Пойда Е.Е.

Донской государственный аграрный университет

ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК ФОРМА КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается национальный характер японцев как важнейшая форма культурно-антропологической идентичности. Анализируются исторические, социальные и психологические аспекты формирования национального характера, его роль в сохранении этнокультурных особенностей и обеспечении целостности национального сообщества. Особое внимание уделяется механизмам воспроизводства национального характера через традиции, обычаи, язык и воспитание. Подчеркивается влияние процессов глобализации и межкультурного взаимодействия на трансформацию национальной идентичности. Делается вывод о значимости национального характера для устойчивости социокультурных систем и формирования самосознания народа в современных условиях

УДК 101.1

Эфендиев А.Ф., Воронина А.П.

Северо-Кавказский государственный институт искусств

ФГБОУ ВО Донской ГАУ

ПОИСКИ КОНЦЕПТА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Статья посвящена проблеме разработки темы русской идеи в современном научном дискурсе. Анализируются альтернативные методологические и содержательные версии концепта русской идеи. Обоснован тезис о том, что русская идея должна быть эффективной национальной идеологией, определяющей российскую социокультурную идентичность, позиционирующей и ориентирующей российскую цивилизацию в современном мире и современном историческом процессе, дающей систему мировоззренческих и социальных ценностей, идеалов и ориентиров, лежащих в основе сохранения и успешного развития российской цивилизации.

ИСТОРИЯ

УДК 930.1:94(47).073

Колосова Н.Н.

ФГБОУ ВО Донской ГАУ

ДЕКАБРИЗМ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье в историческом контексте рассматривается процесс формирования различных концептов движения декабристов, сложившихся как результат осмысления этого исторического феномена, во многом, под влиянием идеологического фактора. Вместе с тем, обращается внимание на то, что в современном отечественном декабристоведении происходит научное переосмысление декабризма как историографического феномена, направленное на преодоление мифологизации истории декабристов

УДК 796.034

Липатов А. В.

Волгоградская государственная академия физической культуры

ПРОСТРАНСТВО СОВЕТСКОГО СПОРТА: К ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ I СПАРТАКИАДЫ НАРОДОВ СССР

В статье рассматриваются условия проведения первой Спартакиады народов СССР, как ресурса отбора спортсменов для участия в Олимпийских играх и механизма по популяризации физической культуры и спорта среди населения СССР.

На основе анализа периодической печати 1956 г. была определена социальная природа Спартакиада и её черты как важнейшего политического события.

Спартакиада рассматривается как социокультурное явление в истории советского послевоенного спорта на основе междисциплинарного подхода, что позволило охарактеризовать причины и условия её проведения, ход осуществления и достижения участников.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 377

Ахантьева Н.В.

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ СПО

Демонстрационный экзамен выступает эффективным и современным инструментом профессионального образования в Российской Федерации. В статье предпринята попытка проанализировать демонстрационный экзамен, как одну из форм государственной итоговой аттестации, а также проанализировать статистические данные, характеризующие процесс внедрения его в образовательный процесс на территории страны. Отдельно акцент сделан на такой субъект РФ, как Республика Мордовия.

УДК 159.9

Белоусов О.Н.

Ростовский государственный экономический университет РГЭУ (РИНХ)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

Национальная культура и менталитет находятся в процессе постоянного взаимодействия. Культура формирует менталитет через свои ценности, традиции и нормы, тогда как менталитет, в свою очередь, может адаптироваться и изменяться под влиянием глобализации и культурных обменов. Это взаимовлияние играет ключевую роль в формировании идентичности и восприятия мира в современном обществе. Каждая нация имеет свои уникальные символы и значения, которые формируют коллективное сознание и идентичность. Этнопсихология, представляющая основной интерес в данном исследовании, является междисциплинарной областью, которая изучает психические процессы, поведение и социальные отношения людей в контексте их этнической и культурной идентичности. Она сочетает элементы психологии и этнологии, фокусируясь на том, как культура и этнос влияют на психическую жизнь индивидов и групп. Национальный менталитет в контексте этнопсихологии представляет собой совокупность психологических характеристик, культурных шаблонов и поведенческих моделей, присущих определённой нации или этнической группе. Он формируется под влиянием исторических, социальных, экономических и культурных факторов и влияет на то, как люди воспринимают мир, взаимодействуют друг с другом и решают повседневные задачи.

УДК 37.012

Крылова М. Н.

АЧИИ-филиал Донского государственного аграрного университета

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В РАМКАХ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ БАКАЛАВРА

В статье рассмотрены теоретические вопросы эксперимента по педагогике. Описан каждый из возможных этапов эксперимента: обязательные (диагностирующий, формирующий, контролирующий) и дополнительные (поисковый, обучающий).

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации подходов к педагогическому эксперименту и определении его места в выпускной квалификационной работе (ВКР) бакалавра. Выявлено, что для ВКР бакалавра педагогический эксперимент является слишком сложным и длительным видом исследования; исключение составляют ВКР, продолжающие курсовые работы и осуществляемые в течение нескольких производственных практик. Оптимальной для ВКР является опытно-педагогическая работа как вид исследования с элементами эксперимента.

УДК 373; 378

Поломошнов А.Ф.

Донской государственный аграрный университет

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ: ИТОГИ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье анализируется Болонский процесс как форма вестернизации российского образования и науки, рассматриваются его оценки и реальные результаты. Определяются направления и задачи по преодолению вестернизации российского образования и науки. Отмечается необходимость активного привлечения российской педагогической общественности к определению курса восстановления национальной идентичности российского образования и науки.

УДК 377.1

Сергушина Е.С., Кабанов О.В., Харитонов В.И

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы трансформации системы среднего профессионального образования (СПО) в условиях динамичных изменений требований рынка труда и технологического прогресса. Анализируются концептуальные основы формирования новой образовательной практики, ключевой из которых является переход от знаниецентричной к компетентностной парадигме. Подробно исследуются современные подходы к реализации данной парадигмы, включая внедрение модульного принципа построения образовательных программ, применение проектной и проблемно-ориентированной деятельности, интеграцию форматов смешанного обучения, а также развитие сетевых форм взаимодействия с работодателями. Особое внимание уделяется обновлению системы оценки образовательных результатов и вопросам подготовки педагогических кадров. В заключении делается вывод о том, что успешная подготовка конкурентоспособных специалистов возможна лишь при системном и интегрированном применении рассмотренных подходов, обеспечивающем тесную связь учебного процесса с реальным производством.

УДК 336

Ганчина Т. А.

Институт довузовского образования ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ ДЕМОНСТРАЦИОННОГО ЭКЗАМЕНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В СПО

В статье раскрыта актуальность проведения демонстрационного экзамена в условиях современного образования в СПО. В рамках исследования было проведено углубленное изучение теоретических основ и практик демонстрационного экзамена.

УДК 316: 004

Кушкимбаев К.А.

Донской государственный аграрный университет

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Статья посвящена анализу цифровизации как ключевого фактора трансформации гуманитарного знания в российской культурной среде. Рассматриваются три модели цифровизации: оцифровка и создание электронных архивов; внедрение вычислительной мощности искусственного интеллекта; формирование новых цифровых средств, основанных на виртуальной реальности, интерактивных форматах и генеративных системах. Рассмотрено как цифровизация затрагивает гуманитарное знание, изменяя представление об объекте исследования, источнике, авторстве и процессах интерпретации культурных объектов. Анализируется влияние государственной политики на цифровое развитие, выделяются ключевые проблемы с инфраструктурной составляющей. Делается вывод о двойственности процесса цифровизации, открывающей новые исследовательские возможности, но требующие пересмотра традиционных теоретико-методологических аспектов гуманитарных дисциплин.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 8

Тароватова Н.В.

ОЧУ СОШ «Потенциал», г. Москва

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье описаны основные принципы современного системно-деятельностного подхода в методике преподавания английского языка, раскрыты его преимущества, описаны этапы современного урока и приведены конкретные примеры применения данного подхода на уроках в начальной школе. Примеры заданий расписаны поэтапно, от мотивации до рефлексии. Описана теоретическая сторона системно-деятельностного подхода. Показаны его преимущества по сравнению с традиционным подходом в обучении иностранному языку. Приемы работы многократно опробованы на практике и доказали свою эффективность. Особое внимание в системно-деятельностном подходе уделяется мотивационному этапу, от успешной реализации которого зависит степень включенности детей в урок. Также важна успешность нахождения учащимися выхода из затруднительной ситуации, те гипотезы, которые они выдвигают. Роль учителя, как наставника и направляющего требует большой подготовки и внимания к деталям. Подтверждена эффективность личностно-ориентированного обучения, как и необходимость связывать новые знания со старой базой

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.61

Козлова И.В., Козлова М.А.

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНВАЛИДОВ «ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ГЛУХИХ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрен правовой статус такой социальной группы, как «инвалиды с нарушением слуховых функций». Названы основные направления деятельности Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» и определена его актуальность в системе социального обеспечения. Перечислены виды помощи гражданам с потерей слуха, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Рассмотрены статистические данные, проанализированы социальные проблемы глухих лиц и пути их решения.

УДК. 316.77

Малалиев И.А.

Южный федеральный университет

ПРИЧИНЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ УЗБЕКИСТАНА

В статье рассматриваются предпосылки к возникновению трудовой миграции из Узбекистана. Фокус исследования был смещен от поверхностного рассмотрения экономических предпосылок, таких как уровень безработицы или разница в доходах, к глубинному изучению социально-культурного контекста этого явления. В работе также показывается, как через трудовые поездки, больше всего в Россию, реализуются не только экономические цели, но и ключевые социальные потребности: это и обеспечение достойного уровня жизни семьи, и строительство жилья, и организация и проведение свадеб, и получение образования для детей. Особое внимание уделяется тому, как миграционные практики меняют структуру домохозяйств, гендерные роли и создают новые формы социальной зависимости и статуса. Следовательно, причины миграции раскрываются как взаимосвязанная система, в которой экономическая необходимость тесно переплетается с укоренившимися социальными ожиданиями и воспроизводящейся культурной миграции, делая этот процесс самоподдерживающимся и структурно значимыми для всего узбекского общества.

ABSTRACTS

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY

UDC

Vdovin V.V.

Russian State Economic University of Economics (RINH)

PROBLEM OF SUBJECTIVITY AND SUBJECTHOOD IN ANCIENT PHILOSOPHY: PRE-SOCRATICS

The article presents a philosophical and historical analysis of the concepts of subjectivity and subjecthood in the context of Pre-Socratic philosophy. It examines how early Greek thinkers approached the problem of the subject, human self-awareness, and the individual's relationship with the cosmos. Subjectivity is understood not only as an epistemological category but also as an ontological condition of human existence, reflecting the person's capacity to perceive, interpret, and relate to the world. Pre-Socratic philosophers, through their reflections on nature, being, and the cosmos, laid the foundations for understanding the human as a subject capable of reflection and self-determination. The study emphasizes the historical and conceptual evolution of subjectivity and its transition from a cosmocentric to a proto-anthropocentric perspective.

UDC130.2

Yemelyanova O. B.

Don State Agrarian University

PERSONAL IDENTITY: CONCEPTUAL APPROACHES IN CULTURAL STUDIES

The article is devoted to the study of cultural concepts exploring the identity of a person. The study of identity began with the concepts of ancient philosophers, who defined the features of an ideal citizen who fully understands the role assigned to him by society and the state. The view of personal identity has changed over time: from understanding the culture of an individual, the formation of his mythological thinking, religious concepts to broad culture and the impact of geographical and historical reasons on his identity. In modern scientific theories, the prevailing view is that cultural identity forms the conditions for cultural attribution and offers an author's interpretation of the hierarchy of its levels: individual, organizational, institutional, and interethnic levels. Scientists study inculturation as a process of acquiring cultural competence by a person: the development of values, knowledge of national traditions, and the formation of humanitarian erudition.

UDC130.2

Yemelyanova O. B.

Don State Agrarian University

A SOCIOLOGICAL VIEW OF PERSONAL IDENTITY

The article analyzes the basic concepts of personal identity developed by sociologists. The interaction of man and society allows us to explore the socialization of personality. Foreign sociologists have proved that the social environment is multi-systemic, so it is important to trace how structural institutions shape people's values and choices, dictate their behavior and preferences. Many foreign scientists come to the conclusion that identity is not inherent in a person from the beginning, but is formed in the process of socialization. Solidarity regulates an individual's social connection with a group, his aspirations, beliefs, and religious foundations. In modern Russian scientific sociological discourse, an alternative view of identity as a multilevel model is interesting, in which multilevelness is realized in the synthesis of national, civil, regional and ethnic identity.

UDC 316.722

Nesterovich E.V., Poyda A.V., Poyda E.E.

Don State Agrarian University

JAPANESE NATIONAL CHARACTER AS A FORM OF CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL IDENTITY

The article examines the national character of the Japanese as the most important form of cultural and anthropological identity. The article analyzes the historical, social and psychological aspects of the formation of national character, its role in preserving ethnic and cultural characteristics and ensuring the integrity of the national community. Special attention is paid to the mechanisms of reproduction of national character through traditions, customs, language and upbringing. The influence of the processes of globalization and intercultural interaction on the transformation of national identity is emphasized. The conclusion is made about the importance of the national character for the stability of socio-cultural systems and the formation of self-awareness of the people in modern conditions

UDC101.1

Efendiev A.F., Voronina A.P.

North Caucasus State Institute of Arts

Don State Agrarian University

THE SEARCH FOR THE CONCEPT OF A RUSSIAN NATIONAL IDEA

This article examines the development of the Russian idea in contemporary academic discourse. Alternative methodological and substantive versions of the concept of the Russian idea are analyzed. The thesis is that the Russian idea should be an effective national ideology defining Russian sociocultural identity, positioning and orienting Russian civilization in the modern world and contemporary historical process, and providing a system of ideological and social values, ideals, and guidelines that underlie the preservation and successful development of Russian civilization.

HISTORY

UDC930.1:94(47).073

Kolosova N. N.

Donskoy State Agrarian University

DECEMBRISM AS A HISTORIOGRAPHICAL PHENOMENON

The article examines in a historical context the process of formation of various concepts of the Decembrist movement, which arose as a result of understanding this historical phenomenon, largely under the influence of ideological factors

UDC 796.034

Lipatov A. V.

Volgograd State Physical Education Academy

SPACE OF SOVIET SPORT: TO THE HISTORY OF I SPARTAKIAD OF THE PEOPLES OF THE USSR

The article considers the conditions for holding the first Spartakiad of the peoples of the USSR, as a resource for selecting athletes to participate in the Olympic Games and a mechanism for popularizing physical culture and sports among the population of the USSR.

Based on the analysis of the periodical press of 1956, the social nature of the Spartakiad and its features were determined as the most important political event.

The Spartakiad is considered as a sociocultural phenomenon in the history of Soviet post-war sports on the basis of an interdisciplinary approach, which made it possible to characterize the reasons and conditions for its holding, the progress of implementation and achievements of the participants

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

UDC 377

Akhantyeva N. V.

Institute of Pre-University Education of the National Research Mordovia State University

DEMONSTRATION EXAM IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF SECONDARY EDUCATION

The demonstration exam is an effective and modern tool for vocational education in the Russian Federation. This article attempts to analyze the demonstration exam as a form of state final certification, as well as to examine statistical data characterizing its implementation in the educational process across the country. Particular emphasis is placed on the Republic of Mordovia, a constituent entity of the Russian Federation

UDC 159.9

Belousov O. N.

Rostov State Economic University (RINH)

NATIONAL MENTALITY IN THE CONTEXT OF ETHNOPSYCHOLOGY

National culture and mentality are in the process of constant interaction. Culture forms a mentality through its values, traditions and norms, whereas mentality, in turn, can adapt and change under the influence of globalization and cultural exchanges. This mutual influence plays a key role in shaping identity and perception of the world in modern society. Each nation has its own unique symbols and meanings that shape the collective consciousness and identity. Ethnopsychology, which is of primary interest in this study, is an interdisciplinary field that studies the mental processes, behavior, and social relationships of people in the context of their ethnic and cultural identity. It combines elements of psychology and ethnology, focusing on how culture and ethnicity affect the mental life of individuals and groups. National mentality in the context of ethnopsychology is a set of psychological characteristics, cultural patterns and behavioral patterns inherent in a particular nation or ethnic group. It is shaped by historical, social, economic, and cultural factors and influences how people perceive the world, interact with each other, and solve everyday tasks.

UDC 37.012

Krylova M. N.

Azov-Black Sea Engineering Institute – a branch of the Don State Agrarian University

A PEDAGOGICAL EXPERIMENT AS PART OF A BACHELOR'S DEGREE FINAL THESIS

This article examines the theoretical aspects of a pedagogical experiment. Each of the possible stages of the experiment is described: mandatory (diagnostic, formative, control) and additional (search, training). The theoretical significance of the study lies in systematizing approaches to pedagogical experimentation and defining its place in a bachelor's final thesis. It has been found that a pedagogical experiment is too complex and time-consuming a type of research for

a bachelor's final thesis; the exceptions are final thesis projects that continue coursework and are conducted over several internships. Experimental pedagogical work, a type of research with experimental elements, is optimal for a final qualifying work.

UDC 373; 378

Polomoshnov A.F.

Don State Agrarian University

WESTERNIZATION OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION AND SCIENCE: RESULTS AND WAYS TO OVERCOME

This article analyzes the Bologna Process as a form of Westernization of Russian education and science, examining its assessments and actual results. It identifies areas and tasks for overcoming the Westernization of Russian education and science. It also notes the need to actively engage the Russian teaching community in determining the course of restoring the national identity of Russian education and science.

UDC377.1

Sergushina E. S., Kabanov O. V., Kharitonov V.I.

Pre-University Education National Research Mordovian State University

Department of Electronics and Electrical Engineering

TRANSFORMATION OF SPECIALIST TRAINING IN THE SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM

The article discusses the current issues of the transformation of the secondary vocational education (SPE) system in the context of dynamic changes in labor market requirements and technological progress. The conceptual foundations of the formation of a new educational practice are analyzed, the key of which is the transition from a knowledge-centered to a competence-based paradigm. Modern approaches to the implementation of this paradigm are studied in detail, including the introduction of a modular principle for building educational programs, the use of project and problem-oriented activities, the integration of blended learning formats, as well as the development of network forms of interaction with employers. Special attention is paid to updating the educational results assessment system and the issues of teacher training. In conclusion, it is concluded that successful training of competitive specialists is possible only with the systematic and integrated application of the considered approaches, ensuring a close connection between the educational process and real production.

UDC 336

Ganchina T.A.

Pre-University Education at National Research Mordovian State University

RELEVANCE OF THE DEMONSTRATION EXAM IN MODERN CONDITIONS OF EDUCATION IN SPO

The article discusses the relevance of conducting a demonstration exam in the context of modern education in secondary vocational education. The study involved an in-depth examination of the theoretical foundations and practices of the demonstration exam

UDC316: 004

Kushkimbaev K. A.

Don State Agrarian University

DIGITAL TRANSFORMATION OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE

The article examines digitalization as a key factor shaping the transformation of humanitarian knowledge within the Russian cultural context. It identifies three main models of digitalization: digitization and the creation of electronic archives; the integration of artificial intelligence and computational methods; and the development of new digital environments based on virtual reality, interactive formats, and generative systems. The study explores how digitalization affects

humanitarian inquiry by reshaping the understanding of the research object, the nature of sources, authorship, and the processes of interpreting cultural artifacts. The article also analyzes the influence of state policy on digital development and highlights the infrastructural challenges that hinder the effective implementation of digital technologies. Ultimately, the research concludes that digitalization is a dual process: it expands analytical possibilities while simultaneously demanding a reconsideration of traditional theoretical and methodological frameworks within the humanities

PHILOLOGY

UDC 8

Tarovatova N.V.

Higher Secondary School "Potential", Moscow

A MODERN APPROACH TO TEACHING ENGLISH

This article describes the basic principles of the modern system-activity approach in teaching English, reveals its advantages, describes the stages of the modern lesson and provides specific examples of the application of this approach in elementary school lessons. The examples of tasks are described in stages, from motivation to reflection. The theoretical side of the system-activity approach is described. Its advantages in comparison with the traditional approach in teaching a foreign language are shown. The methods of work have been repeatedly tested in practice and have proven their effectiveness. Special attention in the system-activity approach is paid to the motivational stage, the successful implementation of which depends on the degree of involvement of children in the lesson. It is also important that students succeed in finding a way out of a difficult situation, and the hypotheses they put forward. The role of a teacher as a facilitator and guide requires a lot of preparation and attention to detail. The effectiveness of personality-oriented learning has been confirmed, as well as the need to link new knowledge with the old base

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

UDC316.61

Kozlova I.V., Kozlova M.A.

National Research Mordovia State University

THE ALL-RUSSIAN PUBLIC ORGANIZATION OF THE DISABLED "ALL-RUSSIAN SOCIETY OF THE DEAF" IN THE SOCIAL SECURITY SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers the legal status of such a social group as "people with disabilities with impaired auditory functions". The main activities of the All-Russian public organization of the Disabled "All-Russian Society of the Deaf" are named and its relevance in the social security system is determined. The types of assistance to citizens with hearing loss provided for by the legislation of the Russian Federation are listed. Statistical data are considered, social problems of deaf people and ways to solve them are analyzed

UDC 316.77

Madaliev I.A.

Southern Federal University

REASONS FOR LABOR MIGRATION FROM UZBEKISTAN

The article discusses the prerequisites for the emergence of labor migration from Uzbekistan. The focus of the research has shifted from a superficial examination of economic prerequisites, such as the unemployment rate or income differences, to an in-depth study of the socio-cultural context of this phenomenon. The work also shows how not only economic goals, but also key social needs are realized through work trips, most of all to Russia.: This includes providing a decent standard of living for the family, building housing, organizing and holding weddings, and getting education for children. Attention is paid to how migration practices change household structure, gender roles, and

create new forms of social dependence and status. Consequently, the causes of migration are revealed as an interconnected system in which economic necessity is closely intertwined with ingrained social expectations and reproducible cultural migration, making this process self-sustaining and structurally significant for the entire Uzbek society.

**ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК ДОНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 4, 2025

Сетевое издание

Адрес редакции:

346493, п. Персиановский Октябрьского района Ростовской области,
ул. Кривошлыкова 24. Тел. 8(86360) 36-150
e-mail: dgau-web@mail.ru

Издательство Донского государственного аграрного университета
346493, Россия, пос. Персиановский, Октябрьский район, Ростовская обл.
Подписано в печать 25.12.2025г. Выход в свет 26.12.2025г.